

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ»**

Р.И. ЯКУПОВ

ВВЕДЕНИЕ В ОБЩУЮ ЭТНОЛОГИЮ

*Краткий курс лекций
Для слушателей духовных образовательных учреждений:
учебное пособие*

Часть 1

Уфа 2016

УДК 39(075)
ББК 63.5я73
Я 24

Пособие подготовлено в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2014-2016 гг., принятого Распоряжением Правительства Российской Федерации №815-р от 14 мая 2014 года

Введение в общую этнологию. Краткий курс лекций. Для слушателей духовных образовательных учреждений: Учебное пособие / Составители и авт. Якупов Р.И. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. – 166 с.

Данное учебное пособие представляет собой курс лекций по общей этнологии, читанный автором в Российском Исламском Университете ЦДУМ России в 2007-2016 гг. Курс содержит знания (информацию) об общей теории этнологической науки, ее основных понятиях, а также затрагивает основные проблемы изучения в рамках этой науки, включая историю науки, источник этнологических знаний, основные закономерности развития этноса, классификации этносов и др. Учебник также содержит общие сведения об этнической истории и этногенезу России и отдельных регионов мира. В данном формате учебник представляет собой 1-ю часть общеэтнологических знаний.

Учебное пособие может использоваться как в системе духовного, так и в системе общего высшего образования.

Рецензенты:

Абдрахманов Д.М., канд.филос.н., доцент, директор МНИЦ РМО
БГПУ им. М.Акмуллы

Сулейманов А.Р., ректор РИУ ЦДУМ России

ISBN 978-5-87978-991-1

© Якупов Р.И., 2016

© Издательство БГПУ, 2016

© Российский Исламский Университет ЦДУМ России, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
РАЗДЕЛ I. ВВЕДЕНИЕ В КУРС ЛЕКЦИЙ	7
ЛЕКЦИЯ 1. Этнология как наука и необходимость ее изучения.....	7
ЛЕКЦИЯ 2. Становление этнологии. Из истории изучения народов мира .	10
ЛЕКЦИЯ 3. Из истории отечественной этнографии (этнологии)	31
Часть 1. Возникновение Российской этнографической школы	31
Часть 2. У истоков отечественной теории этноса.....	55
ЛЕКЦИЯ 4. Введение в общую этнологию. Этнология в системе наук	66
РАЗДЕЛ II. ЭТНОС И ЭТНИЧНОСТЬ	74
ЛЕКЦИЯ 5. Этнос и его признаки	74
ЛЕКЦИЯ 6. Механизмы возникновения, сохранения и воспроизводства этноса и этничности	89
ЛЕКЦИЯ 7. Этнические общности.....	101
ЛЕКЦИЯ 8. Этнические процессы	116
РАЗДЕЛ III. КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ МИРА	124
ЛЕКЦИЯ 9. Антропологическая и географическая классификации	125
ЛЕКЦИЯ 10. Хозяйственно-культурная и историко-этнографическая классификации.....	130
ЛЕКЦИЯ 11. Языковая (лингвистическая) классификация в этнологии ...	138

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ислам в России начала XX века находится в стадии ренессанса. Это возрождение после почти 70-летнего периода фактического запрета на свободу веры, хотя формально по конституции религия была всего лишь отделена от государства, то есть должна была быть добровольным делом. Но уже в конце 1920-х идеология государства, а точнее правительства, сделала конституционную свободу слова в России фактически нереализуемой.

Ситуация изменилась в начале 1990-х, когда новая власть отменила идеологические установки на атеизм и тем самым автоматически разрешила развивать институты религиозности, в том числе и системы духовного образования.

В России, как известно, традиционно (исторически) бытуют три монотеистические, или еще говорят – «авраамические»¹, религии. Это ислам, православие и иудаизм. Они, опять же формально, были равны в своих правах перед законами Советского государства. Это равенство поддерживается и теперь. Каждая из них сегодня самостоятельно строит свои системы духовного образования фактически заново. Важно понять, что это означает.

Основу духовного образования составляют догматы и каноны вероучения и этика социального бытия, которые в свою очередь сохраняются в священных источниках Коране и Хадисах (Сунне) Пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха. Эти источники сохранялись веками в оригинале на арабском языке, поэтому изучение его (языка) является обязательным элементом мусульманского образования на всех его уровнях и фактически с него начинается весь процесс духовного образования.

С первых же лет «хиджры»² духовное образование было единственным путем приобщения людей к грамотности и наукам как на элементарном, так и на самом высоком уровне. Но сегодня параллельно развиваются две системы образования, так называемая «светская» и духовная. И так во всем мире, независимо от того, какие в разных уголках планеты бытуют религиозные представления. Аналогично развивается ситуация и в странах, где господствует ислам или исторически проживает большое количество мусульман. Светское образование заключается исключительно в постижении наук, изучающих окружающий мир и человека как мыслящего субъекта, носителя культуры, активного в своей деятельности, наделенного свободой воли и выбора, которые даровал ему Аллах (пречист Он и велик!).

Сказанное означает, что приобщение к общей грамоте и основам наук сегодня возможно двумя путями, через систему исключительно духовного

---

¹ От имени первопророка единобожника Авраама, в коранической традиции – Ибрагима.

² «Хиджра» – термин, обозначающий мусульманское летоисчисление. Начинается в сентябре (по некоторым источникам – в июле) 622 года, с момента ухода Пророка Мухаммада и его немногочисленной общины первых мусульман из Мекки в Медину. Переселение (исход) по-арабски – «хиджра». Отсюда и название новой эры ислама, которую исчисляют и в которой живут мусульмане. Это связано с тем, что именно после отделения и переселения в Медину группы мекканских мусульман их община начинает стремительно расти и успешно противостоять агрессии идолопоклонников Мекки. Спустя уже несколько лет мусульмане возвращаются в Мекку и город полностью переходит в Ислам, а за ним другие города и племена Аравии.

образования или посредством образования светского. Поэтому и в среде верующих возникают часто споры: нужно ли включать в систему духовного образования рациональные (по методу познания) науки. Более того, часть верующих ставит вопрос о целесообразности изучения «светских» дисциплин вообще, то есть получается, что под сомнение ставится само рациональное знание. Мы не будем искать здесь ответа на этот вопрос в целом. А коснемся только такой науки, как этнология.

Нужно ли ее изучать в рамках духовного образования? Соответствует ли или, наоборот, не противоречит ли эта наука религиозным догматам и канонам?

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, заключается в самом священном Коране, где сказано: «Мы создали Вас разными, мужчинами и женщинами, племенами и народами, дабы вы познавали друг друга»³. Не означает ли это, что мусульманин не просто должен уважать иноплеменников, но и стараться изучать их культуры. По крайней мере, своих ближайших соседей.

Подтверждение этого догмата мы находим и в Сунне Пророка, который, отправляя своих сподвижников к дальним племенам и народам с миссией призыва к исламу, напутствовал их, прежде всего, быть тактичными по отношению к местной культуре и уважать традиции этих народов.

Этнология – это как раз та наука, которая имеет целью, прежде всего, изучать историю и культуру народов мира. Причем она – наука (читай – ученые) делает это специально целенаправленно и систематически. А затем полученное знание передается через одноименный учебный предмет более широкой аудитории, школьникам, студентам, всем, кто ищет знаний.

Кстати и поиск знаний «от рождения, до смерти» является одним из догматов веры, восходящих к сунне Пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха.

Так что нет никаких абсолютных оснований и даже поводов для сомнения относительно полезности, более того, необходимости изучения науки этнологии в духовных учебных заведениях ислама – медресе и университетах.

Единственным недостатком является только то, что в современном стандартном учебном плане количество часов, выделяемых на этнологию, не превышает 36 часов на очном отделении. А для заочных и вечерних отделений и того меньше. Причем такое положение дел имеет место не только в духовных учебных заведениях, но и в современных светских вузах. Этого, конечно, недостаточно даже для того, чтобы хотя бы немного приблизиться к пониманию такого сложного феномена как этнос.

А именно легкое и беспечное отношение к самому вопросу о необходимости изучать этнос и является причиной (одной из причин) большинства социальных коллизий, вызванных или связанных с этничностью. Этнический фактор в жизни общества очень значителен и, как ни парадоксально, эта значительность в том, что этничность требует к себе очень осторожного обращения. Она конфликтогенна по своей природе и потому

---

³ Коран. Перевод с араб. акад. И.Ю. Крачковского. М., 1990. 512 с. Сура 49, аят13.

подобна «динамиту», который требуется хранить или обращаться с ним, соблюдая все правила осторожности.

В то же время этнос по своей феноменальности один из увлекательнейших объектов познания. Этническое многообразие мира – это потрясающие уроки культурной адаптации человека в различных уголках ойкумены, образцы духовной эволюции людей и их сообществ, красота и полезность их материально-технических и технологических достижений. Нет науки более поучительной с точки зрения постижения практического опыта человека и человечества, накопленного за всю известную нам историю его существования.

Для изучения общей этнологии, конечно, требуется и больше времени и больше внимания. Как минимум 70-80 часов (учитывая и необходимость семинарских занятий, которые теперь принято называть практическими (скорее в угоду идеологии, чем по существу)).

Поэтому в условиях такой ограниченности курса главной целью лектора является обучение основам науки, формирование (или способствование тому) культуры научного анализа этнологических проблем, навыков самостоятельного поиска и изучения необходимой этнологической информации и, главное, различения достоверной и ложной информации по проблемам этнического развития. Это, по существу, только самая общая информация об этносе и методологические «ключи» к познанию всего спектра проблем, связанных с этничностью.

Данный курс лекций построен на мировоззренческих принципах Ислама с учетом достижений этнологической науки, опыта преподавания этнографии (этнологии) в ведущих вузах и в то же время соответствует государственному стандарту высшей школы. Курс может быть использован в учебном процессе на исторических факультетах вузов и адаптирован к возможной перестройке в соответствии конкретно определенным количеством часов.

Задачи курса: дать слушателям общее представление о науке этнологии, ее объекте и предмете исследований об основных методах и источниках этнологического знания, а также обзор общей этнографии мира.

В результате слушатели и все заинтересованные читатели должны приобрести навыки работы с научной литературой и этнографическими источниками разного типа, а также обладать умением самостоятельно искать необходимые сведения и материалы по этнологическим проблемам.

Слушатели курсов, независимо от будущей профессии, должны уметь использовать полученные знания в сфере образования, просвещения, воспитания подрастающих поколений и всех людей с недостаточным образованием. Понимание проблем этнологии и теории этноса тем более необходимо людям, посвященным в духовный сан и выполняющим в обществе роль духовных наставников (имамы).

РАЗДЕЛ I. ВВЕДЕНИЕ В КУРС ЛЕКЦИЙ

ЛЕКЦИЯ 1.

Этнология как наука и необходимость ее изучения

Самопознание как основа науки. Место этнологии в процессе самопознания человека. Этнология в системе духовного образования. Объект и предмет этнографии и переход к этнологическому осмыслению. Об этнологической теории. Содержание этнологического знания. Его практическая направленность. Необходимость этнологических знаний в богословии. О настоящем курсе – «Введении в общую этнологию».

Человечество вовлечено в процесс самопознания вероятно со времен своего возникновения. Сам этот процесс имеет два вектора: познание человеком своих внутренних мотивов, чувств и познание себя через окружающую действительность. И эмпирическое познание мира и, тем более его научное осмысление, пришедшее значительно позднее, так или иначе, продиктовано, прежде всего, любознательностью человека, заложенной в его «природе». В этом процессе человек и черпает все свои знания и представления «о мире и о себе».

Так и этнография (этнология) как наука возникла из стремления познать этническое многообразие мира. Необходимо отметить, что в обществе всегда возникали и имели место различные способы объяснения этноса и этнической неоднородности населения Земли. Начиналось все с расовой неоднородности, но затем дошло дело и до этнической.

В прошлом, приблизительно до середины XIX столетия большинство таких представлений опирались на священные писания. В священном Коране Всевышний Аллах говорит: «Мы создали Вас разными, мужчинами и женщинами, племенами и народами, дабы Вы познавали друг друга» (Св. Коран 49:13). Об исторических народах в другой суре Всевышний Аллах говорит: «Почему вы, иудеи и христиане, спорите об этих людях? Это – народ, который уже ушёл: ему – то, что он приобрёл, а вам – то, что вы приобрели. И с вас не спросят за то, что делали они».

Европейцы следовали в основном за Библейской традицией. В Библии повествуется о людях, попытавшихся возвысится до уровня Всевышнего и с этой целью строивших знаменитую Вавилонскую башню. Но Бог прервал их дело, рассеяв «строителей» по свету и разделив их по языковому принципу. В результате этого разделения и возникли различные языки и народы. В целом Библия содержит в себе достаточно сведений о разных племенах, народах и их родоначальниках. В ней же мы находим и древнейшие этнографические мифы: родословные потомков древних патриархов Ноя, Авраама и др.

В так называемой «светской» науке первые теоретические ранние философско-рационалистические построения так же базировались на идее духа, точнее народного духа (*volkesgeist* – нем.), будто бы являющегося руководящим элементом в системе нации (этноса). Эта концепция, имевшая широкое хождение в социальной науке XIX в., восходит к философской

системе Г.В.Ф. Гегеля, в которой «абсолютная идея» или «абсолютный дух» имеют свое «инобытие» в развитии так называемых «исторических народов».

В XX в. стали широко бытовать различные представления о нациях (народностях, национальностях, т.е. этносах) как об общностях, в основе формирования которых лежит «этническое самосознание», а происхождение – природа возникновения или, как теперь говорят, механизм формирования таких общностей, до сравнительно недавнего времени оставался невыясненным.

На протяжении долгого периода этнология существовала как описательная наука. Отсюда и ее более раннее название – этнография. В этой форме она просуществовала ровно столько, сколько потребовалось, чтобы в общих чертах представить себе этническое многообразие мира и описать его хотя бы в первом приближении. Однако, по мере накопления эмпирического материала и в связи с тем, что на земле уже не оставалось непознанных (неописанных) народов, этнографы постепенно подошли к более сложным вопросам о сущности этнического. То есть теперь человечество в лице своей научной элиты не просто наблюдает, но пытается понять причины этнического многообразия, механизмы и законы движения этноса, этнических процессов.

В начале XX в. сначала в имперской, а затем и в советской этнографической школе были предложены модели этноса как устойчивой социально-биологической общности, обладающей условным набором признаков, в каждом конкретном случае проявляющихся в особых комбинациях. Наконец, в 1980-х и 1990-х годах в российской этнологии под влиянием западной науки сделаны также попытки трактовать этнос полностью в субъективном духе, то есть его представляют себе как лишь «мыслительный конструкт», о котором не известно, имеет ли он что-либо общее с реальностью. Эта точка зрения увлекла часть научного сообщества в России.

Но все же в наши дни в России по-прежнему популярными остаются представления об этносе, которые были выдвинуты и разработаны в различных аспектах разными учеными, но потом обобщены в единую теорию. В лучшей, наиболее законченной форме она была изложена в трудах Ю.В. Бромлея.

Исходный пункт этой теории состоит в том, что в этносе будто бы поразному сочетаются, с одной стороны, так называемые собственно этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая жизнь, этническое самосознание, закрепленное в этнониме – самоназвании этноса), а с другой стороны, такие, которые рассматриваются преимущественно в качестве условий формирования и бытия собственно этнических элементов (природно-географо-территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.).

В соответствии с этим делением этнос получает якобы двойственную (дуалистическую) природу. Этнос в узком смысле получил наименование «этникос» (греческое прилагательное от «этнос») и включил в себя перечисленные «собственно этнические» характеристики, а этнос в широком смысле был назван этносоциальным организмом (сокращенно ЭСО) и, таким образом, выглядел как сочетание собственно этнических элементов и, кроме

того, условий его складывания и функционирования.

Из сказанного вытекает, что содержание этнологии (этнографии, народоведения) не сводится только к интересу к экзотическим странам и народам, к архаическим проявлениям быта, а также к малосущественным и далеким от запросов жизни элементам народной культуры.

Этнология изучает:

- а) возникновение этносов (этногенез);
- б) историческую эволюцию этносов (этническую историю);
- в) современную жизнь этносов (их актуальное функционирование);
- г) возможные пути развития этносов в обозримом будущем (проблемы этнического прогнозирования).

В этой связи существует перечень тем, проблем и научных направлений, которые чаще других изучают специалисты-этнологи:

– расселение народов, их этнонимию (самоназвания – эндоэтнонимы; названия, данные другими народами – экзоэтнонимы) и другие аспекты динамики размещения этносов, связанные с изучением этнических территорий и этнических границ;

– социальные группы (слои, классы, сословия и т.п., в том числе современные и исторические) в составе этносов, а также этнические группы в составе классов, социальных слоев, институтов и проч., что составляет предмет занятий специальной этнологической дисциплины – этнической социологии;

– демографические процессы, происходящие в этносах, или динамика численности народов;

– субэтнические группы и образования;

– различные аспекты традиционно-исторической, современной народной и профессиональной культуры народов: их поселения, жилища, орудия и утварь, системы питания, одежда и украшения и т.п.;

– хозяйственные занятия, экономическая деятельность и их воздействия на этносы;

– обряды, обычаи, нравы и верования народов;

– языковое поведение и его влияние на этносы;

– проблемы этнического сознания и самосознания;

– политологические вопросы, связанные с этническими интересами, межэтническими (в том числе конфликтными) отношениями и т.п.

Овладение началами этнологической науки важно для современного человека, ибо мы живем в уже довольно тесном мире, в котором интенсивность контактов и взаимодействия этносов становится настолько интенсивным, что, пожалуй, это является одним из важнейших факторов современного развития человечества. Не случайно большинство военных конфликтов второй половины XX века были межэтническими. А они возникают прежде всего из непонимания этноса, этничности и некоторых доступных для понимания законов ее развития.

Настоящий курс общей этнологии включает в себя три раздела: теоретический, классификационный и обзорный. Первый посвящен изучению и философскому осмыслению феномена этничности, второй – способам

осмысления этнографической картины мира и классификации этносов, третий – изучению особенностей культуры и быта народов, обитающих в различных средах, географических зонах, культурно-цивилизационных ареалах, странах.

Практический курс подразумевает углубленное рассмотрение этноса и этнических процессов и обширную самостоятельную работу студентов – подготовку рефератов, докладов и выполнение контрольных заданий по этнографии народов мира.

ЛЕКЦИЯ 2.

Становление этнологии. Из истории изучения народов мира

Кратко о научном знании вообще и этнологии в частности. Первые парадигмы этнологического мышления человека. Самопознание человечества. Начало систематического изучения окружающего мира. Античность – Ближний восток, Малая Азия, Южная Европа. Описания «варваров». Геродот, Страбон, Эратосфен, Птолемей и др. Древний Китай и Индия. Христианство: хроники Византии и Болгарии. Иоанн Малала, Георгий Амартол, Лев Диакон, Константин Багрянородный. Ислам и Арабский халифат, расцвет наук. География, описания путешествий и картография. Аль Масуди, Аль Идриси, Ибн Баттута и др. Русские летописи. Хазарская переписка. Европейские путешествия: Юлиан и Гильом Рубрук, купцы Марко Поло и Плано Карпини. Дипломаты (с особой миссией) Сигизмунд Герберштейн и Адам Олеарий. Великие географические открытия. Колонизация. Начало этнографии. Россия – империя, самопознание. Оформление этнографии. Первые философские народоведческие доктрины (парадигмы). Начало этнологии.

В первой лекции мы рассмотрели вопросы формирования научного знания как такового и условия формирования научных отраслей (наук, в узком – конкретном смысле этого понятия). И выяснили, что каждая научная отрасль имеет свою историю, она складывается стихийно и постепенно иногда долго, но если наконец обретает свой устойчивый объект, свой предмет изучения и формирует собственный понятийный аппарат, неизбежно становится самостоятельной наукой. Теперь с пониманием этого общего, мы можем перейти к ознакомлению с историей формирования конкретной научной отрасли – этнография, этнология⁴.

Формирование этнологии принято относить к началу или в крайнем случае вести ее с середины XIX в., когда не только вошел в обиход термин этнология, но даже появилась первая теоретическая доктрина этнического развития, опиравшаяся на теорию эволюции («эволюционизм»).

Интерес общества к изучению народов мира, однако, возник задолго до этого кульминационного момента. Еще на заре человеческой цивилизации. Соседствующие народы познавали друг друга в ходе миграций, борьбы за выживание, процессов экономического обмена, войн и т.д.

В предисловии и первых лекциях отмечалось, что процесс познания прежде всего стимулируется «любопытством», любознательностью человека. Особенно «на заре человеческой истории» это любопытство должно быть

---

⁴ Мы употребляем всегда два термина рядом (этнография и этнология). Это, вероятно, вызывает вопросы. К завершению данной (2-й) лекции станет понятно, почему.

велико. И хотя большинство исследователей полагает, что в основе развития науки лежит, прежде всего, практическая потребность, точнее сказать необходимость, мы полагаем, что эмпирический интерес, желание узнать не познанное все же опережает рациональную обусловленность познания.

Но это мы говорим исключительно о донаучном периоде в истории познания окружающего мира. Что касается той эпохи, когда накопленный опыт рождает письменность, систематизированные знания, книги, архивы и школы, тогда и процесс познания становится более рациональным, а осмыслением мира – плановым системным и, как теперь говорят, практико ориентированным.

Все сказанное вполне коррелируется с данными по истории становления такой науки, как этнология. Во всяком случае в современной этнологии есть убеждение в том, что в рамках этнических сообществ со времен древности господствует «вечная» оппозиция восприятия мира по принципу «это мы», а «это те, другие» или «это они». Мы полагаем, что именно такая мыслительная парадигма вызывала в человеке в равной степени как страх, так и интерес⁵. Интерес к окружающему миру и окружающим народам, к тем «другим», не «таким как мы». Так или иначе, сегодня нам ясно, что сначала в основе процесса познания этнического многообразия лежал «страх» и «интерес» соседствующих народов друг к другу⁶. Несомненно, он когда-то стал частью естественного человеческого мировосприятия и практической необходимостью плановой деятельности человека. Но, разумеется, ни о какой науке речи еще не было, а то была сама практика жизни, а практический опыт – однако знания об окружающем мире всегда передавались от поколения к поколению. В форме назиданий, наставлений, легенд и рассказов.

Первые систематизации таких знаний появляются во времена складывания ранних государств, кои сегодня мы называем термином «Древние Цивилизации». В историологии признано существование трех «очагов Цивилизации» – это Большой Ближний Восток⁷, Центральная и Южная Азия, Южная Европа. Здесь и возникли первые очаги цивилизации.

---

⁵ Откуда мы знаем об этом? Одним из надежных источников для подобного суждения является наблюдение за так называемыми «отсталыми народами», которые очень активно изучались европейскими учеными со второй половины XIX и почти весь XX век. Это аборигены Австралии, племена Океании, центральной Африки, Амазонии (Мезоамерики), народы Крайнего Севера и Юга (Огненная Земля и Тасмания).

⁶ О страхе следует сказать особо. Дело в том, что в ходе упомянутых наблюдений нового и новейшего времени ученые обнаружили у многих «аборигенных» народов различные формы фобии перед «чужаками», вплоть до «табу» на контакты с ними, или запрет на разговоры, или даже «канон», дающий право на уничтожение любых чужаков без всяких предварительных переговоров. Т.е. «по умолчанию».

⁷ Сегодня под понятием Ближний Восток часто подразумевается Северная часть Аравии и Иранское нагорье. В действительности же этим понятием в географии всегда было принято обозначать более обширную территорию, включающую часть северо-восточной Африки вплоть юга Эфиопии (до верховьев Нила), весь Аравийский полуостров, Иран, западную часть Афганистана и Пакистана, даже Кавказ. Чтобы подчеркнуть этот масштаб, мы применяем термин «Большой» Ближний Восток.

Первые государства. Здесь впервые оформляются на письме и знания об окружающем мире «варваров»⁸. Эти записи сохранились на каменных стелах, глиняных табличках, которые было удобно использовать для письма, позднее на пергаменте, а когда появилась и имела распространение бумага, то на ней. Поводом к описаниям соседей служили войны, международная торговля, открытие новых земель и др. Причем раз от раза описания становятся все подробнее, длиннее, приобретают системный вид.

В числе наиболее достойных внимания и дошедших до наших дней стоит назвать для примера сведения о разных народах, их общее описание, этнонимия (перечисление имен), которые отложились, а точнее специально были высечены на каменных столбах и стелах, по приказу вавилонских, ассирийских, персидских царей в честь их побед над соседними народами (племенами) и государствами. Эти так называемые «царские надписи» [6]. Они выполнялись обычно в едином стиле (формуляре), включавшим описание битв и побед, описание или перечисление покоренных племен, государств и народов, восхваления царей-победителей. На этих стелах («носителях информации») есть и художественные изображения разных народов в их традиционной одежде в помещениях и на природе, то есть какие-то, пусть не совершенные, но это уже вполне этнографические сведения. Сами эти сообщения, высекаемые на камне, как бы увековечивали славу победителей – царей и фараонов и их военачальников. Они юридически узаконивали покорение соседних государств, народов и служили назиданием современникам и потомкам о силе тех или иных властителей и их государств-победителей. Из знаменитых восточных текстов историко-этнографического характера стоит вспомнить известные «Тексты Пирамид» или «Речение Ипусера», «Эпос о Гильгамеше», наконец даже свод законов царя «Законы Хаммурапи».

С распространением монотеизма (прим. XIII - VI вв. до н.э.) и книжной грамоты к описательным средствам прибавляются сведения о происхождении разных языковых семей (групп народов) народов, а также генеалогии пророков, родоначальников конкретных этносов и их союзов. Этими данными люди пользовались неизменно в продолжение нескольких тысячелетий. Забегая вперед повествования, скажем, что эти же сведения встречаем мы впервые и в ранней русской летописи (предположительно IX в.) То есть первые историко-этнографические знания о мире древние предки будущих россиян получали из этих источников.

Так что к прежней эмпирике – любопытству пространственного познания Земли со времен образования государств и особенно империй

---

⁸ Как известно, термин «варварство» употребляется как противоположность понятия «цивилизация» и испокон веков представители «цивилизованного мира» – китайцы, индусы, ассирийцы, вавилоняне, египтяне, греки или римляне, все называли окружающие их многочисленные племена. Само слово «варвар» греческое («барбарос» – чужак) и употреблялось в древней Греции и Риме по отношению к германским, кельтским и пр. племенам Европы. В других цивилизациях в разное время употреблялись разные слова и выражения: у китайцев – «да-дан», у индусов – «млеччха», у японцев – «намбандзин» и т.д.

прочно прибавляется или культурно-идеологическая, или экономическая, или политическая целесообразности. А со времен распространения монотеизма еще и миссионерская (мировоззренческая).

Но более близкими к системным и претендующим на научные становятся описания стран и народов времен Средиземноморской Античной цивилизации⁹. И если до ее возникновения по миру отложились случайные записи, то именно здесь описания дальних, незнакомых ранее стран и народов приобретает научный характер и является уже результатом деятельности первых ученых философов, а также военных полководцев, путешественников и торговцев. Важно, что большинство из них являлись прямыми свидетелями и «контактерами» описываемых народов, их земель, событий. Очень важно, что народы рассматриваются не отдельно от территорий своего обитания, а наоборот воспринимаются как несомненно принадлежащие к тем или иным землям, как часть вмещающего их ландшафта. Потому, видимо, и первые такие описания получают название «география», то есть описание земли, пространства. С этого и начинается собственно наука.

То есть вскоре это название прочно закрепляется за той специальной областью познания, в которой люди стремятся собрать и систематизировать информацию о дальних странах, климате, условиях обитания в них и разумеет о самих обитателях. Описания обитателей дальних стран иногда выглядят фантастическими, что очевидно есть отголоски тех древнейших представлений о «чужаках», с которых мы начали повествование. «Чужаки» могут быть сколь угодно иными, вплоть до чудовищности, вот такие это представления.

В Античном мире географические сведения накапливались постепенно, собирались во время путешествий, военных походов и т.д., авторы чаще всего сами были свидетелями описываемых событий, что придает таким описаниям больше достоверности.

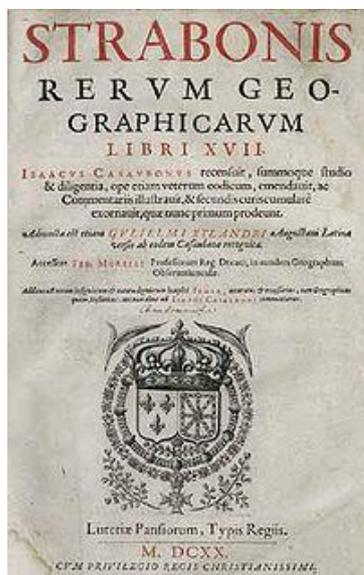
Так, первые обобщения были сделаны Геродотом в его знаменитой книге «История» (V в. до н.э.). Похожий труд создал другой греческий автор – Фукидид (V в. до н.э.). Эратосфен, который по праву может быть назван основателем науки «Географии», внес огромный вклад в развитие этой науки, хотя в ученом мире «отцом географии» почему-то считают

---

⁹ Античная эпоха (античность) (от лат. antiquitas — древность). Под этим термином Античность принято понимать цивилизации Древней Греции и Древнего Рима, их историю и культуру. Существует периодизация античности, где XVI - VIII вв. до н.э. – архаический и эпический (Гомеровский) периоды – предыстория античности, период становления Античных государств. Собственно античность начинается со становления и расцвета греческих полисов и возникновения Римского государства (VIII в. до н.э. - IV в. до н.э.); Классическая античность (V в. до н.э. - II в. н. э) – время распространения цивилизации Греции и Рима (от А. Македонского до смерти Марка Аврелия); Поздняя Античность (конец II/III в. - V/V в.) – упадок Римской империи. Оканчивается эпоха разрушением Римской государственности (476 г.) под ударами варваров.

Страбона. Эратосфен¹⁰ ввел в научный оборот само понятие «географии» и в одноименном трехтомном труде («География») описал историю предыдущих и современных ему географических открытий, а также описал свои математические, физические расчеты и эксперименты, включая основы хронологии, топографии, картографии и методологии описания ландшафтов (фактически – физическая география). Он же автор идеи о сферической форме Земли.

Последователь Эратосфена Страбон написал свою знаменитую «Географию», где в 17 томах описал до 800 народов Евразии от Северо-Восточной Атлантики до Индийского Океана. Это был первый эмпирико-географический труд (и соответственно по ранней этнографии), в котором автор успешно применил на практике методы физической географии Эратосфена, а с другой развил и дополнил их за счет исторической и демогеографии (демос – народ – общество).

Полководец Гай Юлий Цезарь оставил «Записки о Галльской войне» (I в. до н.э.). В «записках» он описал германцев и галлов Европы; Корнелий Тацит составил «Исторические записки», описание земли – «Германия»¹¹ (I - II вв. н.э.). Науки, в рамках которых составлялись описания разных народов, получили название «История» и «География». Но уже в то время авторы

¹⁰ Эратосфен Киренский (прим. 276 - 194 до н. э.) – греческий философ и поэт, астролог, математик, географ. Именно он, как считают многие, стал автором термина «география», позже примененного Страбоном. Ученик Каллимаха и Зенона Кифеонского, Аркесилая и Аристора Хиосского. Руководил библиотекой в Александрии Египетской, служил воспитателем будущего царя Египта, печально известного Птолемея IV Филопатра. См: Бобынин В.В. Эратосфен // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.

¹¹ Леонтьев А.И., Леонтьева М.В. Неведомые земли и народы Севера. URL: http://www.uhlib.ru/istorija/nevedomye_zemli_i_narody_severa/index.php. (дата обращения: 25.11.2016).

подобных сочинений утверждали, что их главная функция – передача знаний в первую очередь о народах тех мест, по которым они составляли описания.

В копилку этнографических знаний внес существенный вклад Плиний Старший (23-79 гг. н. э.), автор 37 томной «Естественной истории». Это, кроме прочего, и один из первых открыто компилятивных трактатов, в котором автор предлагает свое рассмотрение не только сведений, собранных самостоятельно, но и данных по географии, этнографии, истории, космографии, биологии, медицине, минералогии, искусству и другим отраслям знаний из Геродота, Страбона, Цезаря и других ранних авторов.

Особое место в истории этнографических знаний занимают труды Корнелия Тацита. Только за последние десятилетия литературное наследие этого политика, философа и историка переиздано на разных языках. Его «Германию» изучали и использовали в различных исследованиях многие средневековые и тем более современные авторы в своих историко-этнографических исследованиях.

В итоге мы видим, что уже в первые века новой эры цивилизованный мир располагал вполне реальной информацией о народах Евразии (практически всей Европы, а также «Передней Азии», Центральной Азии, Северной Африки и фрагментарно юга Континентальной Евразии). При этом закладывались основы теоретических социологических, этнологических знаний и мыслей. Ученые люди размышляли о различиях и сходствах между народами, пытались найти им объяснения. То есть античные авторы пытались делать и первые обобщения теоретического плана. Такие, например, выводы, что психология народа зависит от той территории (климата), в которой обитает народ («географический детерминизм») ¹².

Луcretий Кар впервые предложил периодизацию человеческой истории, Фукидит создал типологию государственного устройства, Гиппократ связал с климатом особенности характера и культуры тех или иных народов. Это были уже не простые описания, а попытки объяснить, почему народы такие разные. Например, почему одни «цивилизованные», а другие, якобы нет.

Распад античной цивилизации – Римской Империи, разрушение Рима варварами, их нашествия в «Италию» и «Грецию» привело к временному, но достаточно долгому упадку не только в очагах Средиземноморской цивилизации, но и к хозяйственно-культурной стагнации в Северной Европе. Политическая раздробленность феодальной ранней Европы привело к образованию мелких графств и княжеств. Даже правящие элиты в тот период не блистали образованностью и высокой культурой. Не говоря уже о развитии наук. Тем более далеки были массы простого населения и от образования, и от науки. Остатки образованности сохранились только у христианского духовенства, но оно по самому духу христианского вероучения негативно

---

¹² Вот типичный образец стиля описаний той эпохи. Принадлежит перу Страбона: «на Иберийской равнине, обитает население более склонное к земледелию и миру, которое одевается на армянский и индийский лад; горную страну, напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются...».

относилось к светским, земным знаниям. Но таким было положение только в раннесредневековой Европе.

На рубеже прошлой и новой эры, еще в Античную эпоху, этнографические описания соседних народов велись и на Юго-Востоке Евразии. Особенно знамениты в плане их этнографичности «Исторические записки» Сыма Цяня (145 - ок. 86 гг. до н.э.). Книги этого автора (их IX томов) сегодня остаются неизменным источником сведений о народах древнего Китая¹³. Во-первых, будучи написаны в конце II в. до н. э., они излагают историю Китая, начиная с мифических времен и заканчивая периодом жизни автора, т.е. охватывают эпоху по меньшей мере в две тысячи лет; во-вторых, включают историю не только ханьцев, но и других народов, связанных с Китаем исторически и территориально. «Исторические записки» состоят из 130 глав. По своему времени это труд колоссального масштаба.

Известны и другие наблюдения китайцев над соседями, особенно живущими в соседних областях и землях (монголами, корейцами, японцами, точнее их предками, а также народами Юго-Восточной и Центральной Азии и Южной Сибири). Это, например, «Книга гор и морей» (Шань хай цзин), написанной в конце старой и в начале новой эры и описывающей синхронные культуры и народы. В составе книги «История трех царств» (есть в частности «Предание о людях ва»). Хотя в целом стоит отметить, что «дальневосточная» географическая и этнографическая традиция слабее античной и представлена в основном трудами китайских авторов и путешественников.

На западе же в условиях развала Римской империи «описательную традицию» подхватили первые ранне-болгарские «хронисты»¹⁴ (Юго-Восточная Европа – Адриатика) и историки-географы Восточно-Римской Империи, точнее ее наследницы – Византии. Это трактаты в основном христианских богословов Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Льва Диакона, Константина Багрянородного. В то же время к жанру описаний прибавляются и другие виды источников, которые впоследствии будут служить этнографам «нового и новейшего» времени для их этнографических изысков и обобщений. В частности, это «Переписка константинопольского патриарха Николая с болгарским государем Симеоном» (893-927)¹⁵. В этот же ряд можно поставить

---

¹³ Название «Исторические записки» (Ши цзи) труд Сыма Цяня получил уже после кончины автора. Первоначально Сыма Цянь назвал его «Книгой Придворного историографа» (Тайшигун шу). Это название исследователи считают более точным и соответствующим традициям древнекитайской учености и их постоянному интересу к географии окружающего и внутреннего мира «Поднебесной монархии».

¹⁴ Калиганов И., Польшанский Д. (сост.) Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX - XVIII веков. М.: Изд-во: Художественная литература, 1990. 528 стр. Илл.

¹⁵ Известна по английским переводам. См.: Польшанский Д. Н. «Стратегии различения» народов и подданных Восточной Римской империи (Византии). Ромеи, варвары, греки, славяне, болгары, сербы и др. На европейском Востоке (имперском Западе) в VI - X вв. URL: http://www.countries.ru/library/middle_ages/srvvzpr.htm (дата обращения: 25.11.2016).

так называемую «Еврейско-Хазарскую» переписку X века, в которой содержится, кроме прочего, информация о Кордовском Халифате, в целом Испании, а с другой стороны – о Хазарии и окружающих ее территориях, включая Булгар на Волге¹⁶.

В X-XI вв. в пределах восточно-славянского мира сложится православная историко-географическая библиотека из жанра церковных Летописей. В них, в частности, русский мир восточной Европы уже в новое время (XVII - XVIII в.) будет черпать библейские историко-этнографические знания о происхождении народов, номенклатуру и этноязыковые характеристики народов – предков современных русского, украинского, белорусского, а также финно-угорских и тюркских народов Востока зарубежной Европы, России и СНГ. Вообще жанр «Хроники», или по-русски «Летописи...», становится традиционным в просвещенных кругах¹⁷ общества в средневековье. «Хроники...» содержали богатый историко-этнографический материал, практически ориентированный на решение задач, прежде всего, миссионерских, поэтому и народы в них подразделялись на приверженцев «истинной веры» и «заблудших» или «не познавших истинной веры».

Так один из первых (в числе известных) летописец Киевский – Нестор дает такой же пример, но у него наблюдаются еще и домонотеистические «мифологические» пережитки мышления. Точнее было бы сказать заимствования, так как Нестор, скорее всего, большую часть описанного им не видел, но взял у более ранних авторов (I - V вв. н.э.), а в частности у Георгия Амартола (IX в.).

Нестор в частности почти дословно приводит следующий фрагмент из «Хроники» Г. Амартола: «Ибо комуждо языку овтмъ исписанъ законъ есть, другим же обычая, зане законъ беззаконъникомъ отечъствие мниться. От них же первые сирии, живуще на конецъ земля, законъ имуть отецъ своих обычаи: не любодъяти и предюбодъяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло дъяти весьма. Закон же и у вактрианъ, глаголемии врахманеи островъници, еже от прадъдь показаньемъ и благочестьемъ мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще, страха ради многа божия ибо таче прилежащимъ к нимъ индиом - убийстводтици сквернотворяще гнѣвливи и паче естъства; ли внутръньиши странт ихъ челоувкъ ядуще и странъствующихъ убиваху, паче же ядятъ яко пси. Етеръ же законъ хялдьемъ

---

¹⁶ Переписка возникла по инициативе некоего Хосдая Ибн-Шафрута, этнического еврея, служившего при дворе кордовского Халифа Абдр ар-Рахмана III казначеем (мин. фин.), главным толмачем и дипломатом (мин. иностр. дел). Случайно узнав от Византийских купцов и дипломатов о существовании на нижней Волге иудейской хазарии, Ибн-Шафрут вступил в переписку с каганом Иосифом. Вся переписка состоит из трех только посланий одно из которых принадлежит перу Ибн-Шафрута, другое – кагану Иосифу и третье – его поданному неизвестному дипломату (т.н. Кембриджский Аноним).

¹⁷ Просвещенными же были в основном богословы, люди прошедшие обучение в церковных школах и учреждениях среднего и высшего образовательного уровня, а также представители высшего общества, воспитанные и обученные наставниками из числа духовенства же.

и вавилонямы: матери поимати, съ братними чады блудь дѣяти, и убиваху. И всякое бо студное дѣянье яко добродѣтелье мнятся дѣюще, любо далече страны своея будутъ. Инъ же законъ гилиомъ: жены в них орють, зижють храми, и мужьская дѣла творять, но любы творять елико хоцеть, не въздержаеми от мужий своихъ весьма, ли зазрять, в нихъ же суть храбрыя жены ловити звѣрь крѣпкыи. Владѣють же жены мужн своими и добляють ими. Во Бретаньи же мнози мужи с единою женою спяты, и многы жены с единымъ мужемъ похотѣствуютъ: незаконная яко законъ отецъ нѣзавистьно ни въздержаньно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скоть бесловесныи единою льтомъ к вешнимъ днемъ оземьствени будут; и сочтаются с окрестными мужи, яко нѣкоторое имъ торжѣство и велико празднѣство время то мнать. От них заченшимъ въ чревъ паки розбѣгнутся отсюду вси. Во время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубять; аще же дѣвическъ полъ, то въздоять и прильжнъ възпитають». Напомним, Нестор – православный монах. Он уже познал Единобожие. Но следуя еще римской мифологической традиции, еще не избавился от мифологического мышления, наделяющего всех «не своих» мифическими (фантастическими) же свойствами. Так и в цитированном отрывке одни народы, более знакомые восточным славянам, их соседи «блаженны», а «далекие», которых никто не видел, – североевропейцы и южноазиаты (Индии, например) – порочны, ужасны, жестоки и распущены. О них говорит летописец, как о крайних варварах и «чудовищах».

В раннем средневековье географическую традицию продолжают арабские ученые-путешественники, военачальники, политики и чиновники. Они составляют уникальные и очевидно наиболее подробные и достоверные описания земель и народов, живущих в арабском Халифате или соседствующих с ним. Особенного расцвета достигает «арабская» география в IX - X вв. Это труды «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний») ал-Куфи, «Тарих» («История») Аль-Якуби, «Тарих Халифа ибн Хаййат» («История Халифа ибн Хайиата») и «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоеваний стран») Аль-Балазури, «Китаб ал-булдан» («Книга стран») Ибн ал-Факиха, «Ал-Камил фи-т-та'рих» («Полный свод по истории») Ибн Аль-Асира, «Китаб ахбар ат-тивал» («Книга долгих известий») ад-Динавари, «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей») ат-Табари, «Китаб ал-бад' ва-т-таварих» («Книга творения и истории») Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси. Вышеперчисленные труды касаются внутренних провинций Халифата. Для нас особенно значительны сочинения «Мурудж аз-захаб ва маадип ал-джаухар» («Россыпи золота и самоцветов») ал-Масуди, «Китаб сурат ал-ард» («Книга картины земли») Аль-Хорезми, Тамима Ибн-Бахра¹⁸, название которого не сохранилось и отрывки из которого встречается в сочинениях более поздних авторов, «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств») Ибн Хордадбеха, «Китаб Аль-Булдан» («Книга стран») Аль-

---

¹⁸ Сам труд не сохранился, не известно и его название, но имеются выдержки из этого трактата и ссылки на автора в трудах других ученых, в частности в «Книге путей и государств» Ибн-Хордадбеха.

Якуби, одноименное сочинение Ибн Аль-Факиха, «Китаб ал-алак ан-нафиса» («Книга драгоценных ожерелий») Ибн-Русте, «Китаб ал-харадж ва-сан'аг ал-китаба» («Книга о харадже и искусстве секретарства») Кудамы ибн-Джа'фара, «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга предупреждения и пересмотра») Аль-Мас'уди, «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств») Аль-Истахри, «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат аль-акалим» («Наилучшее разделение для познания климатов») ал-Мукаддаси, «Китаб му'джам ма-ста'джама» («Словарь того, что от неарабов») ал-Бакри.

Это далеко не полный перечень богатой географической литературы арабов. И в их числе хотелось бы выделить особо сочинения: так называемую «Записку...» или «Книгу путешествия на Волгу» Ахмеда Ибн-Фадлана, «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям», с картой Мира) ал-Идриси, «Му'джам ал-булдан» («Алфавитный перечень стран» или «Словарь стран») Аль-Якута, а также «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий» Мухаммада ибн Абдуллах ибн Мухаммад ат-Танджи, известного более под именем Ибн-Баттуты. Названные труды можно уже относить вполне к этнографическому жанру. В особенности это касается сочинения Ибн-Баттуты, путешественника-торговца, объехавшего все мусульманские страны, проведшего более 20 лет в своих странствиях, дошедшего до Булгара на Севере и до Китая на Востоке, от Тимбукту на Западе, до земель Центра Африки на Юге. Все свои странствия Ибн Баттута описал в вышеназванном трактате. А с точки зрения этнографии российской еще большее значение имеет «Книга...» Ибн-Фадлана¹⁹.

Абу Абдуллах Мухаммад ибн Мухаммад аль-Хаммуди аль-Хасани (1100-1165), более известный как Аш-Шариф аль-Идриси – марокканец, служивший при дворе Сицилийского короля Рожера II. Он много путешествовал и в частности в Северной Африке, Передней Азии, затем в Испании, во Франции, в Англии. Король тоже был человеком образованным и увлеченным географией, что видимо и стало причиной сближения этих двух

---

¹⁹ Текст сочинения Ибн-Фадлана был восстановлен по так называемой Мешхедской рукописи, обнаруженной востоковедом А.-З.В. Тоганом (А.З. Валидовым) в 1920-х годах в библиотеке при гробнице имама Али ибн-Риза в Мешхеде (Иран). Конечная часть рукописи отсутствовала, поэтому неизвестен ее общий объем. Других версий сочинения, однако, нет. Но доподлинно известно, что в арабско-персидском ученом мире с этим сочинением были знакомы и даже использовали его в других трактатах. В частности, по свидетельству географа Аль-Якута ар-Руми (XIII в.) из г. Мерва, сочинение Ибн-Фадлана о путешествии в Булгар и официальном принятии ислама этим государством имело распространение и было популярно в Иране (так они «узнавали друг друга») среди современников Аль-Якута и находилось у многих лиц в восточном Иране. Сам Якут использовал фрагменты сочинения Ибн-Фадлана в своем «Географическом словаре», также знаменитом в свое время и известным сегодня по нескольким сохранившимся спискам. В 1937 г. фотокопия сочинения Ибн Фадлана, была передана в дар Академии наук СССР от правительства Ирана. А.П. Ковалевский подготовил его издание на русском языке. В 1956 г. он же издал этот труд с обширным комментарием и уточненным переводом.

людей. Король собрал очень богатую коллекцию арабской географической литературы и он же предложил Аль Идриси написать книгу путешествий и составить карту. Идриси к тому времени уже – один из самых знаменитых географов Европы и Арабского Востока, с удовольствием это сделал, тем более что Рожер II создал для него идеальные условия и дал более десятка образованных помощников, которых разослали в разные части света со специальными заданиями собирать сведения об отдаленных землях и их обитателях. Через 15 лет в 1145 году Аль Идриси закончил работу над книгой «Нузхат аль-муштак» со сферической географической картой мира и 70 прямоугольными картами разных регионов, с текстами-описаниями и комментариями на арабском и латинском языках. В комментариях и региональных картах отражены сведения, которые кроме Аль Идриси собрали его помощники. В Европе эта книга больше известна под названием «Книга Роджера».

После распада Халифата и постепенного угасания его научного блеска, географическая описательная эстафета возвращается в Европу и теперь закрепляется здесь надолго. Европа становится центром дальнейшего развития науки в целом и здесь же позднее к началу XIX в. из географии выделится молодая наука – этнография.

А пока в классическом средневековье (XII - XVII вв.) известные европейские путешественники и миссионеры совершат свои реальные сухопутные путешествия через весь Евразийский континент в Восточную Азию, вплоть до Монголии и Китая. В частности, это католические монахи Юлиан и Гильом Рубрук, купцы Марко Поло и Плано Карпини²⁰. Дипломаты (с особой миссией) Сигизмунд Герберштейн и Адам Олеарий совершат путешествия в «Московию» и ее восточные и южные пределы, тогда еще не присоединенные к Московскому Царству и России. Путешествуют и познают окружающий мир и «московиты». В серии подобных путешествий и трудов мы бы особо отметили едва-ли не кругосветное «Путешествие за три моря» российского, русского – тверского купца Афанасия Никитина²¹. Его дневник по своему археографическому и этнографическому значению можно ставить в один ряд наилучшими образцами, подобными упоминавшимся трудам Аль-Идриси или Ибн-Баттуты²².

---

²⁰ Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло / пер. И.М. Минаева. – М.: «Мысль», 1997. – 464 с.; см. также: Книга Марко Поло / пер. со старофранц. текста, вступ. ст. И.П. Магидовича. – М.: «Географгиз», 1955-1956. Библиография.

²¹ Кистерев С.Н. Афанасий Никитин и его «Хождение» на Руси // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 9-40. Алексеев П.В. Мусульманский код «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3 (15). – С. 70-74.

²² Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. С. 231-235. Т. 1.

Исключительным по своему значению периодом в истории этнографической науки становится в позднем Средневековье «эпоха Великих Географических Открытий», связанная в первую очередь с морскими путешествиями вокруг земли, открытием Америки и первым опытом колонизации вновь открытых миров и территорий на Американском континенте, в Океании, Индии, Японии, Юго-Восточной Азии, в Китае, на Новой Зеландии, в Австралии и Тасмании. Сначала путешественники, пираты и военные, а затем купцы и миссионеры из Европы, попадавшие на указанные территории, обязательно вели свои дневники или специальные записи, в том числе чисто этнографического характера. Так и были описаны жители закрытых островов Японии, народы Юго-Востока (островной части), а также прибрежной и сухопутной континентальной Азии, папуасы Новой Гвинеи, аборигены Австралии и индейцы Америки. Можно сказать, что эта эпоха и совершенные в ее бытность открытия завершили процесс формирования эмпирико-рациональных мотивов изучения окружающего мира. И хотя эпоха Географических открытий в мировом масштабе продолжится до XVIII века, уже в начале этого столетия одним из основных стимулов познания действительности станет чисто научный интерес. Но пока эпоха географических открытий будет стимулироваться исключительно практическим интересом, в данном случае экономическим и военно-политическим.

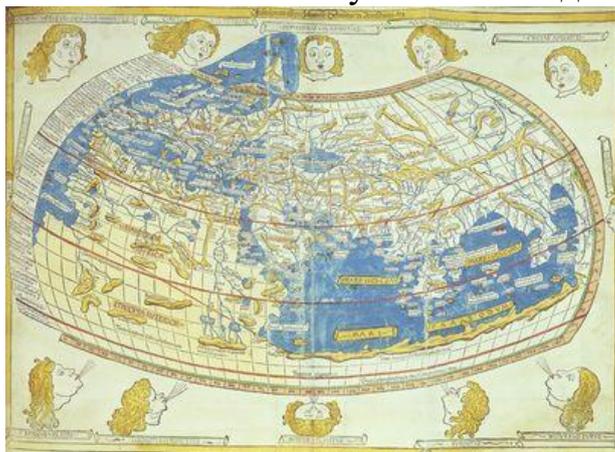
Начало «кругосветных» путешествий и в целом эпоха географических открытий, которые справедливо именуют «Великими», начинается в середине XV столетия. В этом процессе на первом этапе (сер. XV - сер. XVI) участвовали в основном две доминирующие «морские державы» – Португалия и Испания, речь тогда шла еще только об освоении новых торговых путей с Востоком, богатым шелком, золотом, драгоценными камнями и пряностями, не имевшими на самом Востоке той степени ценности, как в Западной Европе и потому дешевыми для купцов, но дорогими для европейского обывателя – это сулило баснословные прибыли владельцам торговых факторий за рубежом. Потому и столь настойчивыми стали поиски торгового морского пути, прежде всего в Индию и Китай, с которыми с эпохи раннего средневековья Европу связывал сухопутный «шелковый путь», прерванный завоеваниями Османской Империи.

Первыми планомерные экспедиции в Атлантическом океане начали португальцы. Они сначала осваивали берега Западной Африки, с каждым разом уходя все дальше и дальше на юг. Особенно прославился принц Генрих «Морепоплаватель» (1394-1460). Он же, кстати, стал и автором идеи колонизации отсталых стран и «народов», расширив торговую задачу до масштабов новой внешней военной политики.

В 1416 году капитан Г. Велью впервые открыл Канарские острова, затем в течении пяти лет были открыты Мадейра и Азорский архипелаг. В последней четверти XV века Диего Кан (Сао) преодолел линию экватора и нашел устье р. Конго, затем, пройдя вдоль западного побережья Африки, еще южнее достиг мыса Кросс и обнаружил пустыни Намибии. Все территории, севернее

покрытые тропическими лесами, по свидетельству географа Птолемея считались до этого непреодолимыми. Теперь этот миф оказался разрушенным. Экспедиции преподносили обществу все новые и новые неожиданности, опровергая прежние представления.

Для того, чтобы оценить всю остроту эмоций, возникающих в обществе от всех этих Великих Открытий, необходимо знать, что средневековая Европа до этого времени опиралась в своих пространственных представлениях на картину мира, автором которой был эллинский философ Клавдий Птолемей (между 127-151 гг.), астроном, астролог, математик, физик (механик и оптик), а главное для нас – непререкаемый в Европе авторитет в области географии. Его главное сочинение «Альмагест» – небесная механика было главным учебником многих поколений ученых астрономов и географов. В этом труде, в частности, были введены понятия широты и долготы, чем заложены основы картографии. Сам Птолемей оставил карту мира (ее можно назвать физической), в которой точно установил координаты 8000 объектов. Фактически это была немного «усеченная» карта Евразии. И хотя современники находят ее несовершенной, по своему времени она в продолжение почти тысячелетия оставалась самым авторитетным источником пространственных представлений европейцев, основой географических дисциплин во всех высших учебных заведениях.

До великих Географических открытий конкуренцию этой карте составляла только карта Шарифа аль-Идриси. Мы уже отметили, что Птолемей составил кроме большой еще 27 различных подробных (возможно локальных) карт, но они не сохранились до наших дней и об их существовании мы узнаем из других письменных нарративов. К основной карте Аль Идриси тоже было сделано 70 приложений.

Теперь морские путешествия то и дело вносили коррективы в «птолемеевские» географические представления и карты Аль Идриси. Следующим серьезным шагом в этом направлении станет вопрос о западном пути в Индию, фактически о кругосветке. Но прежде капитан Бартоломей Диас достигнет в 1487 году мыса «Доброй надежды» – Южной оконечности Африки и, обогнув ее, выйдет к Тихому океану с Юго-Запада.

Весть об этом быстро разнесется по Европе и в конкурентную борьбу за торговые пути вступят мореплаватели (пираты и военные, негоцианты и воинствующие миссионеры) Испании и Великобритании. Следует сказать и о том, что установление новых морских путей сообщения между Европой и Востоком сулило немалые прибыли, но сами путешествия оставались делом исключительной опасности. Поэтому карты проторенных маршрутов держались в секрете и это только усиливало конкурентную борьбу и одновременно стимулировало все новые и новые поиски «отчаянных людей», отважных мореплавателей. Само открытие Бартоломео Диаса показывало вероятность маршрута в Индию, огибая Африку с Юга. Это подтвердили и сухопутные экспедиции, организованные Португальцами по маршрутам Южнее Сахары. Перу да Ковильяна и Афонсу ди Пайву достигли Индии и, как пишут историки, передать на родину отчет о том, что Индии возможно достичь морским путем вокруг Африки. Это в своих рассказах подтверждали и мавританские (арабские) купцы из северо-восточной Африки, с о. Мадагаскар и Аравии.

В это время в конкурентную борьбу «за Индию» активно вошла Англия – давняя морская соперница Испании и Португалии. В качестве мокрой державы усилила свое влияние Испания и вступила в гонку молодая морская флотилия Франции. Успехи Франции в торговле с племенами и государствами Западной Африки заставили все старые державы усиливать поиски новых маршрутов.

Вновь возникала идея округлости земли. Современники считают, что все Европейцы и обитатели Цивилизованного Востока в средневековье представляли себе Ойкумену как плоскость. Эти наши общие суждения, по меньшей мере, не точны. Дело в том, что уже в VI веке до нашей эры древнегреческий философ Пифагор высказал мысль о шарообразности земли. Аристотель в IV до н.э. доказал правоту Пифагора экспериментальным путем, а именно в период лунного затмения. Затем Эратосфен уже II в. до н.э.

фактически с точностью до сотни километров рассчитал диаметр планеты по экватору²³.

Единственным препятствием к пониманию или признанию земли круглой было отсутствие знаний о гравитации и «силе тяготения» земли. Трудно было логически понять, как могут люди, скажем, в Южной Африке не упасть с поверхности планеты. Поэтому бытовали версии о конусовидности или грушевидности Земли, что объясняло и округлость тени земли на луне во время эксперимента Аристотеля и главное подтверждало возможность кругосветного передвижения. Именно так думал Колумб, когда направлял свою эскадру не на юг в обход Африки, а прямо на Юго-Запад. Этот маршрут привел его в 1492 г. на Карибы, которые Христофор Колумб принял за Индию. Так эти острова и вошли в историю под вторым именем – Вест-Индия. Но и это было только началом открытий. В последующем был открыт Путь в Ост-Индию²⁴ через Магелланов пролив²⁵. Спустя какое-то время Пират Френсис

²³ В трактате «Об измерении Земли» (*Peri tes anametreseos tes ges*; возможно, часть его «Географии») Эратосфен высчитал длину Экватора. Она по его подсчетам составила 39 690 км. По современным данным длина экватора составляет 40 120 км. Погрешность Эратосфена составляет всего 130 км. См: Бобынин В.В. Эратосфен // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907; Щеглов Д.А. Родосская параллель Эратосфена и история системы климатов // Мнемон. исследования и публикации по истории античного мира. – Вып. 4. – СПб., 2005. – С. 383-396.

²⁴ «Ост» в переводе с английского (с европейских – романо-германских) – «восточный (ая)». Ост-Индия таким образом – это реальная Индия. А термин Ост-Индия появился тогда, когда Колумб в поисках Индии открыл Америку, точнее даже не материк, но острова в Карибском заливе, включая о. Куба. Их поначалу приняли за какую-то часть Индии. Тогда и вошел в лексикон впервые термин Вест-Индия, западная Индия. Он употреблялся в переносном смысле, но понятие это укоренилось в обыденном языке и пришлось для уточнения вводить термин Ост-Индия во избежание путаницы. Сегодня это – географический термин, иногда употребляемый в отношении Карибского и Багамского архипелагов (групп островов). Ни поскольку существует еще реальная географическая Западная часть Индии, во избежание путаницы ученые говорят не Вест Индия, А Вест Индии (*West Indias*), т.е. во множественном числе, тем более что речь и идет об островах. Кстати и общее название коренных жителей Америки – «индейцы» (на европейских языках «*Indians*»), тоже происходит от понятия Вест-Индия. Сами индейцы восприняли это собирательное название много позже из-за того, что его всегда употребляли европейцы в отношении коренных обитателей «Нового Света», то есть Америки.

²⁵ Фернандо Магеллан, который 10 августа 1519 года начал экспедицию в составе пяти кораблей с целью обогнуть земной шар. Сам Магеллан вовсе не был уверен в успешности своей экспедиции. Идея о шарообразности земли хотя и была уже теоретически обоснована, но не многие в это верили по-настоящему. И все же Магеллану удалось обогнув с юга Америку выйти в Тихий океан к Филиппинам, а затем, минуя уже знакомый мыс Доброй надежды, направиться в Испанию. Правда вернуться на Родину ему было не суждено.

Дрейк открыл еще один пролив между Антарктидой и Огненной землей, доказав тем самым, что последняя не является еще каким-то материком, как думали до этого.

Так или иначе, великие географические открытия существенно повлияли именно на рождение науки этнографии. Ведь вновь открытые земли, а это вся Америка, вся южная часть Африки, позднее Австралия и Океания, а также Южная Азия стали осваиваться европейцами, сначала купцами и торговыми кампаниями Европы, а затем и военным путем. То есть с Великими научными открытиями были открыты и новые возможности к обогащению, в том числе за счет эксплуатации так называемых «отсталых народов» названных территорий. К этому следует прибавить и сухопутные путешествия по Евразии, которые продолжались. А главное началась официальная и быстрая колонизация всех территорий, где отсутствовала «цивилизация», там впоследствии возникли новые государства, там где государственность была сильна – в Японии, Китае, Индии, Северной Африке и на Ближнем Востоке, местные государства и народы попадали в экономическую, а затем и политическую, и военную зависимость. Складывалась «колониальная система».

Уже в ходе поиска морских путей в богатую Индию сначала в Нидерландах²⁶, затем в Португалии, Испании и наконец в Англии были созданы так называемые «Ост-Индские» компании, которые не только

---

²⁶ Понять характер деятельности таких организаций можно на примере Голландской «Ост-Индской Компании». В 1594 году группа нидерландских купцов основали компанию «Ван Верре» для торговли со странами Востока без посредников. За ней последовало создание других подобных торговых голландских компаний. С целью исключения взаимной конкуренции между ними и совместного противостояния португальской, испанской и английской торговле, решением Генеральных штатов Соединённых провинций Нидерландов эти торговые компании были объединены в единую Ост-Индскую компанию в 1602 году. Стартовый капитал компании составлял около 6,5 млн. флоринов. Ост-Индской компанией была основана целая сеть торговых факторий (в том числе на мысе Доброй Надежды, Персии, Бенгалии, Малакке (ныне в составе Малайзии), Китае, Сиаме (ныне Таиланд), Формозе (ныне Тайвань). Акватория, охваченная деятельностью Ост-Индской компании, простиралась от мыса Доброй Надежды на западе до Магелланова пролива на востоке. Едва ли не самой замечательной фигурой в истории компании был Ян Питерзон Кун, перенёсший её штаб-квартиру в основанный им город Батавия (ныне Джакарта) на острове Ява, ставший столицей голландских колониальных владений в Азии. Бывшие нидерландские владения в этом регионе до сих пор иногда называют Голландскими Индиями (Голландская Ост-Индия (Индонезия), голландские владения на полуострове Индостан, Цейлон, Малакка, Капская область в Южной Африке. Компания располагала шестью офисами (палатами) в портовых городах метрополии (в Амстердаме, Роттердаме, Зеландии, Делфте и Хорне – Энкхёйзене) и управлялась советом из 17 купцов (директоров). Незадолго до закрытия компании представлявший её интересы хирург Исаак Титсинг заручился поддержкой её начинаний со стороны Японского сёгуна и китайского императора Айсиньгёро Хунли (девиз правления – «Цяньлун»), которого он посетил в пекинском дворце Юаньминъюань.

Португальская Ост-Индская компания просуществовала всего 5 лет, с 1628 по 1633 гг. Эта компания с крупным государственным участием Испано-португальская корона предоставила компании монополию на торговлю пряностями с Индийским океаном. Португальская компания не выдерживала конкуренции с другими компаниями. В XVIII - первой половине XIX века в Новом свете по-настоящему господствовала «ОИК» Великобритании, преподчинившая своей власти компании, утративших силу испанской и португальской корон.

В 1697 году бургомистр Амстердама и по совместительству директор Голландской Ост-Индской компании Николаас Витсен организовал рабочую стажировку для представителей российского государства, входивших в состав «Великого посольства», среди которых, как известно, был и молодой царь – Петр I, ставший после своей «рабочей практики» на верфях Амстердама личным другом директора Голландской Ост-Индской компании.

снаряжали все новые экспедиции в Новый свет, но и нанимали специально образованных людей для изучения ресурсов вновь открываемых и объявляемых собственностью этих концессий территорий. Особое внимание уделялось при этом описаниям быта и нравов местных туземных племен. Для их использования если не в качестве товара, как рабов, то по меньшей мере как дешевой рабочей силы во вновь организуемых факториях. Колониальное господство административно выражалось либо в форме «доминиона» (прямого управления колонией посредством вице-короля, генерал-капитана или генерал-губернатора), либо в форме «протектората». Идеологическое обоснование колониализма шло посредством необходимости распространения культуры (культуртрегерство, модернизация, вестернизация) – «бремени белого человека». Испанский вариант колонизации подразумевал экспансию католицизма, испанского языка через систему «энкомьенда». Голландский вариант колонизации Южной Африки подразумевал апартеид, изгнание местного населения и заключение его в резервации или бантустаны. Колонисты образовывали полностью независимые от местного населения общины, которые комплектовались из людей самых разных сословий, включая преступников и авантюристов. Также широко были распространены религиозные общины (пуритане Новой Англии и мормоны Дикого Запада). Власть колониальной администрации осуществлялась по принципу «разделяй и властвуй», в связи с чем она поддерживала местных властителей, которые охотно принимали внешние признаки власти и иноземные методы руководства.

Обычным явлением была организация и поддержка конфликтов в среде враждебных племён (в колониальной Африке) или местных религиозных общин (индусов и мусульман в Британской Индии), а также с помощью апартеида.

Здесь хотелось процитировать А.П. Садохина, который в своем учебнике «Этнология» делает такое замечание: «История любой области научного знания с большей или меньшей степенью убедительности свидетельствует, что ее возникновение всегда было обусловлено практическими потребностями людей. Не является исключением и становление этнологии как самостоятельной науки»²⁷. В этом конечно есть значительная доля правды. Но не все, в том числе и мы, разделяют такую позицию абсолютно. Живой интерес человека к окружающему его миру нам кажется сильнее, хотя повторяем без сомнения и практика жизни, и экономический интерес всегда были мощнейшим стимулом развития науки!

Так с началом эпохи ВГО человечество сделало свой первый робкий шаг к глобализации. В дальнейшем темпы самопознания непрерывно ускорялись. Одновременно с научным географическим, капиталистическим (политическим по сути и по целям), миссионерским познанием мира «неизвестного» в XVII – XIX вв. развивается и научное направление географии. Исследованиями занимаются Европейские Университеты,

---

²⁷ Садохин А.П. Этнология. М.: «Гардарики», 2000.

Королевские Академии Европы и России, Общественные научные ассоциации. Деятельность таких организаций особенно ярко проявила себя в России. Об этом в следующих двух лекциях.

Завершающим этапом предистории этнографической науки становится XVIII в. Во-первых, в это время окончательно наступает мировое господство Европы, складывается ее «колониальная система», а вместе с тем наука в целом становится Европоцентристской. Это означает, что весь мир сверяет свои показатели образованности и научные, и культурные (в смысле просвещения и цивилизованности) идеалы с Европейскими. В самой Европе господствует дух учености, популярно университетское образование и научное понимание мира. В смысле развития географии и ее народоведческого направления важно то, что все накопленные за предыдущие века фактические материалы, сообщения, описания, сведения и пр. начинали переосмысливаться с точки зрения причин этнического разнообразия. Выявлялись философские закономерности, развивались методологические основы изучения народной культуры, народного самосознания, народного быта.

Это уже и не эмоциональные оценки, подобные «мифологическим» или «псевдотеологическим», делящим мир исключительно на своих и чужих, «людей» и «нелюдей», «цивилизованных» и «варваров», но более глубокие размышления и поиски объяснения этнического разнообразия рациональным путем. Такой подход, как известно, требует аргументации и любая точка зрения ждет своего логического обоснования.

Складываются первые философские доктрины (парадигмы). Европа возродила известные с античных времен идеи географического детерминизма, рассматривающего народы и их культуры как следствие воздействия определенно природной среды обитания. Их в частности отстаивал Шарль де Монтескье.²⁸ Широко распространились идеи Жана Ж. Руссо и Д. Дидро²⁹ с их теорией «антикультуры» и первоначальной чистоты «дикарей». Кроме того, была разработана теория культурогенеза человечества и стадийная теория культуры (дикость, варварство, цивилизация) Вольтера³⁰, А. Фергюсона³¹. Это стало прямым следствием накопленных материалов о народах мира, находящихся на различных стадиях развития по «цивилизационной» шкале Европы XVIII в. В то же время появляются доктрины, основанные на идее уникальности и своеобразия

---

²⁸ Шарль Луи де Секонда, барон Ля Брэд и де Монтескье (1689-1755) – французский философ (правовед), автор ряда философских трактатов и литературных произведений, в частности романа «Персидские письма» и труда «О духе законов». Изучал общество, развивал теорию государства и права. Был сторонником демократии. В частности разработал доктрину разделения властей. Придерживался идей натурализма в изучении общества.

²⁹ Дени Дидро (1713 – 1784) – французский философ и писатель (драматург), основатель «Энциклопедии» («Энциклопедия или Толковый словарь наук, искусств и ремесел»). Собрал вокруг себя круг «энциклопедистов»: Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Ш. де Монтескье, Д'Аламбер. Автор идеи «третьего сословия», но сторонник просвещенной монархии.

³⁰ Франсуа-Мари Аруэ Младший (Вольтер, 1694-1778) – французский философ, историк, публицист и литератор.

³¹ Адам Фергюсон (англ. Adam Ferguson) – английский философ и историк. Профессор Эдинбургского университета.

каждого народа, ценности каждой отдельной культуры³². Главным апологетом таких воззрений был Иоганн фон Гердер. Его взгляды в общем требуют оговорки, так как он, хотя и не был в свое время так популярен, Руссо, Дидро, Вольтер, но его идеи оказались более жизненны и предвосхитили теоретические и политические доктрины будущего. Еще и теперь они, полагаем, не теряют актуальности³³.

То есть мы видим, что мыслящая Европа приближается к тому, чтобы конституировать сразу несколько гуманитарных наук, в числе которых и наука о народах мира. Но здесь необходимо особенно подчеркнуть, что уже в этот период, т.е. в XVIII в., наметилась тенденция концентрации научного внимания Европейских ученых на общесоциальных проблемах и особом восприятии ими этнической картины мира. Их в меньшей степени интересуют этническая культура как таковая, но интересуют универсальные культурные явления и процессы. Отсюда и возобладавшее в конце концов деление народов на отсталые и развитые, на дикие, архаические и цивилизованные. Т.е. намечается общеантропологический подход в осмыслении этноса и в целом общественного развития. В России все иначе. И вот, прежде всего, почему!

Так или иначе, к середине XIX века мир в целом был уже достаточно хорошо изучен и созрели предпосылки к формированию новой науки, осмысливающей причины и следствия этнической пестроты или неоднородности. По крайней мере, Европейские страны и даже страны Востока знали о самих себе практически все, а путешествия в дебри Африки, Мезоамерики и Острова Океании уже не были чем-то совершенно необычным, хотя интерес к ним не остывал никогда. Общая картина мира была тоже

---

³² Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803) – немецкий писатель и теолог, историк культуры, создатель теории исторического понимания культуры и искусства. Учил рассматривать все явления с точки зрения духа своего времени.

³³ В частности И.Г. Гердер считал, что человечество в целом развивается как и каждый человек – рождается, живет, стареет. Эта схема повторяется и в каждом народе, и в более крупных сообществах, государствах, цивилизациях. Так на исходе античности человечество «познало свою первую старость», но в эпоху «возрождения» поднялось по спирали на новую ступень. Г. Гейне говорил о И. Гердере следующее: «Гердер не восседал, подобно литературному великому инквизитору, судьей над различными народами, осуждая или оправдывая их, смотря по степени их религиозности (правоверные и варвары – прим. авт.). Нет, Гердер рассматривал все человечество как великую арфу в руках великого мастера, каждый народ казался ему по-своему настроенной струной этой исполинской арфы, и он постигал универсальную гармонию её различных звуков». Это вполне отвечало и исламскому пониманию этнического разнообразия и народной культуры. Национальная смобытность – это идеал общественного развития, по Гердеру, то есть то, к чему следует стремиться. В то же время Гердер признавал и понятие прогресса (не только цикличность), то есть каждый виток завершается уже выше. Гердер противопоставляет многонациональным государствам моноэтнические, полагая именно их совершенными: «Природа воспитывает семьи и, следовательно, самое естественное государство – то, где живёт один народ с единым национальным характером». «Государство одного народа – это семья, благоустроенный дом. Оно покоится на собственном фундаменте; основанное природой, оно стоит и погибает только с течением времени». Гердер считал такое государство первой из существующих форм, в то же время высшей и последней (лучшей) с точки зрения ее эволюции. «Генетический дух, характер народа – это вообще вещь поразительная и странная. Его не объяснить, нельзя и стереть его с лица Земли: он стар, как нация, стар, как почва, на которой жил народ», – утверждает Гердер. Он полагает таким образом, что народное государство (моноэтническое) гармонично каждому человеку, в то время как полиэтническое государство должно отмереть. В этом И. Гердер опередил на полстолетия И. Канта, утверждавшего, что: «Человек, который нуждается в господине, животное: поскольку он человек – ему не нужен никакой господин», а следовательно и государство (Р.Я.) См. *Кант И.* (9, т. X, стр. 383).

достаточно ясна. Почему и требовались обобщения, в том числе и теоретические.

Но была одна страна, которая еще не была познана так же хорошо, как остальные знали самих себя и свои колонии. Это Россия. И в этом видится причина того, что именно в России изучение народов приобрело специальный характер. Если в Европе была обоснована в качестве (и в составе) более общей науки о человеке – антропологии, то в России она стала этнографией – специальной наукой, изучающей народ как главный объект внимания.

Считают, хотя быть в этом уверенными трудно, что термин «этнология» был введен и впервые употреблен в 1784 г. французским ученым А. Шаванном. До середины XIX в. этот термин использовался в работах исследователей народной культуры и при описании различных этнических процессов наряду с термином «этнография» в качестве его синонима. Утверждают также, что в 1830 г. французский ученый Жан Жак Ампер предложил использовать этот термин в качестве наименования новой науки о народах и культурах.

Известно это уже можно говорить точно, что в 1839 г. было создано Парижское общество этнологии, и поэтому есть предложения ряда ученых считать эту дату датой формирования новой науки – этнологии. Постепенно это название распространилось в крупнейших европейских странах, а во второй половине XIX в. стало употребляться и в России. В следующих лекциях мы увидим, как происходило постепенное становление этой науки в нашей стране.

А в заключение к настоящей лекции следует еще добавить: и сама география, точнее ее субъекты – ученые-географы немало способствовали отделению от географии ее народоведческой части и оформлению ее в качестве самостоятельного направления.

Дело в том, что, несмотря на древнее возникновение географии, на действительно научную, рациональную площадку она вышла только в конце XVII века и то еще рядом с понятием «география» имело распространение понятие «естествознание», некое обобщающее знание – наука о природе. Поэтому и в этой области познания шли дебаты по вопросу что же считать предметной областью географии?

В начале XVIII в. немецкие ученые А. фон Гумбольдт³⁴ и К. Риттер своими выдающимися философско-методологическими трудами заставили общество пересмотреть взгляды на «естествознание» и выделить из него собственно географическую составляющую, четко отделяя при этом от географии и народоведческую часть. Несмотря на то, что в отношении друг друга и географической науки А. Гумбольдт и К. Риттер не были едины, они

---

³⁴ Барон Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Гумбольдт (1769-1859) – энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник. Академик Берлинской (1800), Прусской и Баварской академий. Почётный член Петербургской академии наук (1818). Главной задачей своей научной деятельности объявил «постижение природы как целого и сбор свидетельств о взаимодействии природных сил». Основатель научных направлений (субдисциплин): физическая география, география растительного мира, ландшафтоведение, климатология, экология. Изучал геомагнетизм, стоял у истоков научной геологии.

так или иначе каждый исходя из собственной парадигмы³⁵ способствовали выделению из географии ее народоведческой части. Так что возникновению этнографии как самостоятельной науки мы немало обязаны самим географам-теоретикам. И это естественно. Мы уже говорили, что всякая отрасль познания только тогда может претендовать на статус самостоятельной науки, когда у нее есть и свой объект и, что еще важнее, свой конкретный предмет изучения.

Так или иначе, к середине XIX в. этнография (этнология) сложилась как самостоятельная наука. Вслед за этнологическим обществом в Париже (1839) аналогичные общества формируются в Лондоне (1843) и даже в Нью-Йорке (1842). Хотя Америка того периода вообще находилась на периферии мировой научной мысли. Решающее значение для этнографии России и Европейской этнологии, а затем антропологии оказали идеи Эд. Тэйлора и Г.Л. Моргана. Это были идеи «эволюционизма». Они настолько увлекли общественность Европы, что стали непререкаемо авторитетными и в научных кругах. Хотя и не все приняли эволюционизм как научную парадигму, популярность этой теории была настолько велика, что она стала основой научной методологии многих наук, в том числе «естественных». Из концепции эволюции вывел свои идеи и биолог Ч. Дарвин, и философ А. Бастиан, и на базе этих идей появились различные направления в других гуманитарных науках, даже в историологии.

Главные постулаты эволюционизма заключались в том, что признавалось культурное единство человечества, эволюция культуры от низших форм к высшим (от дикости – к цивилизации, от группового брака – к парному и т.п.), различия в культуре – следствие разных ступеней развития. Г.Л. Морган связал общественный прогресс с развитием средств существования, средств производства, чем дал богатую пищу для размышления К. Марксу. Работы Г.Л. Моргана и труды других эволюционистов были использованы им и Ф. Энгельсом в частности, написавшему книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884)³⁶.

Идеи эволюционизма оказали огромное влияние на молодую этнографическую науку уже в XIX в., став для нее фактически главным фактором генезиса. Объект был известен, предмет определился, а теперь появился и главный научный метод – концепция этнического развития.

В конце XIX в. этнографические наблюдения в мире, там где они вообще имели организованный и системный характер, велись исключительно

---

³⁵ Гумбольдт признавал влияние природы на человека, но не старался на этом девизе построить самостоятельную, отдельную науку; он рассматривал землю не только как физическое тело, но и как мировое, он стремился расширить и постигнуть общие идеи о мироздании. Риттер же хотел на основном девизе (о влиянии природы на человека) создать совершенно новую, но невозможную науку, т.е. региональное страноведение. Поэтому усиливается расхождение взглядов ученых на географию. Одна часть ушла в «чистое» естествознание (унитарии), развивая идеи физической географии. Другая группа разрабатывала проблемы региональной географии (дуалисты), где природа, по словам В.А. Анучина, рассматривалась «как нечто фатально связанное с историей населяющих Землю народов, а специфика общественных отношений связывалась с определяющим влиянием природных условий».

³⁶ Труд, который мы рекомендуем почитать. Для лучшего понимания сути материалистических идей и того, что они (не все обязательно атеистичны) инструментально могут быть полезны в процессе познания. Но читать, естественно, необходимо внимательно и критически – размышляя.

специалистами-этнографами, прошедшими специальную университетскую подготовку в этой области. В то время экспедиции особенно активно работали в Океании, Юго-Восточной Азии. В США этнографическая школа Ф. Боаса существенно продвинула этнографическое описание культуры индейцев Северной Америки. Материал собирался теперь по специальным программам. Уточнялись методики. Наука развивалась.

Как ни странно, но раньше чем где-либо идеи эволюционизма стали критиковать российские ученые, стоявшие у истоков отечественной этнографии. А в дверь Европейской и американской антропологии уже стучались идеи «диффузионизма», «цивилизационных кругов» и пр. Об этом мы будем говорить на следующих лекциях.

ЛЕКЦИЯ 3.

Из истории отечественной этнографии (этнологии)

Часть 1. Возникновение Российской этнографической школы

О причинах особого отношения россиян к этнографической проблематике. Россия XVIII-XIX вв. Дискуссии по общей концепции «национальной» истории. Первые структуры этнографической науки: АН и «государев кабинет редкостей» – Кунсткамера. Полемика Г. Миллера и М. Ломоносова. Россия – «земля не познанная». Академические экспедиции. Г. Миллер, П. Паллас, И. Георги, В. Татищев, П. Рычков и др. С.П. Крашенинников. Пугачевское восстание. Образование ОмдС. Новый этап осмысления этнографической картины России. МГУ. МОИДР. Новая полемика. Н.М. Карамзин. Г. Эверс. М.Т. Каченовский, Н. Полевой. Отечественная Война. Российская «народностная» парадигма. Рост интереса к этнографии. РГО. ОЛЕАЭ. Российские университеты СПб., Казань, Дерпт, Одесса. Казанский Университет и его роль в развитии «иногородческой» этнографии. Начные общества России. «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» (ОЛЕАЭ). УрОЛЕ. ВЭО. Губернские Ученые Архивные Комиссии (ГУАК). Третья дискуссия. П.И. Кеппен, С.Ф. Ольденбург, К. Бээр, К.Д. Кавелин, Н.И. Надеждин, Д.Н. Анучин, семья Харузиных. Этнография в АН, РГО и МГУ.

Для ученого сообщества России, да и в целом для всего гражданского общества, характерен особый интерес к этнографии и отечественной («национальной»³⁷) истории, но не в социально-политическом, а в

---

³⁷ В данном случае термин «национальный» употребляется в таком значении, когда «нация» – это государственно-гражданская общность и соответственно состояние. Этому состоянию и этой общности, как мы полагаем, присуща собственная культура и основанная на ней идентичность точно так же, как и этносу. Но «нация» это все же не этнос. Хотя многие, в том числе и ученые люди, термином «национальность» и «нация» все еще выражают именно этническую принадлежность. Более того, в конце XX века в этнологии России долго бытовала трехчленная историческая типология этноса, выделявшая три стадии в его развитии: «племя», «народность», «нация». При этом отечественные этнологи-теоретики понятие о «нации» и ее признаках заимствовали из работ И.В. Сталина, в частности его статьи «Марксизм и национальный вопрос». В историографии 1930-х - сер. 1950-х оно (понятие) практически заменяло термин «этнос», позже стало интерпретироваться как типологическая стадия развития этничности, следовавшая за «народностью». (Сравни, например, славянские племена, древнерусская народность, русская нация).

национально-патриотическом и этно-политологическом ее аспектах³⁸. Так или иначе, этничность и вопросы культуры народов России всегда оставались в центре внимания российских ученых. При кажущейся простоте и кажущейся же спорности данного тезиса есть достаточные основания для подобного утверждения.

Можно сказать, что изучение отечественной истории и сопутствующий ему естественный патриотический императив в реализации этой задачи характерен для историков любой страны. Это правда и с этим невозможно не согласиться. Но мы говорим не совсем об этом, а о том, что в России этнографическая проблематика вызывала и вызывает повышенный интерес всего общества, а не только его «ученого» бомонда. Именно этот общественный интерес способствует, в свою очередь, развитию усиленного внимания и научной элиты к национальной истории и «народоведческой» проблематике. А объективным катализатором столь глубокого внимания сообщества ученых к проблеме этничности и цивилизационных координат России является, мы думаем, сама историко-этнографическая действительность, тысячелетняя поликультурная реальность.

Не имея возможности сейчас обосновать этот тезис на статистическом уровне или социологическом материале, для этого понадобился бы специальный «эксперимент», все же приведем несколько аргументов иного характера. Из области чистой фактологии и историографии. Это тем более оправдано, что такой метод является традиционным в науках историологического профиля.

Справедливость постановки вопроса об особом внимании отечественных ученых к этнографическим сюжетам и этносу, как объекту конкретных наблюдений и фундаментальных исследований, подтверждают, например, три

---

³⁸ Якупов Р.И. О науковедении, гуманитарном знании и дефиниции понятия «научная школа» (Часть 1 и 2) // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 4 (60). – С. 186-189; – № 5 (61). – С.166-170; Он же. К вопросу о канонической истории России // Вестник ВЭГУ. – 2013. – №3 (65). – С.145-155; Он же. Роль ИРГО в становлении отечественной этнографии, в развитии теории этноса и в национальном самопознании // *Ab tribe ad gentem*. Научный сборник ИИЯЛ. СПб, 2014. С.7-26; Yakupov R.I. The Russian school of ethnicity theory the historiographical justification // *From tribe to ethnos (Ethnography in the Russian geographical society)*. Vol. 2. S. Pb., 2015. P. 22-41 и др.

весьма острые научные дискуссии, имевшие место в России в XVIII-XIX вв. Это были дискуссии по поводу общей Концепции «национальной» истории.³⁹

Прежде, чем коснуться их содержания, необходимо подчеркнуть, что основы развития отечественной этнографии (как науки) были заложены, конечно, Российской Академией наук⁴⁰, созданной в 1725 году, незадолго до кончины Петра I, инициатора этой академии. В структуре ранней академии в

---

³⁹ В действительности дискуссий было больше. Вообще в России полемику и обсуждение вызывало практически каждое сочинение, кающееся того круга проблем, о которых мы говорим. Так, например, широкий резонанс получили в свое время выступление И.Н. Болтина против князя М.М. Щербатова по поводу его «Истории Российской...». В начале XIX в. за несколько лет до выхода труда Н.М. Карамзина предметом достаточно острых споров стал труд А.Л. Шлецера «Нестор...». А в 1830-е возникает полемика вокруг трудов Н.А. Полевого, который впервые разделил понятия «история российская» и «история русская». Все это только усиливает аргументацию нашего тезиса об особенном внимании российского общества и научной гуманитарной мысли к вопросам национальной истории и к этнической проблематике. Мы здесь будем говорить только о дискуссиях, приобретающих самый широкий размах и оказывавших факторное влияние на направления развития науки. Такие дискуссии были особенно характерны для XX и начала XXI вв. Последняя, например, развивается в данный момент в связи с призывом Президента России В.В. Путина создать новую «каноническую» историю России. Были подобные дискуссии и в раннем XX веке, после революции, на заре Советского государства и после распада СССР в эпоху М.С. Горбачева. В самом конце XX столетия в «смутные» времена постсоветских реформ Президент Б.Н. Ельцин призывал ученое сообщество искать «общенациональную» объединительную идею, что послужило поводом и к очередной дискуссии по поводу истории Отечества. Объединяет все эти попытки и постановки вопроса то, что они упираются в системную проблему: поиск общегосударственной, общенациональной идеи должен удовлетворять интересы всех общностей и прежде всего этнических. Без этого не получается ни общенационального единства, ни «национальной идеи», «ни канонической» истории, ни даже полноценной общей ее Концепции. И приходится признать, что проблема не нова, а фактически является предметом постоянного обсуждения в обществе с XVIII века. Этому и были посвящены три дискуссии, избранные нами для анализа. Именно поэтому мы выбрали их: наиболее острые и имевшие наибольший резонанс в обществе и обнаруживавшие всякий раз острый интерес общества к проблемам истории и культуры этноса и нации, при этом всякий же раз способствовавшие его дальнейшему усилению.

⁴⁰ Уточнение: до 1917 года академия, созданная Петром I, носила разные официальные названия. Первой была Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге (с 1724 г.), второй – Императорская академия наук (ИАН, с 1803), третьей – Императорская Санкт-Петербургская академия наук (ИАН, 1836). И только в 1917 году Академия получает название – Российская (РАН), которое вскоре приобретает «второстепенное» значение, так как после образования нового Социалистического государства создается АН СССР, где РАН, как и все национальные республиканские Академии, получает фактически статус филиала или отделения. С распадом СССР, однако, РАН возвращает себе лидерство и становится правопреемницей АН СССР.

числе 3 главных ее департаментов был и гуманитарный.⁴¹ В исторической научной литературе так же упоминается о действовавшем в XVIII в. специальном «Историческом собрании», на котором академики должны были обсуждать и решать судьбу всех значимых исторических произведений, предназначенных к опубликованию. До этого, что тоже показательно, исторические труды оценивал на предмет их качества сам Император (Петр I и все, кто наследовал ему). Но с созданием АН эта прерогатива была отнесена к компетенции академиков и названных структур Академии. Это ли не свидетельство повышенного внимания к историко-культурной проблематике и конечно к качеству и содержанию исторических научных трактатов?

Структуры этнографической науки закладывались и передачей в ведение Академии «государева кабинета редкостей» – Кунсткамеры (XVIII в.), и созданием Азиатского музея рукописей (XIX в.). Важно вспомнить, что фактически основные методологические принципы ранней научной Российской историографии в целом устанавливались под влиянием «европейской школы» через немецких, в основном, ученых, ставших и первыми профессиональными исследователями истории и культуры России. Это, в частности, Д. Мессершмидт⁴², Зигфрид Байер и его последователь Герхард Миллер⁴³. Именно они развивали известную «норманнскую теорию». Хотя сама идея «норманизма», как полагают исследователи, возникла задолго до них в ученых кругах Швеции⁴⁴. Эта теория и стала причиной первой из

---

⁴¹ Другие два департамента («класса») – математический и физический. В составе департаментов действовали кафедры. Гуманитарный департамент включал в себя три кафедры: древней и новой истории; права, политики и этики; красноречия и памятников древности. Подробнее см.: Российская академия наук. Историческая справка. URL: <http://www.ipme.nw.ru/mirrors/PRAN/history/historyb.htm#osn>.

⁴² Д.Г. Мессершмидт был исследователем, внесшим огромный вклад в становление и развитие Российской науки. Его наследие до сих пор до конца не изучено, так же как и наследие Г. Миллера. Материалы, собранные этими учеными, в том числе в ходе 1-й и 2-й «Великих Северных экспедиций», даже не систематизированы на должном уровне.

⁴³ Байер Готлиб Зигфрид (1694-1738) – немецкий историк и филолог, член Петербургской АН. Специалист по востоковедению и истории Древней Руси. Один из основоположников «норманнской теории» образования Древнерусского государства. См.: Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. С. 27.

⁴⁴ Грот Л.П. «Варины – варяги – вэринги»: судьбы в истории и историографии // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. 350 с. Ее же. Истоки норманизма: шведская гиперборида и Г.З. Байер. URL: <http://www.yperboreia.org/hyperboreada.pdf> (дата обращения: 13.07.16). Ее же. Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборях и рудбекианизм. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/И/iljina-nataliya-nikolaevna/izgnanie-normannov-iz-russkoj-istorii-vipusk>. А также материал по ссылке Л.П. Грот: Кузьмин А.Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Кн. I. М., 2003. С. 71-72; Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сб. РИО. – Том № 8 (156). – М., 2003. С. 11-13; Фомин В.В. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Там же. С. 146-147; его же. Варяги и Варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 8-57.

упомянутых выше, практически «всемирной» дискуссии об истории России и оценке ее культурного состояния в прошлом и в современности (XVIII века).

Коротко суть дискуссии заключалась в том, что Герхард Миллер⁴⁵ подготовил «диссертацию» (доклад, трактат)⁴⁶ «О происхождении имени и народа русского»⁴⁷, в которой вольно или нет оценил культуру россиян, как, в общем, достаточно отсталую. При этом Г.Ф. Миллер практически отказал россиянам в самостоятельности при формировании собственной государственности, ссылаясь на летописную легенду «о призвании новгородцами Варягов» во главе с Рюриком на княжение. При этом Миллер идентифицировал Варягов как шведов. «Диссертация» вызвала гневную реакцию М.В. Ломоносова. К его критике примкнул еще ряд академиков, в основном русских.

М.В. Ломоносов обратился к Императрице Елизавете Петровне и по ее приказу получил задание от канцелярии АН написать подробный отзыв на «диссертацию» Г.Ф. Миллера⁴⁸. Ломоносов однако не удовлетворился этим. Кроме развернутой рецензии, он подготовил «памфлет» – фактически моральный кодекс «национального» российского историографа. Но этот документ имеет важное значение, кроме прочего – как набор методологических принципов, которые будут впоследствии несомненно повторяться и культивироваться в Московском и других университетах России, на историко-филологических кафедрах и гуманитарных факультетах. Не вдаваясь в подробный разбор этого «памфлета», отметим, что М.В. Ломоносов, получив в результате статус историографа от самой императрицы, стал сначала создателем «славянофильской» Концепции российской истории, на основе которой он попытался написать и собственно «Историю Российского государства от древнейших времен и до современности» (XVIII века, *Р.Я.*). Тем самым он положил начало одновременно и патриотическому,

---

⁴⁵ Г.Ф. Миллер – немецкий студент-историк, недоучившийся в Геттингенском университете, приглашенный к службе в РАН еще в 1725 г. В свете затронутого вопроса нельзя не отметить вклад и влияние этого ученого, выросшего вместе с Академией наук, на дальнейшее развитие отечественной историографии, источниковедения, архивоведения.

⁴⁶ Термин «диссертация» в это время и употреблялся в значении научного трактата по конкретной проблеме.

⁴⁷ Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749. С. 44. Тираж этот в результате критики был уничтожен, но 3 экземпляра «чудом» сохранились. Опубликовано вновь в томе: Г.Ф. Миллер. Избранные труды / сост., ст. и прим. С.С. Илизарова. – М.: Московские учебники и картолитогрфия, Янус-К, 2007. – С. 31-56. См. также Гуревич М.М., Шафрановский К.Н. Об издании 1749 года речи Г.Ф. Миллера «Происхождение русского народа и имени российского» // Книга. Исследования и материалы. М., 1962. Сб. 6. С. 282-285.

⁴⁸ Ломоносов М. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Репорт в Канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 года / Опубликовано: Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 758-762. См. также: URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1740-1760/Lomonosov/IP/Tom_II/Zamec_na_Millera/text.htm.

и критическому, и славянофильскому направлениям историологической мысли в России.

Дискуссия, возникшая по поводу доклада Г.Ф. Миллера и его «нордической» теории имела настолько громкий резонанс, что подтолкнула ученый мир к дальнейшему активному осмыслению и государственной истории России, а еще больше к ее подробному, всестороннему этнографическому изучению. Не случайно поэтому, что научным экспедициям АН, имевшим целью изучение территории России с точки зрения физической географии, геологии, зоологии, топографии, а так же астрономические наблюдения, в обязательном порядке ставилась задача этнографических описаний народов России. Так что описания эти делались не профессиональными гуманитариями, а наоборот, чаще представителями естественных и даже точных наук⁴⁹. И то заметное увлечение, с каким ученые последовательно старались описывать народные традиции и нравы, и то, с каким особым старанием они это делали, стремясь не упустить деталей – все говорит в пользу нашего тезиса о непрерывной актуальности этнографической проблематики для научного и в целом высшего общества России.

Исключительно точно в этом смысле высказался В.А. Дмитриев, ведущий научный сотрудник Российского Этнографического Музея в Санкт-Петербурге. Характеризуя XVIII век, он так оценивает состояние научной и общественной мысли: «Для деятельной части общества приобщение к знанию считалось частью норм общественного поведения. Для правителей покровительство познанию было частью политики. Для ученых служение науке означало широту знаний и самоотверженность. Общественное мнение поощряло проведение научных экспериментов и преклонялось перед учеными и путешественниками, приносившими из дальних странствий известия о доселе неизвестных народах и их удивительных обычаях. В этом плане Россия уподоблялась всему миру, ее пределы были еще не познаны, ее народы различны и многообразны, научные экспедиции к берегам Белого или Каспийского морей (не говоря уже о путешествиях в Сибирь и к границам Китая) приносили такие же большие открытия, как и плаванья европейцев к берегам Африки и Америки. Необходимо подчеркнуть в данном случае одно исключительно значимое обстоятельство: странствия ученых, изучавших быт и обычаи народов Поволжья, Зауралья, Камчатки, Алтая и других мест, не были частью и предпосылкой колониальной политики, отличавшей народы дальних стран от европейцев. В России экспедиции направлялись к народам,

---

⁴⁹ Это Крашенинников С.П., Гмелин И.Г., Паллас П.С, Фальк И.Г., Лепехин И.И., Рычков Н.П. Труды их широко известны. См.: Гнучева В.Ф. (сост.). Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов // Труды Архива АН СССР; Вып. 4. – М.: Издательство АН СССР, 1940. – 310 с.

жившим в Российском государстве и ставшим российскими и с точки зрения властей, и по мнению соседних народов, в том числе и русских людей»⁵⁰.

Мы полностью солидарны с такой формулировкой. Важно только еще больше акцентировать тот факт, что Россия – это «земля не познанная» для самих Россиян в XVIII в. Мало кто в «двух столицах» точно представлял себе действительную этнографическую картину России. И не только этнографическую. Отсюда и постоянный интерес к вопросам истории, географии, этнографии.

В 1774-1775 гг. в Санкт Петербурге «книгопродавцем» К.В. Миллером по инициативе гравера М. Рота начинает издаваться визуальный альбом о народах России. В издании принял участие И.Г. Георги, который передал М. Роту свои рисунки и снабдил их соответствующими научно-популярными этнографическими описаниями. Не случайно и показательно, что этот – один из первых визуальных альбомов о народах России, опубликованный в форме серии, назвали не иначе как «Открываемая Россия...».⁵¹ Сначала публиковались только гравюры. Они понравились «читателю», но для многих любителей потребовались (!) краткие исторические сведения об этих «частью мало известных народах...». Их подготовил для издания И.Г. Георги. Причем, оборот «мало известных» – это сказано деликатно и в большей степени касается наиболее просвещенной части общества, фактически единиц. В то же время подавляющее большинство россиян действительно не представляли себе гражданами какого огромного, географически и культурно многообразного государства они являются. Так же мало знали о России и «иностранные академики»⁵², основные свои сведения черпавшие из описаний путешествий П. Карпини, М. Поло, С. Герберштейна, А. Олеария, И. Стралленберга (Тауберта), Д. Месершмидта. В этой связи стоит еще раз кратко вспомнить первые этнографические описания и обобщения по народам России, появившиеся уже в XVIII в. благодаря экспедициям, организованным Петербургской Академией наук и Искусств (ПАНИ – совр. РАН). Здесь это важно, чтобы понять истоки теоретических начал отечественной этнологии.

---

⁵⁰ Дмитриев В.А. Иоган Готлиб Георги и его книга «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...». URL: www.rusimfonia.ru/page18.html. (дата обращения: 16.10.16).

⁵¹ Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся. СПб., 1774-1776. Вып. 1-12.

⁵² Показателен в этом смысле сюжет с Г.Ф. Миллером еще до отправки Великих Северных экспедиций АН. Г.Ф. Миллер (профессиональный журналист своего времени), очевидно второй после З.Г. Байера ученый-гуманитарий, имел задание тогдашнего ученого секретаря Академии Шумахера заниматься организацией академических изданий. Так в 1928 г. началась публикация академического «Календаря или месяцеслова исторического...», где Г.Ф. Миллер размещает цикл статей, посвященных Камчатке. Историографы отмечают, что в первых его статьях «было немало ошибок», и это не случайно, так как статьи Г.Ф. Миллера были основаны на материалах «экспедиции» казака В.С. Атласова (1661-1711), благодаря которому русские в Москве впервые узнали о существовании Японии. Это был 1701 год.

Первым действительно академическим трудом в этом направлении, вышедшим из-под пера собственно россиянина было, видимо, «Описание земли Камчатки...» С.П. Крашенинникова⁵³. Он участвовал в известной, героической – 10-ти летней «сибирско-дальневосточной» (название мое, *Р.Я.* В источниках и литературе ее именуют то «Великой Северной», то «Второй Камчатской») экспедиции. Экспедицией руководил И.Г. Гмелин, его главным помощником по гуманитарной части был Г.Ф. Миллер. С.П. Крашенинников сначала следовал вместе со всеми, а затем был отправлен с самостоятельной миссией на Камчатку. Фактически в одиночку этот талантливый молодой исследователь за несколько лет проделал работу, масштабы которой удивляют современников, что тоже показатель огромного увлечения ученого процессом познания.

С.П. Крашенинников очень точно сформулировал императив российской научной и просвещенной элиты того времени в изучении этнографии вообще и России в частности. Он полагал, что всякий образованный человек, а тем более государственный чиновник должен знать: «какое каждого места положение, натуральное или художеством и трудами человеческими устроенное; какое от одного места до другого расстояние; каким образом учреждены большие дороги и почтовые, для удобной езды, станы; какие в каком месте или уезде жители, и в каком многолюдстве, и как разнятся между собою языком, состоянием тела, склонностями, нравами, промыслами, законом и прочим сюда принадлежащим; какие где древних лет остатки; каким образом завоевание или население какой земли учинилось; где ее пределы, кто ее соседи, и в каком она состоит с ними обязательстве».⁵⁴

Г.Ф. Миллер впоследствии так же выпустил в свет свою «Историю Сибири», коей утвердил себя официально и неформально и как историк, и как гражданин России⁵⁵. При этом, однако, в названных трудах С.П. Крашенинникова и Г.Ф. Миллера уже заметны разные подходы и к описанию народного быта и нравов, и к осмыслению истории в целом и российской в частности. «История Сибири» Г. Миллера представляет собой скорее переосмысление источников, в том числе и письменных, а «Описание Камчатки» больше носит характер дневниковый. Миллер Г.Ф., описывая народы, не избегает противоречивых сведений. За это уже тогда он был упрекаем современниками, в частности М.В. Ломоносовым и В.К.

---

⁵³ Крашенинников С.П. Описание Земли Камчатки. В двух томах. Репринт. Воспроизведение. – СПб.: Наука, 1994. Т.1. – 440 с.; Т.2. – 320 с.; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. – М.: Восточная литература, 1999. – 630 с. Илл.

⁵⁴ Крашенинников С.П. Указ соч. Т.1. С 7.

⁵⁵ По меньшей мере вскоре после опубликования «Истории Сибири» Г.Ф. Миллер официально был удостоен Российского подданства.

Тредьяковским в увлечении «куръезами» при описании народного «русского» быта⁵⁶.

С.П. Крашениников находится в строго научном поле описания и его заметно больше интересует точность в решении проблем происхождения тех или иных народов и их культурных контактов и связей. Г.Ф. Миллер не чужд искать экзотику в своих описаниях. И это тем более удивительно, что он в своих высказываниях (в частности в письмах из Сибири) часто выступает поборником строгой научности и призывает стремиться к истине.

Противоречие, как представляется нам, тем и разрешается, что объект описания для Г. Миллера имеет иную ценность и возможно это подсознательное ощущение не покидает автора. Для Крашениникова С.П. описательный процесс – это самопознание: «Пусть всякий приметит сам себе, какое ему бывает от того удовольствие, когда он читает или слышит о своем отечестве известия, подающие ему, истинное того изображение», – говорит автор⁵⁷.

В упомянутой дискуссии вокруг норманнской («нордической», по Г.Ф. Миллеру) теории, возникшей спустя 5 лет после окончания Северной экспедиции, С.П. Крашениников был солидарен с М.В. Ломоносовым⁵⁸ и выступал против Г.Ф. Миллера и «норманистов». То есть на примере (в лице) этих двух исследователей мы достаточно ясно видим начало, истоки развития двух методологических и даже фактологических линий в народоведческой проблематике исследований.

А еще можно отметить тот факт, что «своей нордической теорией» Миллер Г.Ф. всецело обязан З.Г. Байеру, прослывшему и достойным ученым,

---

⁵⁶ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1952. URL:<http://lib.sale/nauki-tehniki-istoriya/report-kantselyariyu-akademii-nauk-sentyabrya-38213>.

⁵⁷ Крашениников С.П. Там же.

⁵⁸ М.В. Ломоносова также поддержали Н.И. Попов и В.К. Тредьяковский. Некоторые исследователи приписывают В.К. Тредьяковскому собственную – «третью» позицию в этой дискуссии. Н.И. Попов (1720-1782), студент первого набора Академического Университета в СПб., впоследствии адъюнкт и академик. Прославился как лингвист, знаток латинского и немецкого языков, хотя имел широкие познания в астрономии и естественных науках, за что и получил звание адъюнкта. В историографию вошел как автор подробных замечаний на диссертацию Г.Ф. Миллера и переводчик с латинского ряда исторических трудов по Римской истории. См.: Невская Н.И. Никита Иванович Попов. Л., 1977. В.К. Тредьяковский (1703-1769), поэт, филолог. Действительный член АН, получил звание профессора вместе с М.В. Ломоносовым, отношения с которым у него были сложными. Ученые были оппонентами друг к другу в сфере филологии. Но в историографии В.К. Тредьяковский, не принимая идей «норманистов», фактически поддерживал М.В. Ломоносова. См. его работу: Тредьяковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: I. О первенстве словенского языка пред тевтоническим. II. О первоначалии Россов. III. О варягах руссах славенского звания, рода и языка. СПб, 1773. 275 с. В историографии В.К. Тредьяковский также известен как переводчик с французского многотомной «Древней Истории» Шарля Ролена и с французского же «Родословной Тюрков» Абулгази хана.

и человеком энциклопедических знаний, полиглотом, знатоком многих романно-германских и семитических языков, но, несмотря на свой статус действительного члена Российской Академии и обширные лингвистические познания, так и не освоивший русского языка. Это не может не удивлять.

Таков в самых общих очертаниях был первый этап научного этнографического и «национального» самопознания народов России, в том числе и русского народа, говоря теперешним языком – «титульного» этноса. Это был этап пространственного осмысления и цивилизационной самоидентификации. Целевая установка к ученым-путешественникам от Академии наук фиксировать не только культурные особенности, но и границы обитания этносов – «наблюдать, где будут пределы каждого народа...»⁵⁹ – оставалась актуальной еще долго вплоть до конца XVIII в.

Первый этап самопознания россиян завершится той самой общественной и научной («антинорманской») дискуссией 1949 года, еще больше подстегнувшей интерес к истории и этнографии. Эта дискуссия, первая из трех, вовлекла в процесс саморефлексии широкие круги высшего общества. Академия наук на этом фоне продолжила линию активного изучения нашего Отечества.

Новым этапом описания географии и этнографии России стали Академические экспедиции конца 1760-х-начала 1770-х годов. Прежде всего, экспедиции Петера Симона Палласа. Эта грандиозная экспедиция, разделенная на отряды, которыми командовали, кроме П.С. Палласа, адъютант И.И. Лепехин, профессор П.С. Фальк (вместе с И.Г. Георги), капитан Н.П. Рычков, осталась в истории под разными названиями, но в источниках чаще значится как «Физическая». Три ее отряда действовали в основном в пределах Южного Урала и два на нижней Волге, в районе Астрахани. Только головной отряд во главе с П.С. Палласом, подробно изучив Оренбуржье, проследовал на Алтай и далее на Байкал и в Забайкалье. Главными с точки зрения народоведения в деятельности этих экспедиций были в основном описания быта и нравов, элементов материальной и духовной культуры народов России. Эти описания вкраплены в дневниковые заметки, сделанные всеми перечисленными руководителями экспедиционных отрядов. Впоследствии обработанные, они опубликованы под наименованиями «Описание путешествия...», «Журналы...» или «Поденные записки...» и т.п. В них информация о флоре, фауне, геологии, климате, ландшафтах, животном мире практически не выделяется в специальные разделы, но повествование ведется по принципу описания всего встреченного на пути следования. Не исключение и этнографические заметки. Но при необходимости авторы посвящают особое внимание размышлениям над наблюдаемыми объектами и явлениями, так что они не лишены и теоретических посылов. В этнографической же части они в основном касаются вопросов происхождения

---

⁵⁹ Дмитриев В.А. Иоганн Готтлиб Георги и его книга «Описание всех обитающих в Российском государстве народов. URL: <http://www.rusimfonia.ru/page18.html> (дата обращения: 05.11.16).

разных народов и их этнографических групп, реже идентификации их с т.з. языка или типа хозяйства. Иными словами, здесь мы наблюдаем тенденцию перехода от чистых описаний к попыткам систематизировать и классифицировать этнографические явления, так же как это делалось по отношению к географическим или зооботаническим объектам. Напомним, что большинство участников и руководителей экспедиций XVIII в. были специалистами по так называемой «естественной истории» или «естествоиспытателями», по-современному же – представителями естественных (и редко точных) наук⁶⁰.

Мы не можем здесь анализировать все названные труды, хотя они, безусловно, заслуживают внимания. Но один труд, как ранний опыт формирования теоретических представлений об этносе, рассмотреть необходимо. Это работа И.Г. Георги, путешествовавшего в составе отряда П.С. Фалька, а после трагической кончины последнего, возглавившего его отряд. Кроме этого, какие-то части маршрута И.Г. Георги двигался самостоятельно.

Мы опираемся на труд И. Георги по той простой причине, что он единственный «в своем роде» в комплексе академических публикаций по итогам «Великих» экспедиций конца 1760-х-начала 1770-х. «Сочинение» (термин XVIII в.) И.Г. Георги носит исключительный характер. В литературе многократно отмечалось, что это первое систематическое описание народов России.⁶¹ Труд не похож на выше обозначенные «записки о путешествиях...». Автор избрал другой формат и стиль и даже точно обозначил конкретный объект своего исследования, назвав его «описанием всех в России обитающих народов...». Иными словами, он выделил (впервые!) этнографический аспект из результатов своего путешествия, переработал и, видимо, существенно дополнил дневниковые записи материалами экспедиций своих коллег данными материальных, визуальных письменных источников из архивов и Кунсткамеры, информацией из опубликованных работ, в том числе статистических сборников и трудов ранних историков XVIII века. Но главное, все же он сузил объект описания до этноса, а пространственные рамки исследования, напротив, расширил до границ всей Империи (т.е. вышел за рамки собственного путешествия).

Как упоминалось выше, первым опытом работы И.Г. Георги был альбом «Открываемая Россия...». Еще он обработал и подготовил к изданию дневники П.С. Фалька и организовал их издание на немецком языке⁶².

---

⁶⁰ Пожалуй, единственным исключением был Г.Ф. Миллер. Филолог-историк, философ.

⁶¹ Гнучева В.Ф. (сост.). Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов // Труды Архива АН СССР; Вып. 4. – М.: Издательство АН СССР, 1940. – 310 с.

⁶² Русское издание трудов Фалька состоялось только в 1824 году в составе серии. См: Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению её президента, с прим., изъясн. и дополн. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька / пер. с нем. П. Петрова. – СПб.: При Имп. АН, 1824.

Наконец, после этого И. Георги решился на издание собственного обширного сочинения. По своему времени это был первый, единственный, уникальный и почти всеобъемлющий (наиболее полный) этнографический труд энциклопедического характера.

Не только этим, однако, интересна работа И.Г. Георги. В ней мы впервые видим постановку вопросов теории этноса, методологии этнологического анализа, в частности, попытки дать классификации народов России и культурных феноменов, связанных с этносами. С точки зрения современного развития науки они, конечно, уже не могут быть признаны совершенными, но стоит помнить, что это все-таки первый опыт подобного масштаба.

Вспомним замечания С.П. Крашенинникова о задачах в изучении народов России: «как разнятся между собою языком, состоянием тела, склонностями, нравами, промыслами, законом и прочим сюда принадлежащим». По существу, это уже некая постановка вопроса о признаках этноса как общности, где обозначены и территория, и язык, и особенности культуры, и физико-биологические параметры, и даже нормы обычного права.

В работе И. Георги эти признаки учтены в структурировании материала по разделам и главам. Структура работы такова, что каждому народу посвящена небольшая глава, а расположены они не в произвольном порядке, и не по численности, и даже не по алфавиту, что могло бы быть логичным, но уже по сугубо этнографическому принципу, с применением языковой классификации.

Объяснение дано автором⁶³ во введении к труду, где помимо прочего перечисляются народы, о которых есть разделы и соответственно сведения в книге. И они сгруппированы по принципу языкового родства. При этом за редким исключением предложенная группировка во многом совпадает с современной языковой классификацией народов мира. Это говорит о том, что за каких-нибудь четверть века-тридцать лет после первой дискуссии о происхождении государственности и первых экспедиций по России не только изменились представления об ее «этнографической картине», но и теория этнографической науки значительно продвинулась вперед. Еще более ясно об этом говорит тот факт, что автор предисловия к изданию труда И.Г. Георги (от 1799 г.) на русском языке структурирует повествование не только по языковому принципу, но подает материал, сочетая этот принцип с географическим, действуя при этом с максимально возможной точностью.

Как отмечалось, первой методологической основой российской историографии вообще была европейская модель. Она была привнесена в Россию вместе с иностранными учеными, приглашенными для службы в Академии наук и еще раньше служившими при дворе Петра I. Большинство из них верно служили Российскому отечеству и науке до конца своих дней,

---

⁶³ Относительно этого предисловия и, соответственно, его содержательной стороны, включая и классификацию, существует проблема авторства. Дело в том, что издание 1799 года является авторизованным переводом с немецкого языка, на котором была написана рукопись книги Георги и осуществлено первое ее издание.

оставив здесь и свое потомство, впоследствии совершенно обрусевшее и вошедшее в культурную и научную элиту Российской империи. Хотя были и те, кто, пробыв в России какое-то время, стремился поскорее отправиться на Родину⁶⁴. В сфере исторических наук первыми «учеными рекрутами» в Российскую академию стали Иоганн-Петер Коль⁶⁵, Готлиб-Зигфрид Байер, Герхард Фридрих Миллер⁶⁶ и несколько позже Август Людвиг Шлецер. К этой же когорте академиков, оказывавших влияние на развитие исторической науки, стоит отнести и И.Д. Шумахера. Он стоял фактически у истоков науки библиографии и библиотечного дела в России, и, будучи главным ученым секретарем АН, несомненно влиял на ход гуманитарных исследований, в том числе и экспедиционного описания России, ее истории и культуры. К когорте этих же ученых следует отнести и Л. Эйлера, и В. Беринга, и отца и сына Гмелиных, и И.Г. Георги, академиков П.С. Палласа, И.П. Фалька и других,

---

⁶⁴ В числе первых академиков Петербургской Академии Наук и Художеств (ПАНХ) девять были немецкими учеными, приглашенными для работы в Россию: ботаник Иоганн-Христиан Буксбаум, анатом Иоганн-Георг Дювернуа, математики Христиан Мартини и Христиан Гольдбах, историки Иоганн-Петер Коль и Готлиб-Зигфрид Байер, химик Михаил Бюргер, юрист Иоганн-Симон Бекенштейн, физик и философ Георг-Бернгард Бюльфингер. См.: Российская Академия Наук. Персональный состав. В трех книгах. Книга 1: 1724-1917. Книга 2: 1918-1973. Книга 3: 1974-1999. – М.: изд-во Наука, 1999, кн.1, с.V.; См.; Смагина Г.И. Немецкие ученые и Российская АН. URL: <http://scisne.net/a-1817>.

⁶⁵ В этой группе самым малоизвестным в России является Иоганн Петер Коль. В некоторых публикациях даже путают его имя, называя Иоганом Христофором. И.П. Коль (1698-1778), по данным ЭСБЭ, – философ и историк церкви. Получил известность благодаря труду, в котором сравнивает католическую церковь (со всеми ее вариациями) с православной и классической греческой («*Ecclesia graeca lutheranizans*». Любек, 1723). Обращение к этой проблеме, в то время актуальной и бывшей предметом дискуссий, и успех автора стали причиной приглашения И. Коля в Россию в 1725 г., где он вошел в когорту Академиков первой волны. И хотя о нем почти ничего не известно, очевидно, он своим авторитетом оказывал влияние на формирование в России методологических (в том числе научно-практических) воззрений, так как историки церкви несомненно были в то время самыми сильными источниковедами. Все церковные канонические дискуссии сопровождалась спорами по поводу достоверности письменных – канонических и прочих источников. Именно Коль был инициатором вызова в Россию Г. Миллера и лично консультировал его. Не случайно Миллер стал первым источниковедом, архивоведом, археографом и обладателем самой крупной персональной коллекции (архива) источников (Портфели Миллера). Сам Коль занимался русской историей и литературой, вопросами происхождения русского языка и составлении славянского словаря. «Он охотно читал лекции и без всякого вознаграждения принял на себя наблюдение за академической гимназией, но вскоре впал в задумчивость, походившую на сумасшествие (по словам Шлецера, от любви к красавице, принцессе Елисавете Петровне, впоследствии императрице)». Это и стало причиной его «спешной» отправки в Германию в 1727 г. См.: Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. Т. XVa. С. 783-784.

⁶⁶ К этим именам смело можно было бы прибавить Д. Мессершмидта как автора одного из первых Описаний России и доктора философии И.Д. Шумахера, стоявшего у истоков библиотечного дела в России. См.: Смагина Г.И. Немецкие ученые и Российская АН. URL: <http://scisne.net/a-1817>.

бывших «естествоиспытателями»), но своими трудами на поприще этнографии (их описания и дневники путешествий) оказывавших огромное воздействие на формирование и эволюцию взглядов российских ученых-гуманитариев.

Этот историографический пассаж необходим для того, чтобы понять, что когда мы говорим о формировании или существовании общероссийской школы в этнографии и особой заслуге этнологов России в разработке теории этноса, мы ни в коем случае не имеем ввиду, что эта школа и теория возникли сами по себе. Так же как мы далеки от желания противопоставлять заслуги европейской и евразийской (русской) науки. Нет, мы этого не делаем. Более того, мы считаем, что российская наука в целом остается «европоцентристской», если можно так выразиться⁶⁷. Это означает, что она в основных своих контурах, в философии и методологии познания, так же наследует европейской античной науке, как и сама Европа.

Россия пользуется и общим с Европой языком науки, основу которого представляет латынь. Обособление России в этой части не имеет смысла и противоречило бы истории науки в целом. В этой истории мы видим, что научные достижения концентрировались в определенные эпохи в крупных очагах цивилизации, откуда затем разными путями распространялись по всему миру, а также наблюдаем преемственность этих достижений от цивилизации к цивилизации в пространстве и во времени⁶⁸. Но мы и подчеркиваем различие, и самостоятельность, и собственное творческое начало, очевидно имевшее место во всем этом процессе. Поэтому наследование Россией европейской науке не означает отсутствие в ней самостоятельности. Более того, в

---

⁶⁷ Европоцентризм в науке сложился в эпоху возрождения, когда Европа, как мы отмечали, приняла «эстафету» научно-культурного развития от мусульманского Востока. Начало этому процессу положили, конечно, Крестовые походы католиков (XI-XIII вв.) и борьба за Иерусалим и «Храм Господень». Немаловажное значение в процессе просвещения Средневековой Европы сыграла Турция, наследница Византии. Важную роль в процессе распространения науки и культуры играли и Сицилия, и Мальта, где влияние мусульманского населения было огромно вплоть до конца XIII в. Собственно все портовые города Европы в этом смысле играли важную роль. Дольше всего роль транслятора достижений культуры и науки от исламской цивилизации в Европу были Испания и Португалия, часть которых была в руках мусульман («Кордовский халифат», фактически просуществовал до середины XI в., а после распада в форме эмиратов вплоть до эпохи Великих географических открытий, т.е. последней четверти XV в.). Испания XV в. – самая передовая и ведущая морская держава, к тому же экономически наиболее развитая и диктовавшая свою волю едва ли не всей Европе. В эпоху «возрождения» в Европе (и в Великобритании) развилось университетское образование, сложились Королевские научные общества и Академии, утвердились в качестве мирового языка науки латинский и древнегреческие языки. А в результате складывания колониальной системы, о которой тоже было сказано, европейские научные новинки, традиции, школы, каноны стали мировым эталоном и несомненно оказывали влияние на развитие научной мысли во всем мире, включая весь «Большой Восток» (термин наш – *Р.Я.*)

⁶⁸ Ср.: Др. Индия, Китай, Др. Египет, Ассирия, Вавилон, Др. Греция, Рим. Ближний Восток, Иран, Магриб, Юго-Западная Европа (арабский Халифат). Западная Европа, Евразия.

определенный момент, получая основы знаний в тех сферах, где Россия была еще слаба, она объективно абсорбировала их в собственной мыслительной среде и шла вперед, достигая еще больших высот. И, между прочим, в этнологии, в фундаментальной ее части это особенно заметно.

Возвращаясь к труду И.Г. Георги мы можем констатировать, что благодаря этому выдающемуся исследователю, так же как и всем, кто способствовал выходу в свет данного труда, а так же благодаря всем организаторам и участникам академических экспедиций и публикуемым по ним результатам, к концу XVIII в. общество и российская наука получили значительный багаж достоверных знаний и представлений об этническом (а так же природно-климатическом, да и социальном) многообразии России. Это дало импульс к дальнейшим попыткам «начертания» концептуальной истории государства и еще более возбудило интерес этнографии.

Необходимо отметить так же событие, которое выходит за рамки научной образовательной или культурной сферы. Его последствия не могли не способствовать не просто усилению эмпирического интереса к вопросам истории и в частности социологии, политологии и этнографии, но переводили его в практическую, прагматическую плоскость. А само событие происходило в социально-политической сфере. Речь идет о Пугачевском бунте. Это было, как известно, не первое подобное событие в Российской истории, пережившей уже несколько крупных выступлений русского крестьянства. Но пугачевское, начавшись, как и прежде, как восстание «социальных низов» общества, быстро переросло в выступление разных социальных слоев: крестьян, казаков, ремесленников и даже единичных представителей дворян, а главное стало полиэтничным и поликонфессиональным, по существу восстание может квалифицироваться уже как гражданская война⁶⁹. И в таком формате оно было совершенно новым явлением, кроме прочего, свидетельствующим о существенных переменах, происходивших в российском обществе.

Показательна поэтому и реакция Правительства на пугачевское «восстание». Подавив «бунт», Екатерина II предприняла ряд предупредительных мер во избежание подобных явлений. Из них одно было особенно эксклюзивным. Это изменение тона конфессиональной политики, точнее, переход к официальному признанию поликонфессиональности России и внимательное отношение государства к внутри конфессиональным проблемам. В частности, было объявлено о создании центрального органа самоуправления мусульман – Оренбургского магометанского духовного собрания. «Послабления» были сделаны и в отношении других традиционных конфессий.

Переход фактически к официальной конфессиональной «терпимости» – только один из многих ответных шагов правительства на события 1773-1775 гг. Главное, что из этого следует с точки зрения нашей темы, это то, что война

---

⁶⁹ И если понятие «война» (крестьянская) давно вошло в историографию этого сюжета истории, то термин «гражданская» никто еще не применял, хотя по существу, учитывая названные характеристики полисоциальности, поликонфессиональности и полиэтничности, такая квалификация данного события может быть вполне уместной.

показала необходимость переосмысления знаний о социальной, конфессиональной и этнической картине России. Вновь возникала и обострялась проблема формулирования новой концепции и начертания самой истории государства, но теперь уже имперского типа.

Возвращаясь к первой дискуссии середины XVIII века, напомним, что в ней историки и общество в целом дебатировали тему русской (славянской) государственности и практически не затрагивали вопросов изначальной поликультурности государства. Попытки таких историков и краеведов, как В.Н. Татищев и П.И. Рычков⁷⁰, указать на этот аспект в развитии государства, хотя и привлекали внимание академического сообщества⁷¹, но не имели успеха в политических кругах, а потому, видимо, не стали популярными и в «высшем свете». Несомненно, позиция императоров и императриц служила своего рода индикатором такой популярности. То есть в XVIII веке «законодателями мод» в различных сферах, в том числе и в просвещенности, были сами государи. Но перечисленные достижения гуманитарной науки, отмеченные социальные коллизии и возросшее стремление к самопознанию дали свои плоды.

Логично поэтому, что рубеж XVIII-XIX вв. ознаменовался выпуском таких концептуальных произведений, как «История...» М.М. Щербатова, «История государства...» М.Н. Карамзина и «История руссов...» И-Ф.Г. Эверса.

Он, в частности, нашел выражение в создании ряда неформальных научных и научно-практических союзов – «обществ», таких как «Румянцевский кружок» и «Общество истории древностей Российских». Эти общества положили начало систематической археографии в России, а некоторые исследователи полагают, что и этнографическая наука обязана своим началом «Румянцевскому кружку»⁷².

Показательно, что кроме интенсивного поиска и публикации письменных источников МОИДР выпускал «Записки и труды», т.е. авторские разработки, посвященные «преимущественно исследованиям по древней географии и истории России». Затем увидел свет «Русский исторический сборник» и «Чтения... в обществе ИДР при Московском университете» – журналы широкого профиля, в которых впервые регулярно начали печатать статьи по археологии, а кроме того публиковались статьи, посвященные конкретным темам и вопросам из истории. Работа по опубликованию разных типов источников и комментариев к ним продолжалась непрерывно, но уже в рамках

⁷⁰ См.: Татищев В.Н. «История Российская с самых древнейших времен...». Кн. 1-5, 1768-1848.; Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. – СПб.: При Имп. Академии наук, 1762.

⁷¹ Показательно, что труды этих авторов впервые публиковались не отдельными официальными изданиями, а лишь частями и на страницах периодики, в частности в альманахе «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие...», выпуском которого занимался профессор Г.Ф. Миллер. См.: Ерохина Т.В. Г.Ф. Миллер и «Ежемесячные сочинения»: к истории возникновения журнала // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 25 (279). История. Вып. 52. – С. 137–141.

⁷² Барышева Е.А. Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. – 1994. – №3. – С.90-103.

созданной на основе этих обществ Археографической Экспедиции (позже – Комиссии). Названы не все издания научного общества, но все они были чрезвычайно популярны, о чем свидетельствует подписка на них, и они естественно служили делу постоянного просвещения высшего общества и нарождающегося сословия «разночинцев» – русской интеллигенции – в области истории, географии, этнографии, постоянно подогревая в них интерес к новым знаниям.

Неслучайно вслед за Московским повсеместно возникают подобные неформальные научные союзы. Известны Историческое общество при Санкт-Петербургском университете; Одесское общество истории и древностей; Русское историческое общество; Историко-филологическое общество при Харьковском университете; Казанское общество археологии, истории и этнографии; Историко-филологическое общество при Новороссийском университете и многие другие. Несмотря на то, что некоторые из них носили титул Императорского, все они оставались общественными организациями – ассоциациями ученых по интересам или регионам. Они действовали исключительно на энтузиазме и живом интересе своих членов, а издания, которые готовили практически все названные общества, существовали как за счет «взносов», так и за счет помощи меценатов и, что особенно показательное, за счет общественной подписки, которая была довольно регулярной⁷³. Все это – индикаторы процесса «национального» самопостижения и подвижничества. Он влиял и на высшее руководство страны, вызывая различные прогрессивные проекты общественного развития. В частности, здесь важно выделить грандиозный план создания новой системы высшего и средне-профессионального образования, реализовавшийся в начале XIX века. Этот план, в свою очередь, немало способствовал общему структурированию и развитию вспомогательных институтов культуры, науки и образования – библиотек, архивов, министерств.

Как справедливо отмечают исследователи, новая университетская система подразумевала образование, основанное «...на принципах, единых для всего населения империи, без различия национальностей, вероисповеданий, сословий»⁷⁴. Всего за 20 лет начала XIX века было открыто, кроме Московского, еще шесть университетов: Дерптский (Тарту), Виленский, Казанский, Харьковский, Варшавский, Петербургский. В ноябре 1804 г. был принят первый и общий для всех университетов устав – самый демократичный из четырех университетских уставов, принимавшихся в XIX столетии.

Описанный выше исторический и историографический опыт тоже не прошел даром. Так, «История государства российского...» Н.М. Карамзина послужила началом новой масштабной, можно сказать, всероссийской

---

⁷³ Подробно и довольно показательное об этом повествует статья в энциклопедии Брокгауза и Эфрона. См. соответствующие статьи: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. – 1890-1907. ТТ.

⁷⁴ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Создание системы университетского образования в России и Устав 1804 г. // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. Том I (Гуманитарные науки). – С.15.

дискуссии. Только теперь в нее включились, кроме Академии, практически все образованные круги общества и представляемые им структуры образования.

Признанной оценкой этого многотомного издания было восприятие его как историко-литературного (сегодня бы сказали – научно-популярного) произведения, носящего характер не только просветительский и воспитательный, о чем говорит сам Н.М. Карамзин в предисловии, но и сугубо патриотический. «История государства Российского», можно сказать, и оформила патриотическое направление историографии, и в то же время предвосхитила формирование в Московском и Санкт-петербургском Университетах историографической школы «государственников»⁷⁵. Кроме того, нет сомнений в том, что Н.М. Карамзин дал новый импульс усиленному интересу россиян к самопознанию⁷⁶, а в научно-методологическом аспекте этот автор и его труд стали причиной возникновения еще ряда, альтернативных историологических «школ», в частности «скептиков».

Основателем «школы» считают обычно М.Т. Каченовского⁷⁷. Скептическая школа отстаивала необходимость строгого следования за источником и особенно важность поиска способов установления репрезентативности разных типов исторических источников⁷⁸. Школа заимствовала свои методологические идеи у Б.Г. Нибура⁷⁹ и на страницах журнала «Вестник Европы» популяризировала его идеи. Но она шла и дальше Нибура. «Скептики» не просто критиковали конкретные историологические представления о прошлом, в частности объявляя «баснословным» весь

⁷⁵ Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. – М.: Наука, 1989. – 224 с.

⁷⁶ Эта дискуссия, так же как и полемика вокруг «норманнской теории», вышла далеко за рамки профессионального круга историков, но охватила все интеллектуальное общество и стала важной и «модной» темой «ученых бесед» и разговоров в светских раутах – «салонах», «ассамблеях», «приемах» и т.п. Политики, поэты, публицисты, художники и артисты читающая публика в высшем обществе и в среде нарождающегося класса «разночинцев» обсуждали «Историю Н. Карамзина...» и вообще вопросы отечества. См: Карамзин Н.: pro et contra / сост., вступ. статья Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0950.shtml.

⁷⁷ Михаил Трофимович Каченовский (1775-1842) – историк, переводчик, литературный критик. Профессор Московского университета, основатель «скептической школы». Издатель и редактор ж. «Вестник Европы». Научное наследие его не богатое, значительно меньшее, чем само его влияние на общество. Взгляды М.Т. Каченовского нашли отражение в его статьях: Параллельные места в русских летописях // Вестник Европы. – 1809. – № 17-20, ч. 47; «История государства Российского. Т. 12» // Там же. – 1829. – № 17-20; О баснословном времени в Российской истории // Ученые записки Московского университета. – 1833. – Т. 1. – № 2-3.

⁷⁸ Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в русской историографии первой половины XIX в.: оформление и персоналии // Клио. – 2005. – № 2 (29). – С. 49-59. URL: <http://naukarus.com/skepticheskaya-shkola-v-russkoy-istoriografii-pervoy-poloviny-xix-v-oformlenie-i-personalii>

⁷⁹ Бертольд Георг Нибур (1776-1831) – историк и филолог-полиглот, знаток двух десятков языков. Автор популярной в Европе своего времени «Истории Рима», а также метода филологической конъюнктуральной критики источников.

киевский период отечественной истории, скажем, в сочинении Н.М. Карамзина или подвергая сомнению достоверность «Начальной летописи» Нестора. Российская скептическая школа возводила «критику» в принцип, не допуская даже логических или контекстуальных предположений в историологическом анализе. Основные позиции этой школы позже найдут свое приложение в методологических изысканиях А.С. Лаппо-Данилевского⁸⁰.

Третья дискуссия хотя и начнется вскоре после второй на рубеже 1830-х и 1840-х годов, но продолжится до конца столетия и даже далее⁸¹. Формально начало этой дискуссии и формированию «общественных партий» славянофилов и западников положило «Философическое письмо» К.Я. Чаадаева⁸². Но еще вероятнее она (дискуссия), как в целом и общественное беспокойство, была вызвана самой действительностью, прежде всего – восстанием декабристов в 1825 г.

Суть споров западников и славянофилов представляется известной и понятной современникам. Но здесь для нас важна не политическая подоплека этого классического спора, а то, какое влияние оказывала эта дискуссия на развитие науки и в частности этнографии. В частности, она способствовала оформлению в университетских кругах новых школ «государственной» и «народнической».

«Народническая школа» предлагала писать историю не государств и «государей», не войн и «величия побед», а историю «народного быта». Фактически это история культуры, а учитывая, что главными создателями и носителями народной культуры являются этносы, то и есть основания назвать это направление в историографии этнографическим. Одним из тех, кто стоял у истоков этой школы, был Н. Полевой⁸³. Он отстаивал мысль о том, что движущая сила истории – «дух народа». Он, по мнению Н. Полевого, и должен быть «во всех его опосредованиях, предметом исторического изучения». Сам Н. Полевой и его труды подвергались острой критике современников.

Другое направление историографии, сложившееся в Московском Университете, это школа «государственников», у истоков которой стоял

---

⁸⁰ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863-1919) – историк, автор ряда работ по ранней истории России. Считается одним из основоположников методологии исторической науки в России, академик.

⁸¹ Идеи западничества и славянофильства найдут свое продолжение даже в постсоветский период российской истории.

⁸² Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856) – философ, публицист. Соредатор ж. «Телескоп». Общественный деятель. После знаменитого «Философического письма», опубликованного в журнале «Телескоп», оказался в числе запрещенных цензурой авторов.

⁸³ Полевой Николай Алексеевич (1796-1846) – писатель, литературный критик, историк и филолог. Главный редактор журналов «Московский телеграф» и «Русский вестник», где сотрудничали А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, П.А. Вяземский. Автор шеститомной «Истории русского народа».

К.Д. Кавелин⁸⁴. Здесь хотелось бы сделать акцент. К.Д. Кавелин, малоизвестный сегодня историк, с удивительной, на наш взгляд, точностью сформулировал тезис о причинах «особенности» российской истории и культуры. Этот взгляд и есть тот самый «кирпичик», один из множества, из которых и складывается взгляд россиян на собственную историю и культуру. И, разумеется, это подсознательное самовосприятие было и есть причина складывания особых представлений наших этнографов об этносе и этничности.

Данный тезис, на редкость тонкое наблюдение, К.Д. Кавелин выразил в беседе со своим племянником Д. Корсаковым, который позже процитирует его в одной из своих статей на страницах журнала «Вестник Европы»⁸⁵. Вот этот фрагмент: «Этот народ (русский) ... есть совершенно своеобразный и новый этнографически и общественный (видимо социальный) тип.... Европа не знает великороссов, тип этот для нее новый, Она знает южно-русов и западно-русов. По ее представлениям, казак является представителем русского народа. Великорус, – прежде всего сельчанин, в основу его государственного и общественного быта легла деревня, двор. «Домовладыка» – вот его политический и общественный идеал... Кроме сильной монархической власти, никакой иной власти в России быть не может. Европа и Россия это два отдельных мира. Европа выработала город; горожанин и буржуа – вот ее типический представитель. Россия – мужицкое царство... Наша интеллигенция... это налет на народной жизни... (А вот это, думаем, уже совсем «в точку»! – *Р.Я.*). Народные массы у нас не сформировались, не осели, они в периоде формирования. Это какая-то этнографическая протоплазма, калужское тесто...»⁸⁶

Можно детально разбирать буквально каждую фразу этой цитаты и найти под ней существенное аналитическое основание. Противоречие, на наш взгляд, может вызвать только неприменная детерминация российского общества с монархической властью. Но последнее замечание относительно социальной этнической подвижности народной массы и «неоформленности» ее, иначе говоря, незавершенности многих процессов с этой характеристикой невозможно не согласиться, и она требует особого анализа, даже претендует на опровержение известной тютчевской строфы «умом Россию не понять», которую принято теперь считать характеристикой российской ментальности и культуры.

«Понять», оказывается, можно и умом. Если думать! Все дело в незавершенности одновременно социальных, экономических, политико-правовых и этнокультурных процессов. В их постоянной подвижности. Понимание К.Д. Кавелиным поликультурности и маргинальности внутренних общественных явлений в России не случайно. Он смотрел на объект анализа

---

⁸⁴ Кавелин Константин Дмитриевич (1818-1885) – историк, правовед, социолог. Общественный деятель. Автор проекта «Об освобождении крестьян».

⁸⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М. Л.: 1946. С. 255.

⁸⁶ Сам Н.Л. Рубинштейн дает ссылку на ст. Д.А. Корсакова – «Вестник Европы». – 1886. – №10. – С. 745-746.

(Россию и россиян) как на особый развивающийся социум. Этот методологический принцип и позволяет нам увидеть самое важное и в целом, и в этнологическом аспекте.

Между прочим, К.Д. Кавелин был близок к опальному в свое время Н.И. Надеждину, который, однако, как известно в 1846 году возглавил отделение этнографии РГО. Вместе они отстаивали идеи «тотального» (термин наш – *Р.Я.*) этнографического обследования русского народа, как, впрочем, и постоянного изучения общей этнографической ситуации в России. И это тоже лишний раз подтверждает справедливость нашего тезиса о повышенном внимании ученых-гуманитариев и общественности в России к вопросам самопознания.

Так или иначе, на фоне народного «подвижничества», социальной и политической активности ученого сообщества во второй половине XIX в. продолжается стремительная эволюция научных структур и высшей образовательной системы. Университеты обретали не только жизнь и статус, но максимальную по тем временам свободу творчества. В русле нашей темы важно, что практическая наука постепенно «перекочует» из академической среды в сферу университетского образования и создаваемых в ее рамках сети научных обществ. Этот тезис подтверждают и специальные исследования⁸⁷.

Любая страна могла бы гордиться таким обилием научных обществ. В одном только московском университете их было в середине XIX в. более тридцати. Наиболее известными из этих обществ, труды которых особо популярны, а периодические издания наиболее «читаемы», были: Общество любителей российской словесности (1811); Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) 1863-1931); Московское математическое общество (1864); Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений; Московское юридическое общество (1865); Хирургическое общество (1873); Русское библиографическое общество (1889-1930); Московское общество детских врачей (1892); Историческое общество (1893); Русское офтальмологическое общество (1889); Педагогическое общество Московского университета (1898); Московское терапевтическое общество (1895); Общество для разработки общественных наук (1911) и пр.

Аналогичная ситуация складывалась и в других университетах. Для этнографии и в целом историологии особое значение имели, конечно, «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» (ОЛЕАЭ), аналогичные или близкие по наименованию и целям общества в

---

⁸⁷ Чумакова Т.В. Наука в российских университетах во второй половине XIX века // Портал Auditorium. Конференция «Мир российского университета» Секция 3. Наука как способ существования университетского человека. URL: http://www.auditorium.ru/conf/conf_fulltext/nauka/chumakova.pdf.

Казанском и Санкт-Петербургском университетах⁸⁸. Эти общества дали начало целой сети региональных научных организаций краеведческой направленности, таких как «Уральское Общество любителей естествознания». В целом же из обществ, не привязанных к Университетам, необходимо выделить, прежде всего, «Вольное экономическое общество» (ВЭО) и, конечно, «Императорское Русское географическое общество» (ИРГО). Важное значение имело и создание сети Губернских Ученых Архивных Комиссий (ГУАК). Фактически они сочетали в себе формы государственности и «волонтерства», особенно в части исследовательской и издательской. «Комиссии» стали началом выстраивания системы государственных «исторических архивов». Эта инициатива явилась кульминацией деятельности, упомянутого выше «Московского Общества истории древностей российских»⁸⁹ и создателя первой Археографической экспедиции при ПАН (РАН) П.М. Строева. Идеи П. Строева, подхваченные академиком Н.В. Калачевым и реализованные через МВД⁹⁰.

В итоге сложилась прекрасная функциональная система науки и ее вспомогательных структур. ВЭО, РГО, ОЛЕАЭ (и пр.) решали задачи эмпирического самопознания в центре страны и в регионах. Центральная и региональные УАК создавали базу нарративных и статистических источников (или открывали пути доступа к ним широкой публике) для научного и бытового анализа, познания истории и культуры России.

Важное значение в XIX веке приобрели такие масштабные мероприятия, как всероссийская «Русская этнографическая выставка» в Москве. Она – и результат инициативы членов названных общественных научных ассоциаций РГО и ПАН (РАН), и реальное подтверждение неподдельного внимания общества к этнографии и познанию собственной истории, своего социо- и этнокультурного многообразия.

Подводя некий итог к анализу развития гуманитарных исследований в России XVIII и начала XX вв., следует отметить, что в разные периоды их интенсивность не ослабевала, но имела свою специфику развития. В XIX в

---

⁸⁸ Например: Казанское «Общество археологии, истории и этнографии» при Императорском Казанском университете занималось исследованиями в области археологии, истории, этнографии, географии и изучало «Болгарское наследие». Общество имело три отделения: археологическое, историческое, этнографическое. Создало свою Комиссию по составлению археологической и этнографической карты региона Поволжья. В деятельности общества активно участвовали Н.Н. Фирсов, Н.Ф. Катанов, С.М. Шпилевский, Е.А. Малов, Н.М. Покровский.

⁸⁹ Фактически одно из первых научных добровольных обществ «ОИДР» возникло стараниями А. Шлецера в Московском Университете в 1804 году. В него вошли преподаватели университета, академики, работники библиотек и архивов, в том числе знаменитости: А.Ф. Малиновский, К.Ф. Калайдович, А.И. Мусин-Пушкин, Н.Н. Бантыш-Каменский, Н.М. Карамзин, П.М. Строев и др.

⁹⁰ Губернские УАК официально создавались по циркуляру МВД по плану академика Н.В. Калачева, а их деятельность регулировалась Положением кабинета Министров «Об учреждении учёных архивных комиссий и исторических архивов» от 13 апреля 1884 г., утвержденным Александром III.

Академия сосредоточится больше на естественных и точных науках, университеты – практически на всех, а вот самостоятельные «научные ассоциации» – в большей степени на гуманитарной. В совокупности все названные процессы будут способствовать формированию научных историографических школ, а в частности завершат процесс оформления этнографии как науки и образовательной дисциплины.

В рамках РГО и университетов, прежде всего московского, этнография обретет свои первые официальные исследовательские структуры. РГО же впоследствии создаст условия для формирования Академического Института АН СССР. Таким образом, университеты дадут этнографии России свои кафедры для формирования кадров, а РГО даст ей по существу первую самостоятельную академическую структуру. Напомним, что до создания РГО в Академии интересы нарождающейся науки выражала изначально только Кунсткамера и чуть позже «кружок Румянцева». Академичность этнографии в рамках РГО подтверждается и тем, что вскоре после официального открытия здесь создается специальное Отделение и при нем начинают действовать фундаментальные периодические научные издания: «Живая старина» и «Этнографический сборник», а, главное, исследования начинают носить планомерный и систематический характер.

Кроме того, и в организационном плане связь РГО и АН была самой тесной, поскольку многие члены «Общества» были и действительными Академиками или Членами корреспондентами РАН. В их числе и этнографы П.И. Кеппен, К. Бээр, Д.Н. Анучин, С.Ф. Ольденбург и другие. Более того, один из основателей РГО Федр Петрович Литке в 1864-1882 гг. служил Президентом Академии наук, являлся фактически автором идеи о создании РГО и принимал в его деятельности самое активное участие.

Отделение этнографии РГО сыграет значительную роль в создании академической структуры этнографии. Особая заслуга в этом процессе по оценке историков науки принадлежит С.Ф. Ольденбургу, который был одновременно председателем Отделения Этнографии РГО и секретарем Академии наук. Отделение Этнографии РГО даст впоследствии начало формированию комиссии по этническому картографированию, которая перерастет в «Комиссию по изучению племенного состава» России. На базе этой комиссии и Кунсткамеры в 1930-е годы и будет создан академический институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

А еще раньше члены РГО по отделению этнографии первыми начнут подготовку этнографических кадров в Московском Университете, поскольку «не академическая» часть членов РГО в подавляющем большинстве представляла профессуру Университетов.

Что касается отечественной этнографической школы, то особенная роль в ее формировании принадлежит Московскому Университету. Здесь усилиями плеяды блистательных ученых этнография обретет статус самостоятельной

науки и учебного предмета. В их числе и семья Харузиных⁹¹, которых считают основоположниками отечественной этнографии. Во всяком случае Н.Н. Харузин, член РГО, был тем человеком, который, как полагают некоторые исследователи⁹², впервые стал читать курс этнографии в Университете. Он же был и первым автором вузовского учебника «Этнографии» в четырех частях. Точнее, первые части учебника были подготовлены по лекциям Николая Николаевича, заключительные же были дописаны В.Н. Харузиной, сестрой Н.Н. Харузина и их братом Алексеем Николаевичем.

В рамках отпущенного времени трудно подробнее рассматривать первые теоретические воззрения ранних профессиональных этнографов, тем более что в последнее время их труды становятся предметом специальных исследований. Но мы можем адресовать слушателя (и читателя) к нашим публикациям⁹³.

Завершая, нельзя не отметить, что некоторые высказывания ранних российских ученых-этнографов подкрепляют наши выводы, что именно в России этнография обрела свой предмет и собственное «научное лицо», и того, что это было прямым следствием той этнографической ситуации, в которой постоянно обретается Россия, и того, что в названных процессах кроется причина особой заинтересованности российской общественности в вопросах собственной истории, культуры и этнографии. Все вместе становится «эффектором», обуславливающим особый, повышенный интерес этнографов к вопросам теории этноса.

Что касается «единства» этой теории в масштабах России, данный тезис, видимо, еще предстоит отстаивать. А завершить хотелось бы цитатой из первого учебника «Этнографии» в России. В.Н. Харузина, вслед за своим братом – Н.Н. Харузиным, говорит: «...этнография на нашей почве

---

⁹¹ Употребление такого речевого оборота здесь уместно, поскольку в данном случае мы имеем дело с редким в историографии случаем посвящения четырех ближайших родственников, а точнее целого поколения одной семьи (кроме Е. Харузиной) в одну профессию. Братья Михаил (1860-1888), Алексей (1864-1932) и Николай (1865-1900) Харузины и их сестра Вера (1866-1931), получив в общем различное высшее образование и различную же специализацию, стали, кроме прочего, учеными-этнографами и внесли все вместе достойный вклад в становление и развитие отечественной этнографии. Достаточно подробно об этом см. в серии статей М.М. Керимовой.

⁹² И это не вполне понятно, так как известно, что член РГО, почетный член АН Д.Н. Анучин уже в 1884 г. руководил кафедрой географии и этнографии в МГУ, где впервые читал курс лекций по этнографии России. Н.Н. Харузин же начал чтение своего курса в 1798 г. Очевидно, биографы Харузиных имели в виду, что Николай Николаевич читал именно курс «Общей этнографии». А также учитывали то, что кафедра, которой руководил Д.Н. Анучин, была на историко-филологическом факультете, а затем была переведена на физико-математический факультет и в 1888 г. переименована в кафедру географии. Да и сам Д.Н. Анучин с конца 1880-х больше сосредоточился на изучении географических проблем.

⁹³ В частности: Якупов Р.И. Роль ИРГО в становлении отечественной этнографии, в развитии теории этноса и в национальном самопознании // *Ab tribe ad gentem*. Научный сборник ИИЯЛ. СПб, 2014. С. 7-26.

приобретает сверх чисто научного и общественно-государственное значение, так как без знания народной жизни парализована всякая работа по ее устройению, служащего залогом ее развития. В связи с этим, этнография в России не должна составлять удела только ученых. Она требует и заслуживает общего внимания; она должна входить в число общеобразовательных знаний»⁹⁴.

Мы всецело разделяем такую постановку вопроса относительно значения этнографии для общества вообще и Российского в частности и хотим отметить, что к подобному пониманию мы приходим совершенно самостоятельным путем, что означает, вероятно, некую точность и объективность данного тезиса. Во-вторых, мы не можем абсолютно точно сказать, что термин «общеобразовательные знания» противопоставляется понятию «знания специфические» и в этом значении рассматривается как дисциплина, либо как предмет всеобщего (читай школьного) образования в противовес узкоспециальному высшему – научному образованию. Но если это так, то мы опять-таки полностью разделяем первую трактовку и вытекающую из нее необходимость сделать этнологические знания предметом школьного, а лучше еще и вузовского общего и вузовского специального образования (как, скажем, предмет «история»). Это было бы не просто продолжением обозначенной выше общественной (общенациональной культурной) традиции, но выводило бы ее на уровень культурного феномена.

Из истории отечественной этнографии (этнологии)

Часть 2. У истоков отечественной теории этноса

Еще о причинах особого отношения россиян к вопросам этничности. Полиэтничность. Поликонфессиональность. Полисословность. Поликультурность. Этапы и направления развития теоретической мысли в этнологии России XX в. Левин, Толстов, Чебоксаров, Токарев, Бромлей, Арутюнов, Гумилев, Рыбаков, Филипов, Кузеев. Этнология в центре и в регионах России. Этнонациональное самопознание. Историография и этнологические обобщения. У истоков российской «теории этноса». Н.И. Надеждин, Д.Н. Анучин, Н.Н. Миклухо-Маклай, В.Г. Богораз-Тан, семья Харузиных.

Особенности развития этнографии СССР в 1930-1940-е, 1950-1960-е, 1970-1980-е года. Расцвет отечественной – «советской» теории этноса. Этнология 1990-х начал 2000-х. Релятивизм, постмодернизм и конструктивизм. Критика «российской теории этноса». Новый век этнологии: между этнологией и антропологией.

Часть первую лекции мы начинали с тезиса о том, что Вопросы изучения этноса всегда были актуальными в России. Тому есть несколько фундаментальных, объективных причин. Прежде всего, это множество незавершенных социокультурных процессов разновекторных и в разных стадиях своего развития. Другой важнейшей характеристикой Российского социума является многоконфессиональность страны и конфессиональная подвижность. Наконец Россия это – незримый полигон, где разворачиваются

⁹⁴ Харузин Н.Н. Роль ИРГО в становлении отечественной этнографии, в развитии теории этноса и в национальном самопознании // *Ab tribe ad gentem*. Научный сборник ИИЯЛ. СПб, 2014. С. 7-26. Этнография. Лекции. Ч. 1. СПб., 1901. С. VII.

мощные этнические процессы, этнополитические коллизии. В некоторых случаях это межэтнические взаимодействия, в других – нерешенные в продолжение веков и острые в отдельные периоды вопросы национальной политики и масса других событий и фактов, менее значительных, но в совокупности вполне факторных. Самые интересные же из них – это продолжающиеся буквально на глазах истории этногенетические процессы.

На этом фоне пристальное внимание российских ученых-гуманитариев к вопросам этничности отнюдь не случайно. Даже концепции государственного развития в России XIX в. рассматривались политиками в тесной связи с этничностью и этнической ментальностью (славянофилы и западники). Эти тенденции в свою очередь влияли на особое отношение российских ученых к проблемам этноса и этнической теории (рассмотрения этнического феномена в теоретической плоскости), то есть к фундаментальным исследованиям в этой области.

Россия дала миру целую плеяду блестящих теоретиков этноса⁹⁵. В то же время за рубежом (в сравнительном плане рассматривается главным образом европейская и американская наука) этнология как самостоятельная наука остается не вполне признанной, а исследования на тему этничности развиваются в рамках общей антропологии и привязаны, в зависимости от конкретной темы, к социальной или культурологической (этнической) сфере⁹⁶.

С самых ранних этапов становления и развития отечественной этнографии (этнологии) в России с середины XIX в. в среде ученых существовали разные взгляды на этнос, этничность и особенно задачи этой науки⁹⁷. Шел поиск ее предметных границ. Тем не менее уже тогда, мы полагаем, закладывались основы общероссийской этнографической школы⁹⁸. Возражения же, высказываемые в основном современными исследователями, скорее всего связаны с формированием в особенности в 1990-е-2000-е различных «новых» направлений российской этнологической мысли, возникших под воздействием западных теоретических моделей (о них

---

⁹⁵ См.: Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи / Сб. статей. Сост. Д.Д. Тумаркин, отв. ред. Тишков В.А., Тумаркин Д.Д. – М., 2004. – 624 с.; Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Материалы международной научной конференции. III Широкогоровские чтения. Владивосток, 2008. 344 с.

⁹⁶ Подробно об этом: Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 2. С. 3-17.

⁹⁷ Могиланский Н.М. Предмет и задачи этнографии. Доклад читанный в заседании Отделения этнографии Императорского Русского Географического общества 4 марта 1916 г. Птг., 1916.; Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. Кн. 1. М., 1889. С. 1-35.; Левин М.Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843-1923) // Труды ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Новая серия. Т. I М.-Л., 1947. Харузин Н.Н. Этнография, лекции, читанные в Московском университете. Вып.1-4. СПб., 1901-1905.

⁹⁸ Якупов Р.И. Русское географическое общество: к становлению отечественной этнографии теории этноса и национального самопознания // От племени к этносу (этнография в Русском географическом обществе). Вып 1. – СПб., 2014. – С. 7-26.

подробнее) и их «нео» вариантов⁹⁹. Кроме того, стоит отметить, что и советская этнография в сфере теории, на первый взгляд, не была монолитна и, конечно, всякий вспомнит ее альтернативные течения, в особенности полемику Л.Н. Гумилева и Ю.В. Бромлея¹⁰⁰. Но, несмотря на наличие разных позиций, течений и групп, и в дореволюционной, и в советской, и в постсоветской этнографии (этнологии) есть некий общий пласт в теории и в методологии, позволяющий утверждать, что общероссийская школа этнологии и теории этноса, объединяющая все эти направления и исследователей, действительно существует. Из этого вытекает ряд важных, в том числе сугубо научных и специфических, скажем – политологических выводов, включая понимание причин бытования разных взглядов европейцев и россиян на межнациональные отношения, их моделирование и перспективы развития народов Европы, России, Мира.

Следует отметить, что классические¹⁰¹ историографические исследования на эту тему вообще ограничены. В дореволюционный период в числе значительных обобщающих работ можно выделить в основном библиографические указатели. Это труды Межова В.И.¹⁰² и Зеленина Д. К.¹⁰³ Выпускались и региональные указатели и материалы для изучения «инородцев» России, например, работы П.И. Кеппена¹⁰⁴. Аналогичные материалы опубликованы разными учеными практически по всем регионам России, в частности специально по Поволжью – подборка Н.В. Никольского¹⁰⁵. Первое из крупных аналитических обобщений по истории науки было сделано А.Н. Пыпиным в его известном четырехтомнике «История русской этнографии»¹⁰⁶.

Спустя почти сто лет еще одно крупное обобщение на эту тему было предпринято в ряде работ С.А. Токаревым. И хотя они несут на себе печать «советской» эпохи и идеологии, все же представляют собой труд академический и фундаментальный и, пожалуй, единственный опыт

---

⁹⁹ Хабенская Е.О. Этническая идентичность: подходы к проблеме /

¹⁰⁰ Соколовский С.В. Российская антропология и проблемы ее историографии // Антропологический форум. – 2008. – №9. – С. 26-52.

¹⁰¹ О смысле, вкладываемом в понятие «классическая историография» и понимании ее задач. См: Якупов Р.И. Науковедение, гуманитарные науки и историография // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 3 (64). – С. 121-134.

¹⁰² Межов В.И. Библиографический указатель русской этнографической литературы (книг и статей) за 1860 и 1861 года. СПб., 1864. 132 с.

¹⁰³ Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. СПб., 1913 (репринтное издание: СПб, 2008. 782 с.).

¹⁰⁴ Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. 519 с.

¹⁰⁵ Никольский Н.В. Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань, 1912; Его же. Конспект по истории народностей Поволжья: (с древнейших времен до 1917 г.). Казань, 1919. 88 с.

¹⁰⁶ Пыпин А.Н. История русской этнографии. ТТ. 1-4. СПб., 1890-1892.

историографии в ее классической форме¹⁰⁷. Можно было бы отнести к работам близким по жанру монографии Ю.В. Бромлей¹⁰⁸, включая и те, что касаются зарубежной этнологии¹⁰⁹, но все же это больше теоретические, а не историографические труды.

В этой связи важно оценить и то, что во всех трудах отечественных ученых, разрабатывающих вопросы теории, отдельные разделы или параграфы и вводные части посвящены анализу существующей литературы и истории развития этнологической и теоретической мысли. Эти нарративы носят обзорный, вспомогательный характер и по существу в большинстве из них характеристики сводятся к констатации существования биологического (биологизаторского) взгляда на этнос, приписываемого С.М. Широкогорову¹¹⁰, социо-нормативного или (социо-культурного), активно разрабатывавшегося большой и преемственной плеядой советских ученых¹¹¹, но главным апологетом и разработчиком при этом обычно объявляют одного Ю.В. Бромлей, затем – культурологического, активным автором и сторонником которого признан Н.Н. Чебоксаров, а так же М.Г. Левин, С.А. Арутюнов¹¹² и др. Особняком рассматривается «фантастическая» космо-биологическая версия природы этноса Льва Гумилева.

Применительно к постсоветской эпохе (1990-х-2000-х) в отечественной теоретической мысли выделяют сообщество ученых и, соответственно, направление конструктивизма, заимствованное на западе. Хотя при

---

¹⁰⁷ Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966; Его же. Истоки этнографической науки. М., 1978; Его же. История зарубежной этнографии. М., 1978.

¹⁰⁸ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

¹⁰⁹ Бромлей Ю.В. О предмете культурной-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа) // Этнография за рубежом. М., 1979; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории. М., 1981; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М., 1987; Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988.

¹¹⁰ Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Материалы международной научной конференции. III Широкогоровские чтения. Владивосток, 2008. 344 с.

¹¹¹ Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей // Вопросы философии. 1964.; Его же. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. М., 1999.; Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.; Его же. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999. 343 с.; Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. М., 1993. Мильников А.С. К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах // Расы и народы. М., 1975. Вып. 5. Мильников А.С. О феномене «постэтничности»: современный взгляд на некоторые идеи Ю.В. Бромлей // Этнографическое обозрение. – 2002. – №2. – С.3-9. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. Итс Р.Ф. Введение в этнографию: учебное пособие. – 2-е изд. – Л., 1991. – 168 с.; Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

¹¹² См: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.; Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Основы антропологии: учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1978. – 528 с.; Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

внимательном анализе работ выясняется, что российские «конструктивисты» далеко не всегда являются последовательными сторонниками этой идеи.

В числе работ последнего времени, посвященных систематическому анализу теоретических воззрений ведущих российских ученых и в полемической форме специально разбирающих различные вопросы теории, можно назвать монографии С.А. Рыбакова¹¹³ и Р.В. Филипова¹¹⁴. Аналогичный по характеру, но, мы полагаем, более глубокий анализ представлен в обобщающих трудах Ю.И. Семенова¹¹⁵. В числе немногих исследователей-современников, кто наиболее последовательно занимается мониторингом теоретической мысли по проблемам этничности в отечественной этнологии, можно выделить С.В. Соколовского¹¹⁶.

И все же развитие теории в связи с историей самой этнографии во всех подробностях – недостаточно разработанная тема. А это детерминированная связь. Поэтому можно сказать, что за последние 50 лет не было специальных работ по истории этнографической науки, тем более нет исследований, в которых делались бы попытки обосновать единство российской школы этнологии и теории этноса.

В то же время на фоне кризиса этнополитических доктрин в Европе и Америке, очередной активизации этнического фактора в мировой истории и, в частности, на пространстве СНГ (особенно на Украине, но не только) продолжение изысканий в области теории этноса и плановое развитие фундаментальных этнологических и чисто этнографических – описательных исследований представляется не только актуальным, но и необходимым.

Этому непременно должен предшествовать (или сопровождать этот процесс) обширный критический историографический разбор достижений науки. Это «рекогносцировка» уровня, степени и координат в процессе развития этнографической науки и ее теории. До следующего этапа.

В развитие данной темы о теоретико-методологическом единстве Российской этнологии следует сказать о том, что в процессе развития той или иной научной отрасли в стране (любой) важное значение имеет сеть и своеобразие развития учебных и академических структур, готовящих научные кадры.

В России наиболее ранним из них таких было Русское географическое общество. Будучи тесно связанным с Российской академией наук, РГО само фактически стало первым этнографическим, можно сказать, академическим учреждением. В самой же Академии (ПАН, ИРАН, АН СССР и вновь РАН) первый этнографический Институт появился только в Советскую эпоху¹¹⁷. Мы, разумеется, помним о Кунсткамере. Но и она изначально существовала не

---

¹¹³ Рыбаков С.Е. *Философия этноса*. М., 2001. 160 с.

¹¹⁴ Филиппов Р.В. *Советская теория этноса. Историографический очерк*. М., 2010. 185 с.

¹¹⁵ Семенов Ю.И. *Философия истории*. М., 2001.

¹¹⁶ Соколовский С.В. *Советская академическая теории этноса: некоторые политические и философские истоки // Этнометодология*. М., 2012. Вып. 17. С. 183-197.

¹¹⁷ Чистов К.В. *Из истории советской этнографии 30-80 гг. XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // Советская этнография*. С. 3-18.

как этнографическое учреждение, а как музей (Кабинет редкостей), давший начало целому ряду самостоятельных музеев, специализирующихся на разных направлениях естественных, в основном, наук.

Кунсткамера, становится учреждением этнографии постепенно. Примерно с середины XIX века именно путем отделения от нее названных выше музеев¹¹⁸, она обретает сугубо этнографический и академический статус и то первоначально в качестве музея. Только в советскую эпоху Кунсткамера становится академическим НИИ в качестве Ленинградского отделения упомянутого Института этнографии АН СССР.

Прочно связывает российскую этнографию в некое единство тот факт: члены РГО по его отделению Этнографии, хотя и имели субъективные взгляды на предмет этнографических занятий в целом воспринимали одинаково его объект – сам феномен этничности как реальную культурно-языковую общность. Многие из них при этом в той или иной степени были подвержены теории эволюционизма или по меньшей мере молчаливо принимали ее.

Еще более важно, что такие ученые, как Н.И. Надеждин, Д.Н. Анучин, Н.Н. Миклухо-Маклай, В.Г. Богораз-Тан, семья Харузиных и другие в основном встали во главе первых учебных структур отечественной этнографии, умножая тем самым единую методологическую «традицию» и транслируя ее в регионы.

В частности, Д.Н. Анучин в 1884 году возглавил вновь образованную, благодаря его же стараниям, в Московском Университете первую кафедру этнографии (точнее географии и этнографии)¹¹⁹. Хотя есть утверждения, что первым начал читать свой курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте Н.Н. Харузин¹²⁰.

Почти в это же время, в 1887 году Э.Ю. Петри встал во главе кафедры географии и этнографии, основанной в естественно-научном отделении физико-математического факультета СПбГУ. Необходимо отметить, что Э.Ю. Петри волей судьбы прошедший много времени в Европе, был не только одним из наиболее активных сторонников эволюционизма, но еще будучи специалистом в области медицины, сделал особенно много для развития в России физической антропологии, как научной отрасли. Можно сказать, что он сыграл не последнюю, а возможно и решающую роль в том, что в России

---

¹¹⁸ Новый Устав Санкт-Петербургской Академии наук от 1836 г. перечисляет в ее составе музеи: минералогический, ботанический, зоологический и зоотомический, ботанический, коллекции (собрание) азиатских и египетских древностей, нумизматический и этнографический кабинеты. См.: Уставы Академии наук СССР: Сборник / сост. А.А. Богданова, Б.В. Левшин, Л.Н. Киселева и др. М., 1974. С. 111.

¹¹⁹ Богданов В.В. Дмитрий Николаевич Анучин, антрополог и географ (1843-1923) / Моск. об-во испытателей природы. М., 1941. 68 с.

¹²⁰ Миллер В.Ф. Николай Николаевич Харузин (некролог) // Этнографическое обозрение. Кн. XLV. № 2, 1900; Харузин Н.Н. Этнография, лекции, читанные в Московском университете. Часть общая и материальная культура. Вып. I. СПб., 1901.

антропологию восприняли, как историко-биологическую науку о расах¹²¹, а изучение этноса продолжало укрепляться как объектно-предметная сфера, развивающейся науки этнографии.

В то же время Э.Ю. Петри был отцом известного уже в советскую эпоху (1930-е гг.) талантливого этнографа, географа и антрополога Б.Э. Петри, в будущем доцента Иркутского Университета, действительного члена Восточно-Сибирского отделения РГО и основателя местного краеведческого общества. В 1920-е годы в числе учеников Б.Э. Петри были впоследствии еще более знаменитый М.М. Герасимов, А.П. Окладников и другие¹²².

Своим примером РГО способствовало развитию региональных научных сообществ. Здесь важно отметить, что в Казанском университете, входившем в тройку крупнейших вузов страны, еще до образования здесь кафедры этнографии уже действовало неформальное научное «Общество археологии, истории и этнографии». Традиции «Общества» и регламент его работы, в частности постоянное заслушивание научных докладов и отчетов активных членов этого общества, так или иначе, способствовали складыванию единства взглядов на этнос как объективную реальность, в особенности пониманию ее как самобытной культурно-языковой общности.

В 1884 году в Казанском Университете была основана кафедра географии и этнографии. Ее возглавил географ П.И. Кротов, выходец из богословской среды, но воспитанник того же Казанского Университета. В 1911 году эту кафедру занял Б.Ф. Адлер, сделавший особенно много для развития в регионе этнографической науки, как в теории, так и в практической (полевой) этнографической работе, вовлекая в нее массу студентов. Трудом Б.Ф. Адлера в Казани в 1916 г. был открыт археологический и этнографический институт, который просуществовал до его вынужденной эмиграции в 1920 г.¹²³ Между прочим, и это важно, Б.Ф. Адлер – выпускник МГУ, был воспитанником того же Д.Н. Анучина, а его собственными учениками стали известные впоследствии географ, профессор С.Н. Лаптев, археолог С.А. Теплоухов, географ и этнограф, исследователь Дальнего Востока И.А. Лопатин, классик этнографии Поволжья и татаровед, этнограф, профессор Н.И. Воробьев. На рубеже XIX и XX вв. упоминавшийся выше В.Г. Богораз вместе с Л.Я. Штернбергом и другими учеными основали факультет географии в Санкт-Петербургском университете, где так же активно в рамках общей географии занялись подготовкой этнографических кадров.

---

¹²¹ Петри Э.Ю. Основы антропологии. СПб, 1890; Он же. Методы и принципы географии. СПб, 1892.

¹²² Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э.Петри // Репрессированные этнографы. М., 2002. С. 57-81; Ее же. Бернгард Эдуардович Петри как этнограф // Советская этнография. – 1991. – № 3. – С. 83-92.

¹²³ Кротов П.И. Б.Ф. Адлер и его ученые труды по географии и этнографии. Казань, 1911. URL: https://drive.google.com/file/d/0B_8AxEyh4wOjeTBxNDMyVUI4aWc/view?usp=sharing; (дата обращения: 25.11.2015).

В 1920-е гг. сформировалась организационная структура отечественной этнологии. Она включала правительственные организации, нацеленные на решение практических задач национальной политики и культурного строительства: Центральное Этнографическое Бюро при Народном комиссариате по делам национальностей, Комитет Севера при ЦИК СССР. Однако среди научных организаций (и их сотрудников, численность которых продолжала оставаться очень небольшой) преобладали объединения ученых старой школы еще дореволюционной формации: учреждения системы Академии наук, Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), музеи, учебные кафедры в Московском и Ленинградском университетах, некоторые научные общества. Ученые старой школы были автономны в выборе исследовательской тематики. Именно они (В.Г. Богораз, Е.Г. Кагаров, Б.А. Куфтин, П.Ф. Преображенский, С.И. Руденко, В.Н. Харузина, Л.Я. Штернберг и другие) оказывали решающее воздействие на формирование научных программ, а также стояли у истоков профессиональной подготовки этнологов.¹²⁴

В 1930-е гг. заметно сократилось число научных учреждений этнологического профиля, радикально сузился круг подлежащих изучению научных проблем, закрылись учебные центры подготовки профессиональных этнологов, некоторые видные ученые подверглись репрессиям.

Процесс восстановления науки начался еще в предвоенные годы. Организационную основу этнологии составили учрежденный в 1933 г. Институт антропологии и этнографии (ИАЭ) АН СССР (который почти не функционировал), а также созданная в 1939 г. по инициативе известного этнографа, археолога и историка С.П. Толстова кафедра этнографии в составе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В исследовательской деятельности этих учреждений акцент некоторое время был смещен в сторону традиционной этнографии, изучения прошлого народов мира.

Таким образом, выпускники всех вышеназванных научно-учебных структур в советскую эпоху продолжали единую традицию, особенно это заметно в деятельности центральных вузовских структур – кафедр МГУ и СПбГУ. Дело в том, что если проследить цепь руководителей этих кафедр, то обнаружится прямая последовательная связь учитель-ученик, которую можно с полным основанием считать историей «этнографических школ» этих вузов. В то же время кафедры эти были тесно связаны между собой, а главное, в советские годы они становились «кузницей кадров» для региональных Академических центров и вновь создававшихся «Советских» национальных Университетов в автономных и союзных республиках СССР.

В развитии российской – советской школы этнографии и теории этноса сыгнали значительную роль С.П. Толстов и С.А. Токарев. Принципы периодизации истории первобытного общества, этнография и археология

---

¹²⁴ Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Адлер Бруно (Бруно-Вильгельм-Карл-Адольф) Фридрихович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991). СПб., 2003.

Средней Азии составляли в ту пору круг научных интересов директора (с 1943 г.) Института этнографии АН СССР и заведующего кафедрой этнографии С.П. Толстова. Он, в частности, был первооткрывателем наследия древнего Хорезма и тщательно изучал культуру кочевых племен Приаралья.

С.А. Токарев (1899-1985) долгое время занимался изучением Народов Сибири. А позднее написал целую серию блестящих работ по теории. М.О. Косвен был одним из разработчиков и главным авторитетом в области философии этноса.

Этнография особенно активизировалась в послевоенные годы. «Организационную основу фундаментальных исследований составляли АН СССР и ее филиалы (позднее – Академии наук союзных республик), а также университеты и музеи (в особенности в Ленинграде – Петербурге). Уже на рубеже 1940-1950-х гг. появились капитальные труды, среди которых «Нганасаны» А.А. Попова (М., 1947), «Кубачинцы и их культура» Е.М. Шиллинга (М., 1949), «Очерки исторической этнографии каракалпаков» Т.А. Жданко (М., 1950), «Этнические территории и этнические границы» П.И. Кушнера (М., 1951) и др. То есть стали зримыми первые крупные результаты развития этнографии и этносологии. Все названные книги – это фактически первые в истории самих описываемых народов рассказы об их истории и культуре.

В 1960-е гг. началось изучение современности. Были организованы исследования культуры и быта сельского и городского населения СССР. Продолжались и исследования по региональной этнографии, причем не только в союзных и автономных республиках СССР, но и в мире. В Африке работал Д.А. Ольдерогге, в Америке – Ю.П. Аверкиева, в Китае и Юговосточной Азии – Н.Н. Чебоксаров, А.М. Решетов, В.Н. Басилов и др.

В 1950-60-е гг. в отечественной этнологии появились крупные деятели, внесшие существенный вклад в мировую науку. Среди них профессор С.А. Токарев, который возглавлял кафедру этнографии истфака МГУ в 1956-1973 гг. Он ориентировал этнографов на изучение основных историко-культурных явлений, а не на описание «экзотических» сторон быта. Он много сделал для развития теории этноса и истории науки. Его труды по истории русской и зарубежной этнологии до сих пор являются настольной литературой всех специалистов в этой области, тем более учащихся.

В 1960-е же годы при содействии центральных этнологических учреждений во всех столицах союзных республик и в автономных республиках возникли специальные центры этнологических исследований. Тематика этнологических исследований стала и обширной, и разнообразной. И хотя определенное идеологическое давление оказывала на этнологию «марксистская теория», ее инструментальная методологическая ценность совершенно не мешала, а наоборот существенно помогала изучать историю и культуру народов. Конечно, заметнее было увлечение исследователей социальными сторонами быта народов (род, племя, община, семья, положение женщины). Большинство исследований трактовали вопросы историко-

культурного свойства: хозяйство и хозяйственно-культурные стороны бытия, поселения и жилища, одежда и утварь и пр. Но при этом немало было и работ посвященных обрядовой стороне, особенно семейных, календарных обрядов и хозяйственного цикла. Работ, посвященных этногенезу и этнической истории, а также межэтническим взаимодействиям было значительно меньше.

Но все же в начале 1970-х постепенно начало развиваться интенсивно теоретическое направление, накопленный опыт осмысления эмпирического материала искал выхода. Заявившее о себе еще в начале XX в., это направление «стало своеобразным «символом» советской этнографии, составив одну из самых сильных — и по сей день — сторон отечественной науки». Тогда то и стала популярной «дуалистическая теория этноса» директора Института этнографии АН СССР, академика Ю.В. Бромлея. Развивались и альтернативные подходы: биологизировавшая феномен этноса концепция Л.Н. Гумилева, содержательная информационная концепция Н.Н. Чебоксарова и культурологическая С.А. Арутюнова, компонентная теория В.В. Пименова.

Журналы «Советская этнография» и «Этнографическое обозрение» стали в 1970-1990-е полем активных теоретических дискуссий, продолжающихся до сих пор. В 70-80-е гг. продолжалась работа по дальнейшему совершенствованию подготовки специалистов-этнографов. Здесь важно отметить: в области учебной литературы в XX веке все же наблюдался определенный «голод». Из достойных пособий по этнографии можно выделить несколько работ С.А. Токарева, учебник 1982 г. «Этнография» под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова и вышедший по особой программе учебник МГУ «Этнология» под редакцией В.В. Пименова, Г.Е. Маркова.

Здесь можно пояснить, что внутри этнологического сообщества российских ученых-современников утвердился и бытует стереотип, что все теоретические разработки всегда осуществлялись и, более того, должны происходить (и ведутся) в центральных научных и высших учебных институтах и ведомствах, а регионы призваны заниматься местной спецификой. Эта парадигма сложилась еще на заре советской этнографии, когда Академические институты в Москве и Санкт-Петербурге действительно были лидерами в целом в советской науке, только встававшей на ноги после революции и фактического исхода большинства наших ученых соотечественников за рубеж. Они же (центральные академические структуры) были кузницей кадров для регионов. Поэтому центральные Институты академии и Вузы до сих пор сохраняют монополию на фундаментальные теоретические построения.

Но это, вероятно, ошибочное мнение. Так как Россия страна многонациональная, поэтому развитие региональной этнографии и наличие в ней «национального» вектора придает отечественной этнографии особый колорит, подчеркивает ее единство, парадоксально вытекающего из

противоречий внешнего изучения нерусских народов с одной стороны и их самопознания с другой.

Следовательно, теоретические разработки в этом направлении в регионах не только потенциально могут, но всегда существенно обогащали теоретическую мысль отечественной этнографии. Ярким примером тому может служить Уфимская («Башкирская») этнологическая школа Р.Г. Кузеева. Многие полагают, что заслуга этого ученого заключается в основном в воспитании плеяды этнографов в Республике Башкортостан (БАССР), а также в том, что он сыграл исключительную роль в изучении этногенеза и в целом этнографии башкирского народа.

Но в действительности Р.Г. Кузеев – член-корреспондент Российской Академии наук, всегда строил свои исследования и, в частности, имел особый взгляд на этногенез башкир ввиду особого взгляда на этнос и этнические процессы, сложившегося, видимо, в бытность его аспирантом Института Этнографии АН СССР. Здесь Р.Г. Кузеев был учеником Н.Н. Чебоксарова, воспитанником В.Г. Богораз-Тана, С.П. Толсова, С.А. Токарева, то есть как раз плеяды главных теоретиков этноса, взгляды которых блестяще обобщил Ю.В. Бромлей в своей единой теории¹²⁵.

Р.Г. Кузеев не просто догматически следовал идеям своих учителей, как впрочем и многие Российские ученые, а развивал их, дополняя собственными и теоретическими построениями. В этом и сила российской школы этнологии, что она никогда не была абсолютно догматической, но всегда оставалась открытой к дискуссии, о чем свидетельствуют редкие, но весьма качественные общероссийские научные форумы XX века¹²⁶.

Что касается Р.Г. Кузеева, именно он наиболее последовательно отстаивал идею процессуальности этноса, поддерживаемую многими российскими учеными центральных институтов академии. Кузеев Р.Г. считал это одним из главных свойств этноса и утверждал, что только взгляд на этнос как на постоянное движение (количественное, качественное, пространственное и временное) дает ключ к пониманию этничности¹²⁷. Именно такой взгляд на этнос дает более глубокое понимание его как социкультурного феномена и является «ключом» к открытию многих загадок этничности. И именно понимание этноса как процесса снимает те кажущиеся непреодолимыми границы в интерпретации этноса, которые поддерживают

---

¹²⁵ Кузеев Р.Г. Народы Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 345 с. Ил., табл.; Кузеев Раиль Гумерович. Ученый. Творец. Гражданин. Сб. статей / сост. И.Г. Петров. Уфа, 2012. 291 с.

¹²⁶ Например: Всесоюзные сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований, проводившиеся один раз в два года в 1970-80-е. Или дискуссия «О судьбах науки» на страницах Этнографического обозрения в первой половине 1990-х. См: Филипова Е.И., Филипов В.Р. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 6. – С. 3-17. Филипова Е.И., Филипов В.Р. Crede experto (Отечественная этнология сегодня и завтра) // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 5. – С. 3-11.

¹²⁷ Якупов Р.И. Как осмысливалась этническая история Евразии (памяти Р.Г. Кузеева) // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 2. – С. 110-119.

существование самостоятельных направлений в российской теоретической мысли. Об этом мы будем говорить в одной из последующих лекций. И еще из такого взгляда на этнос вытекает вывод о единстве российской этнографической школы. Потому, прежде всего, что с этим тезисом почти никто не может поспорить, а следовательно разделяет или принимает его.

Этнография и этнология России в XXI в.

Во второй половине 80-х гг. ситуация в этнологической науке существенно изменилась. В Россию стали активно проникать и стали «модными» научные парадигмы западной науки, а увлечение ими, в особенности в среде молодежи, стало реакцией на так называемый реальный и часто мнимый «тоталитаризм в науке». Появилась возможность открытой критики советской теории, символизирующей то самое «тоталитарное наследие» в этнографии и эта критика «в своих радикальных проявлениях отчасти перерастала в отрицание вековых конструктивных традиций науки».

Это не всегда шло на пользу науке. Скорее было шагом назад, чем вперед.

Сегодня основным научным центром этнологии в России остается Институт этнологии и антропологии РАН. К сожалению, предметно-тематическое поле этнологии сегодня более размыто, чем когда-либо. Об этом можно судить по проблематике научных форумов. Этнология блуждает между своим прочным объектом и призрачными объектами, субъективно относимыми к антропологии, иногда не имеющими вообще отношения к понятиям этнологической науки. И все же этнология продолжает свое развитие. И теоретический дискурс, в том числе о ее предмете и объекте, продолжается в трудах С.А. Арутюнова и Ю.И. Семенова, этнополитологических монографиях В.А. Тишкова, С.И. Рыбакова, В.В. Козлова, С.В. Чешко, М.Н. Губогло и многих других.

Подготовкой научных кадров этнологов в России сегодня заняты кафедры С.-Петербургского, Казанского, Омского, Томского, Новосибирского и других университетов России. В СНГ аналогичные структуры развиваются в Белорусском, Киевском, Кишиневском, Латвийском, Литовском, Тартуском, Ашхабадском, Ташкентском университетах.

ЛЕКЦИЯ 4.

Введение в общую этнологию. Этнология в системе наук

Этнология в системе исторических наук. Феномен этничности сквозь историю и культуру этноса. Культура вообще и культура этноса. Наука и научное знание. Социальная функция этнологии. Научно-познавательная. Просветительская. Законы развития этничности. Этноконфликтология. Самопознание. Структуры этнологической науки. Информационные ресурсы этнологии.

Основной метод этнологии и источники этнологического знания. Достоверность этнологического знания.

В настоящее время в России этнография и этнология рассматривается как наука, состоящая в системе исторических наук (вместе с политологией,

социологией, демографией и др.). Это подчеркивает общероссийское понимание самого объекта науки – этноса – как исторической и объективно существующей общности.

Этнография изучает этносы, их историю: возникновение (этногенез), этническую историю (процессы взаимодействия и взаимовлияния с другими этносами), а также внутреннюю эволюцию и революцию (возможно) во времени и в пространстве и, если так случилось, то и этническую энтропию – распад.

Хотя этнология не всегда интересовалась прошлым народов мира. Наоборот она органически выделилась из географии и не слилась абсолютно с историологией благодаря тому, что ее главной целью было именно описание (а не реконструкция истории) народов. Народов вновь открываемых, своих соседей, архаических народов «нового света». Что касается их происхождения, ранняя этнография касалась этих вопросов только вскользь, как бы попутно и редко специально.

Более серьезно этнография стала заниматься историей народов позже в рамках «национальной» историологии и изучение этой проблематики в основном приходится на XX столетие. Таким образом, сначала этнография была более сосредоточена на изучении культуры народов, то есть их быта, нравов, обычаев, способов хозяйствования, форм жилищ, одежды, праздников, обрядов, религиозных представлений и ритуалов. Затем она расширила свой предмет до вопросов истории и, наконец, переходя из описательной в науку осмысливающую, стала рассматривать вопросы самосознания, психологию этноса (ментальность), механизмы этнических процессов.

Теперь, если все это обобщить, то получится, что этнология познает феномен этничности через историю и культуру этноса.

Необходимо сделать небольшое примечание. Многое в предмете науки зависит от того, как трактуется ее объект. В частности есть теории, которые рассматривают этнос как биологическую популяцию, в этом случае, конечно, этнология будет постигать этничность, опираясь на ее биологические (физические), социальные и психологические характеристики. Подробнее об этом мы еще будем говорить ниже, характеризуя различные этнологические школы и теории. Здесь же в заключении к обозначению предметной области этнологии скажем то же, что мы зафиксировали относительно этнологии как науки, входящей в систему исторических наук.

А если коротко, предмет этнологии – история и культура этноса. Причем в понятие культуры входит все, включая язык этноса. С этим связан такой метод собирания фактов, как «работа в поле» или полевое исследование. Иначе говоря, экспедиционное длительное наблюдение за объектом – его жизнью.

В этой связи необходимо коснуться термина культура и достиг правильного его понимания. Культура – это все, что создает общество своим умом и творчеством. Для этого требуется время, следовательно, хотя этнография и этнология как бы наблюдает за настоящим, одновременно смотрит и в прошлое, подробно рассматривая вопросы истоков тех или иных

культурных традиций. С другой стороны, культура это то главное, что отличает один этнос от другого (специфическое сочетание не специфических элементов-признаков). Таким образом, этнология осмысливает многообразие мира опять-таки через культуру.

Но и это еще не все. В любом народе, кроме совсем уж архаических обществ, вы столкнетесь с двумя культурами – народной и элитарной. И если в начале прошлого столетия главным предметом изучения была народная культура, то к концу столетия вместе с развитием этнологии как фундаментальной науки пришло понимание того, что элитарная культура тоже этнична и как минимум требует к себе внимания. Кроме того, без изучения элитарной культуры не будет адекватной и полноценной оценки народной культуры. Они взаимосвязаны, обоюдодобусловлены. Это нужно понять.

Культуры высших слоев этносоциума – это следствие внутренней эволюции этноса. И хотя элитарная культура всегда тяготеет к общечеловеческим культурным традициям, она все равно остается национальной – этнической. В этом смысле культура этноса монолитна. Правда иногда, даже довольно часто это тоже необходимо помнить всегда: две культуры этноса существенно различаются и, как нам кажется, не только не взаимодействуют между собой, но даже находятся в оппозиции друг к другу. Но здесь то и кроется ошибка многих исследователей, отрывающих эти культуры друг от друга, потому что именно комплекс таких противоречий является источником развития этнической культуры в целом. Об этом мы поговорим чуть подробнее.

Но прежде перейдем от понятия наука к понятию дисциплина. Эти два термина хотя и употребляются как синонимы в действительности таковыми не являются.

Наука – это комплекс разнородных сущностей и действий, а точнее процесс, в который включены люди (субъекты познания), институты (социальные структуры, в рамках которых ведутся исследования), материальные объекты (лаборатории, здания, кабинеты и пр.). Кроме того, наука развивается циклично и двухфазно. Сначала происходит познание, а затем передача знания обществу – распространение. Затем процесс возобновляется уже на новом уровне. Поэтому наука это всегда знание прошлое и знание новое. Так она движется вперед. Так вот знание прошлое это то (достоверное), что передается обществу.

Институтами передачи знаний в масштабах государств являются учебные заведения. Здесь происходит, как правило, массовое приобщение к знаниям новых поколений (субъектов познания). Но не все из научного знания возможно к передаче. Во-первых, научное знание развивается и непрерывно обновляется (иногда устаревает и тогда либо обновляется, либо отмирает), во-вторых, многое в конкретные моменты времени находится в стадии обсуждения, в-третьих, многое новое не успевает попасть в сферу обучения, а что-то может даже быть секретным или запретным, т.е. причин тому, что не все транслировать учащимся, много. Поэтому добытое знание обычно попадает в процесс обучения в усеченном виде. Поэтому же в совокупности с

вышесказанным следует и различать понятия собственно наука (весь процесс познания) и дисциплина, часть научного знания, включенная в процесс обучения в данный момент времени. Синонимичным же понятием к слову дисциплина является термин «предмет» (учебный предмет). Но его, во избежание путаницы с понятием (предмет познания), не желательно использовать, поэтому видимо и появился термин «дисциплина». Это, кстати, вопрос о «чистоте» языка науки.

Теперь мы поговорим о дисциплине этнологии.

Почему необходимо изучение этнологии? Раньше было модно говорить о социальной функции этнологии. Иначе говоря, о ее воспитывающей и практической значимости (полезности) обществу. Она очевидна. Этнология теснейшим образом связана с обществом и общественными процессами. В этом она вполне может конкурировать с социологией. Поэтому этнология призвана давать людям такие знания, которые не только были бы эмпирически точными, но и социально-полезными.

Полезность этнологии видна уже из того, о чем мы говорили в первой лекции о природе этничности. Дело в том, что в этносе по природе его заложен конфликтогенный потенциал. Вспомним противопоставление: «Мы» и «Они», присущее этносу. Оно и несет этот запал возможного противоречия. Поэтому знание законов развития этноса необходимо обществу. А законы существуют, изучены и транслируются в процессе изучения дисциплины этнологии. Именно поэтому многие ученые этнологи ставят вопрос о расширении границ обучения этнологии, что время от времени и происходит в обществе. Кроме того, следует добавить, что внутри самой науки даже существует такое направление как этноконфликтология. Его предмет – конфликт. Знание причин и следствий конфликтов позволяет их избежать, в том числе и в этнической сфере, где они и возникают чаще всего и протекают исключительно болезненно. Именно поэтому этнологическое знание является полезным и крайне важным.

Кроме обучения в вузах этнологи активно популяризируют данные науки в специальной и популярной прессе, через СМИ, развивают этнографическое кино- и видеофильмы (артэтнография в последнее время стала чрезвычайно популярной). Этнологи читают обзорные и популярные лекции школьникам и студентам, не специализирующимся в области историологии, словом взаимодействуют с широкой аудиторией. Все это оказывается возможным потому, что этнологические сведения и идеи отвечают определенным потребностям и интересам разных социальных слоев, классов и групп. Они имеют в своей основе обычную и естественную научную любознательность, интерес к культуре своего народа или других народов мира, практические интересы, связанные с развитием международной торговли, культурного обмена, туризма кроме того, просто служат средством проведения досуга и развлечения. Вместе с тем этнологические данные могут быть использованы в целях пропаганды национализма, шовинизма и других реакционных идей. Поэтому, говоря о социальных функциях этнолога, следует учитывать социальную направленность и идеологические цели, которые свойственны

научным сообществам и отдельным ученым. Современная мировая прогрессивная этнология выполняет следующие главные функции. Первая (и главная из них, представляющая собой основу для выполнения других функций) – научно-познавательная. Этнологическая наука в лице составляющих ее научных сообществ и социальных институтов осуществляет познание этнографических реальностей, формирует конкретное знание этнической картины мира в различные исторические эпохи и в наше время, исследует характер и особенности этнических процессов во всех регионах нашей планеты. Этнологи стремятся выяснить закономерности происхождения, развития, строения и функционирования этносов, а также определить тенденции их развития в будущем. На основе этих знаний этнология совершенствует свои теоретические представления и использует их для объяснения природы и характера этнических процессов, происходивших в истории и совершающихся теперь. Без знания этнологических данных едва, например, удалось бы удовлетворительно объяснить процессы формирования иммигрантских наций в Новом Свете или же понять природу трудностей становления государственности в целом ряде стран, недавно освободившихся от колониальной зависимости. Наконец, опираясь на свою научно-познавательную функцию, наша наука стремится преодолеть этнологические предрассудки, нередко свойственные обыденному сознанию людей, и тем самым способствовать взаимопониманию между народами.

Другая важная функция этнологии отвечает потребности самопознания каждого отдельного народа-этноса. Научные знания о происхождении, этнической истории, современном функционировании и перспективных тенденциях развития каждого народа нередко противостоят обыденным представлениям и этническим предрассудкам.

Функция подлинного, научного самопознания выполняется этнологами путем собирания, накапливания и анализа исторического опыта жизни народов. Этот опыт имеет значение как обобщение и сохранение демократических традиций материальной и духовной культуры, но нередко бывает полезен при складывании современных форм культуры, а также при решении экономических и технических задач.

Так, скажем, при конструировании одежды, пригодной для работы в полярных условиях, оказалась наилучшей та, в которой были использованы материалы и покрой одежды северных приполярных народов (саамов, ненцев, эскимосов). Культурные традиции народного домостроительства, питания, земледелия (например, горного террасного и ирригационного) могут быть с пользой применяться и сегодня, хотя кто-то скажет это архаика. Между прочим, в настоящем наступает, кроме прочего, эпоха экономии ресурсов. Здесь то особенно и пригождаются экологические навыки, заложенные в культуре этносов.

Самосознание этноса составляет важный аспект в историческом и актуальном (современном) сознании народов. Особенно большой интерес к этим темам проявляет обычно национальная гуманитарная интеллигенция. Народы и их представители в лице этой группы интеллигенции хотят яснее

себе представить не только историю своего происхождения, но также характер и меру самобытности своих культур, соотношение в них традиционных и новых компонентов. Этнология стремится ответить на эти вопросы и вместе с тем подчеркивает тот факт, что на нашей планете нет «чистых» народов, что все народы формировались путем этнического смешения; этнология объясняет отсутствие «чистых» или «моно» культур. Этническая культура – всегда результат культурных межэтнических связей и взаимодействий.

Современные этносы – это саморегулирующиеся социальные системы. В числе механизмов их самовоспроизводства существенное значение имеет сознание членами этноса своего единства, опирающегося на историческую традицию. Для поддержания этой функции и укрепления границ этничности у этноса есть свои ресурсы трансляции знаний. Но в условиях глобализации эту функцию начинает выполнять наука. Так что этнология обеспечивает подпитку этнического аспекта социальной памяти, исторической связи поколений, передачи культурного наследия. Это происходит и через научные исследования, и через процесс обучения, и посредством музеев, а теперь еще активно в эту сферу информационного обмена входит визуальная этнология (этнографическое кино) и интернет. Словом, этнология своими средствами и методами помогает научно осмыслить и генезис, и историческое развитие, и особенности культуры народов.

Всякая наука, даже самая абстрактная, имеет разнообразные отношения с реальной жизнью, с практикой. Этнология в этом смысле особенно полезная наука. Практические возможности этнологии непрерывно используются для управления социальными процессами. Более того, было время, когда некие ораторы упрекали этнологию, что это колониальная наука. Вспомним, мы отмечали это на одной из лекций. Изучение и описание народов было активным особенно и систематическим в эпоху складывания системы колониализма. Это так. Между прочим, и в России массовые исследования, организуемые В.Н. Тенишевым, имели по существу целью поглубже познать запросы крестьянского общества, составлявшего едва ли не 90% населения государства. Во всяком случае, в поисках источников пополнения фондов бюро массовые исследования обосновывались именно их государственным значением.

Уже в 1920-е годы появилась теория функционализма. Идеи функционализма в той или иной степени были использованы в интересах колониалистов. Это тот случай, когда данные науки применяют в антигуманных целях. Но подобные явления мы наблюдаем в любой отрасли науки. Ведь в принципе все зависит от целеполагания индивидов. Достаточно вспомнить историю пороха, а спустя тысячелетия открытой людьми атомной энергии или современной генетики и т.п.

Вместе с тем этот факт вовсе не означает, будто данные этнологии не могут быть поставлены на службу прогрессу человечества и быть использованы в интересах социального прогресса, освобождения и дружественного сближения народов. Опыт, накопленный мировой

прогрессивной этнологией, определенно говорит о том, что это не только желательно, но и возможно.

В разных странах мира, где этнология (социальная или культурная антропология) получила развитие, научные сообщества этнологов и соответствующие социальные институты складывались по-разному. В нашей стране, где издавна были сильны традиции академической науки, главные научные силы сосредоточены в системе Академии наук России. В ее составе имеется Институт этнологии и антропологии в Москве, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (являющийся также научно-исследовательским институтом РАН) в С.-Петербурге; кроме того, в составе Академии наук, в ее региональных отделениях и филиалах созданы местные этнологические исследовательские центры.

Еще с середины XIX в. в исследовательскую этнологическую работу включилось Русское Географическое общество и в наше время этнологические отделения этого общества работают в ряде городов России.

В университетах страны на исторических, географических и других факультетах студентов знакомят с началами этнологических знаний путем чтения курса «Основы этнологии (этнографии)». В ряде университетов России имеются кафедры – теологии (МГУ), этнографии и физической антропологии (С.-Петербург), археологии и этнографии (Казань) или же этнографии в сочетании с другими историческими дисциплинами (Омск). На этих кафедрах осуществляется специализация подготовки студентов по этнологической проблематике.

Наконец, существенная часть работы по собиранию, хранению, изучению и пропаганде этнологических (этнографических) материалов проводится этнографическими музеями, а также другими музеями, имеющими в своем составе этнографические отделы, коллекции и экспозиции. В качестве примеров специальных этнографических музеев, помимо уже упоминавшегося Музея антропологии и этнографии, можно назвать Российский государственный музей этнографии (С.-Петербург), Музей археологии и этнографии в г. Уфе (Башкирия), музей крестьянской архитектуры и быта на открытом воздухе в разных городах России.

Авторитетными периодическими этнологическими изданиями в СНГ являются «Этнографическое обозрение» (до 1992 г. «Советская этнография», издается в Москве) и «Народное творчество и этнография» (издается в Киеве на украинском языке), а также ежегодник «Расы и народы» (издается в Москве). Кроме того, этнологи постоянно выступают на страницах других научных журналов и в научно-популярных органах печати.

В странах Восточной Европы в течение последних десятилетий сложилась система научных сообществ этнологов и соответствующих социальных институтов, в целом напоминающая российскую; впрочем, в этих странах несколько большую роль играют кафедры этнологии (этнографии) в университетах и научные этнографические общества, а также музеи (например, музеи этнографии в Болгарии и Польше). Почти во всех

восточноевропейских странах издаются специальные этнологические (этнографические) журналы.

В государствах Западной Европы, в США и Канаде, Японии и Индии, в Австралии и других странах этнологическая наука развивалась по преимуществу в университетах и музеях. Во многих университетах имеются этнографические колледжи и департаменты. Нередко этнологические исследования субсидируются различного рода фондами, а кроме того, правительственными органами. В числе наиболее влиятельных и популярных этнографических журналов следует упомянуть журнал «American anthropologist» («Американский антрополог»), издаваемый Ассоциацией американских антропологов в Вашингтоне, журнал «L Homme» («Человек»), выпускаемый Высшей практической школой (Сорбонна) в Париже. Во многих других странах также издаются специализированные этнологические (этнографические) журналы.

РАЗДЕЛ II. ЭТНОС И ЭТНИЧНОСТЬ

ЛЕКЦИЯ 5. Этнос и его признаки

Основные понятия этнологии. Этнос. Признаки этноса. Определение этноса. Осмысление этноса. Научные подходы, методологии и теории этноса и этничности: эволюционизм, диффузионизм, функционализм, конструктивизм, примордиализм, постмодернизм.

Этнологические теории и концепции этничности в России: примордиализм и конструктивизм. Этносоциальная теория. Ю.В. Бромлей, С.А. Токарев, В.И. Козлов. Информационная теория. Н.Н. Чебоксаров, В.Г. Левин. Космобиологическая теория. Л.Г. Гумилев. Историко-культурологическая теория. С.А. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров, Р.Г. Кузеев.

Этнос в системе человеческих общностей.

Мир многообразен. В том числе и мир людей. В нем много различных сообществ. Мы говорим, прежде всего, не о временных союзах, а об устойчивых сообществах, более или менее регулярно и закономерно возникающих и воспроизводящихся. Они – суть – родовые, социальные, конфессиональные, этнические, расовые. Первые – родовые союзы, родоплеменные объединения, племена, семьи. Вторые – сословия, классы, профессиональные объединения, возрастные и гендерные сообщества (партии, движения, клубы, «общества»). Третьи формируются исключительно на конкретных духовных идеалах, доктринах и догматах. Это религиозные сообщества, общины верующих, объединяющие миллионы и делящиеся на десятки, сотни, тысячи. Четвертые и пятые – этносы (народы) и расы. Они вбирают в себя все предыдущие, но возникают и существуют объективно. То есть, это стоит еще раз подчеркнуть, их возникновение и существование фактически никак не связано с желанием или нежеланием людей и мало зависит от них. В этом и состоит их большая объективность. Этносы складываются десятилетиями и столетиями, а существуют помимо воли людей тысячелетия. При благоприятных условиях – не менее полутора тысяч лет. Расы формировались на заре человечества, а несмотря на то, что расогенетические и эволюционные процессы идут непрерывно в основных показателях существуют до сих пор. Таково многообразие человеческого мира, если еще не считать, что каждый человек – уникал – неповторимое и оригинальное творение со всем «своим», начиная от отпечатков пальцев, заканчивая интеллектом, не говоря уже о внешности.

Теперь мы будем говорить исключительно об «этноте» как феномене, т.е. в абстрактном его понимании. Но прежде о терминах.

Выше мы отмечали, что у всякой науки должен быть «свой язык», и теперь понимаем, почему в науке нельзя употреблять слова, которыми мы обычно пользуемся в жизни. Язык науки – это язык терминов. «Термин» это то, что выражает сущность объекта, явления, факта или процесса недвусмысленно, а однозначно. Поэтому и термины обычно берутся из лексики «мертвых» (т.е. не изменяемых) языков. В Европе это – «древнегреческий» и особенно «латынь».

Конечно, всякому термину найдется эквивалент и в обычном языке, но эти эквиваленты многозначны. Так и в этнологии главный объект внимания – «этнос». В общественном лексиконе для его обозначения используется слово «народ». Но этим словом мы можем одновременно обозначить и гражданское состояние (российский народ), и количество (много народа), и социальное (государство и народ), и патриотическое (наш народ), и эмоциональное (дружеское обращение: «народ»), и собственно этническое («народ» как культурно-языковая общность). Потому в науке о народах и введен был термин «этнос», а сама наука обрела имя – «этнография». Он отражает только один, последний, смысл.

Таким образом, «этнос» – это центральное понятие этнологии и ее главный объект. Коль скоро это объект исследований, он должен обладать: во-первых, внешними признаками, позволяющими его выделить из всех других объектов, окружающих нас; во-вторых, он должен обладать свойствами, которые собственно мы и пытаемся познавать (т.е. область непознанного). На основании выявленных признаков мы можем дать определение объекту нашего внимания. Это очень важно. Определение это тоже максимально лаконичная и в то же время максимально точная характеристика объекта и его границ. Такие определения необходимы, чтобы не путать один объект с другим.

Определение понятия этнос.

Есть много определений термина «этнос». Сначала рассмотрим их, а в ходе этого рассмотрения попытаемся составить свое впечатление об этносе и в результате можем даже попробовать дать собственное определение¹²⁸.

Определений «этноса» стало много. Некоторые носят самостоятельный (авторский) характер, но не оригинальны, а главное – не принципиальны в содержательном, смысловом аспекте. То есть они не подразумевают выявления разной природы «этноса» и «этнического», а даже чаще всего толком и не касаются этого вопроса. Принципиально различаются пока только две теории. Одна из них возникла еще на заре этнологии, это версия С.М. Широкогорова (уже известного нам), который якобы утверждал, что этнос это общность социально-биологическая, еще точнее наоборот «биолого-социальная», т.е. популяция. Эту версию, дополнив теорией космобиологизма, развивал впоследствии Л.Н. Гумилев.

Так С.М. Широкогоров утверждал, что в определении этноса главное – выделить «единство происхождения, обычаев, языка и уклада жизни». Поэтому впоследствии многие исследователи в формулировке «единство происхождения», которое С.М. Широкогоров посчитал важным признаком

---

¹²⁸ Определение – это не догма и каждый может предложить свое собственное. Главное, чтобы оно было точным. Это, в сущности, и есть формирование навыков научной деятельности, научного анализа. Поэтому полезно постоянно упражняться в формулировании определений, расшифровке (с использованием словарей) и уточнении понятий и т.д.

этноса, увидели биологизм, т.е. решили, что ученый имел в виду генетическое единство. Возможно, что он так и не думал.¹²⁹

Л.Н. Гумилев, который открыто, в отличие от других, ссылался на С.М. Широкогорова, тоже был признан приверженцем биологизма в определении природы этноса, но, как и в случае с С.М. Широкогоровым, нам представляется, что биологизм скорее приписывается и Л. Гумилеву, чем он его признает. Иное дело, что Л. Гумилев много говорит об этносе как популяции (это термин сугубо биологический), много уделяет внимание идее «пассионарного толчка», идущего якобы из космоса, и, соответственно, большое значение придает так называемому «коллективному бессознательному» (здесь и «пассионарии» с их психологической активностью, здесь противопоставление «мы» – «они», происходящее как будто на бессознательном уровне).

Значительно позднее, когда был накоплен богатый этнографический материал почти за столетие, а именно в 1960-1980-е годы начались довольно серьезные разработки теории этноса и осмысление его сущности. С тех пор и по сей день попыток дать точное определение этносу было более десятка¹³⁰. Но за С.М. Широкогоровым и Л.Н. Гумилевым закрепился «ярлык» сторонников этнического «биологизаторства».

В качестве официальной научной линии в Советской этнографии утвердилась точка зрения о социальной (или социально-культурной) природе этноса. Вот формулировка главного теоретика от этнографии 1970-х Ю.В. Бромлея. «Этнос «представляет собой исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированном в этнониме»¹³¹. Сравним ее с точкой зрения главного оппонента Ю.В. Бромлея – формулировкой Л.Н. Гумилева: «Этнос – коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особью: «Мы – такие-то, а все прочие – другие»¹³². Позже он дал еще одно определение, в которое опять-таки включил противостояние «мы – они»: «Этнос – это «природные коллективы людей с

¹²⁹ В принципе советские этнографы могли и «приписать» С. Широкогорову его биологизм, как «буржуазному» ученому. Понятие «буржуазный» в тогдашней этнографии было отрицательным эпитетом, подчеркивающим чуждость западных идей советской науке. А все дело было в том, что С.М. Широкогоров вскоре после революции эмигрировал в Китай. Отношение к эмигрантам времен революции в СССР было не слишком-то уважительным. По меньшей мере осторожным.

¹³⁰ Это достаточно хорошо освещено в статьях Рыбакова и А.М. Егорычева. См.: Рыбаков С.М. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 1. – С. 3-22; Егорычев А.М. Методологический анализ понятий этнос, этногенез и этничность в культурологическом контексте знаний. URL: <http://www.slavzso.narod.ru/7/Egor.htm>

¹³¹ Этнография: учебник / под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. – М.: Высш. школа, 1982. – 320 с., ил. Авт. указ. в предисловии и оглавлении.

¹³² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 95.

общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя («мы») всем другим коллективам («не мы»)¹³³.

В начале 2000-х завершилась «советская эпоха» теории этноса, в этнологию проникло много новых идей в основном из запада, пришли и новые исследователи, заговорившие об этносе. И вот уже формулировки 2000-х. Начнем со словарей: «Этнос – исторически сложившаяся устойчивая сущность людей, имеющая общий язык, территорию, культуру и этническое самосознание».¹³⁴ Далее можно взглянуть на позицию теоретиков новой волны. Например, от педагогики, позиция Г.Т. Тавадова: «Этнос – это то, что составляет индивидуальность, неповторимость народа, то, что отличает один народ от другого».¹³⁵ При этом попутно отметим, что к рассуждениям об этносе «подключились» представители разных гуманитарных наук (философии, социологии, историологии, психологии и др.). Мы полагаем, что увлечение представителей разных гуманитарных наук этнологической тематикой было чистой конъюнктурой, откликом «на злобу дня», попыткой реализовать себя в актуальной проблематике, при этом участие в этом процессе «многих» не внесло позитива в развитие науки, а рассуждения их об этносе, не имеющих специальной подготовки в области этнографии¹³⁶, не принесли никакой видимой пользы в развитие теории этноса, а наоборот часто портили ее. Ниже приведем формулировку психологов. «Этнос – группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспроизводимых как естественные и устойчивые этно-дифференцирующие характеристики»¹³⁷ Вообще увлечение «психологизмом» характерно для современной этнологии. Но, пресловутый поиск этнической специфики в «менталике» пока никакого видимого и осязаемого результата в понимании природы этнического не дал. Суждения об этносе здесь часто чрезвычайно субъективны.

По поводу определения этноса многие современники настойчиво указывают: «Существующие определения даже при полноте их, отражают состав признаков, иногда содержание и свойства, но не сущностный смысл явления этноса в его социально-историческом понимании». Это формулировка педагога и психолога Д.И. Фельдштейна¹³⁸: «Существующие определения даже при существующей полноте их, отражают состав признаков, иногда

¹³³ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994. С. 60.

¹³⁴ Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и допол. – М.: БРЭ, СПб. 2001. – С. 287.

¹³⁵ Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник для вузов. – М.: Проект, 2002. – С. 55

¹³⁶ Садохин А.П. Этнология: учебник. – М.: Гардарики, 2000.; Исакова Н.Б. Культура и человек в этическом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. – Новосибирск: Изд. МОУ ГЦРО, 2001.; Крысько В.Т. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – с. 74-76

8. Кукушин В.С. Этнопедагогика. Учебное пособие. – Воронеж: Изд. НПО «МОДЭК», 2002.; Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. Учеб. пособ. – СПб., 1999.; Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. С. 9.; Рыбаков С.Е. и др. работы.

¹³⁷ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С.29.

¹³⁸ Фельдштейн Е.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Изд. труды / Д.И. Фельдштейн. – 2-е изд. – М.: МПСИ, 2004. – С. 565.

содержание и свойства, но не сущностный смысл явления этноса в его социально-историческом понимании», – утверждает он.

Но это и не удивительно, потому что сущностный смысл «этноса» до настоящего времени так и не открыт, а формулирование основных признаков этноса создавало у наших исследователей иллюзию познания самой сущности – природы этноса. А это далеко не так. Поэтому, по существу, суть вопроса в том, понимаем мы природу этноса или нет. Если да, то и разные определения могут сблизиться.

А пока что мы возьмем за основание следующее определение: «Этнос – это устойчивая общность людей, обладающая: общей территорией, единством социально-экономических связей, единым языком, общей материальной и духовной культурой, формирующими этническое самосознание, выражение которого проявляется в этнониме». Возможно, это не безупречное определение, но поскольку оно не претендует на раскрытие природы этноса, на сегодня оно единственно верное или наиболее традиционное. А главное, оно не противоречит двум крайним позициям в трактовке этноса и этнического. Как мы не расценивали этнос как генетическое единство или как исключительно социально-культурное, данное нами определение не исключает этого. Единственно чему может противоречить наше определение, это если бы этносы вели свою прямую генеалогию с начала времен. Но история это не подтверждает. Напротив, она подтверждает, что этносы, как и люди, когда-то рождаются, живут и распадаются. Но они не исчезают совсем. Их культурный и, безусловно, генетический потенциал передается другим будущим этносам. И возможно, что в этом и есть природа этничности. Хотя это пока что еще только тезис.

Признаки или свойства этноса.

Все внешние, то есть видимые и наблюдаемые, признаки этноса нашли отражение в нашем определении. Мы перечислим их, но при этом лучше всего заранее знать, что существующие подразделяются на признаки первого и второго порядка. Первые – это признаки условия, точнее, условия формирования этносов, вторые – сущностные признаки, делающие общность именно этнической.

Здесь мы должны понять еще один признак этноса: дело в том, что этнос потому и является отдельным объектом изучения, то есть объектом самостоятельной науки, что он занимает исключительное положение в системе всех форм человеческих объединений или общностей. Повторимся, это, суть, общности родовые, социальные, конфессиональные, этнические, расовые. Они, кроме прочего, различаются одним важным признаком, а именно – устойчивостью

Первые – родовые союзы, семьи. Это устойчивые, но и индивидуальные, и действующие всего несколько поколений.

Вторые – сословия, классы, профессиональные объединения, возрастные и гендерные сообщества (партии, движения, клубы, «общества»). Малоустойчивые, скорее мобильные, с довольно слабыми границами, подчиненные воле субъектов. Вообще в них довольно много субъективного.

Третьи формируются исключительно на конкретных духовных идеалах, доктринах и догматах. Это религиозные сообщества, общины верующих, объединяющие миллионы и делящиеся на десятки, сотни, тысячи.

Четвертые и пятые – этносы (народы) и расы вбирают в себя все предыдущие, но возникают и существуют объективно. Причем это стоит подчеркнуть, их возникновение и существование фактически никак не связано с желанием или нежеланием людей и мало зависит от них. В этом их большая объективность. Этносы складываются десятилетиями и столетиями, а существуют помимо воли людей тысячелетия. При благоприятных условиях – не менее полутора тысяч лет.

Расы формировались на заре человечества, а, несмотря на то, что расогенетические и эволюционные процессы идут непрерывно в основных показателях существуют до сих пор. Таково многообразие человеческого мира, если еще не считать, что каждый человек – уникал – неповторимое и оригинальное творение со всем «своим», начиная от отпечатков пальцев, заканчивая интеллектом, не говоря уже о внешности.

Каждая раса представлена сотнями различных этносов, вполне противопоставляющих себя – (расово) себе подобным. Значит, этнос все-таки объективен. И это, скорее всего, ответ конструктивистам, считающим, что этноса нет, а есть мыслительные конструкции и персонифицированное отнесение себя к той или иной общности.

Из этого вытекает один важный вывод. Этнос – самая устойчивая из всех вышеназванных, объективно существующая общность. Ее невозможно разрушить по желанию, как социальную, ее невозможно покинуть или войти в нее по-желанию, как в социальную или конфессиональную, она подобна расовой по степени объективности, но не имеет биологической, внешне наблюдаемой природы, как раса.

Возвращаясь к внешним характеристикам этноса, объясним теперь, что такое признаки первого и второго порядка.

Первые: территория, общая экономика (обмен продуктами труда), наличие структур самоуправления. Дело в том, что признаки первого порядка – этнообразующие. Если они исчерпываются в фазе генезиса общности, то можно считать – этнос не родится. Эти признаки, суть – условия возникновения этноса.

Теперь посмотрим на примеры из этнической истории народов мира. Мы иногда сталкиваемся с тем, что у этносов отсутствует тот или иной признак или он не явно выражен или неэффективен. Это, кстати, было в свое время камнем преткновения при идентификации этноса как особого типа общностей. Так у некоторых этносов признак территория или общность непосредственных экономических связей или политического центра фактически отсутствует. Нет, например, сегодня общей территории обитания у цыган, не выражен этот признак у курдов, часто нестабилен он у кочевых народов. Это пример исторический.

Из истории же пример, когда у башкир начала новой эпохи отсутствовал политический центр самоуправления. Или, скажем, большинство современных

этносов не имеют собственно общей экономики или социальной структуры. Социальная дифференциация есть, есть и иерархия, но она, как правило, соответствует социальной структуре «полинационального» государства. А полинациональны, т.е. полиэтничны большинство государств. То есть и это признак остается неустойчивым.

Все дело в том, что это – признаки-условия, они обязательны и функционируют в период, когда этносы формируются. Но они перестают играть принципиальную роль, когда этногенез завершен.

Понимание этого условия (точнее, не понимание) было проблемой для исследователей, когда они на «заре» этнологии пытались определить набор специфических признаков этнической общности.

Признаки первого порядка, таким образом, – условие этногенеза, но сформировавшись, этнос может обойтись и без них (или без какого-то из них).

Например, иначе говоря, для формирования этносу нужна территория. Он не может формироваться вне ограниченного пространства. Поэтому понятно, что на определенной территории компактно собираются будущие компоненты этноса (как правило, осколки ранее или синхронно существующих этносов). Когда же этногенез состоялся, этнос под влиянием внешних обстоятельств (природных или социальных метаморфоз) может покинуть прежнюю территорию обитания и перемещаться или мигрировать на достаточно дальние расстояния, сохраняя при этом свою идентичность. То же самое происходит и с другими параметрами этноса – признаками первого порядка.

Еще более яркий, хотя и более частный, пример – одежда. Некогда народная одежда была главным маркером культуры и в период генезиса способствовала поддержанию в самосознании формирующихся общностей ощущения схожести своих и не схожести с другими этносами. В современном мире, как полагают многие исследователи, одежда вообще перестает (хотя это еще нужно обосновать) обладать этнической спецификой. Но этносы продолжают сохранять свое «лицо» или как принято теперь говорить свою идентичность.

Значит, некогда одежда, хотя и была значимым маркером культуры и фактором генезиса общности, затем утратила свое значение в качестве таковых.

Но такие признаки как язык, историческая память, этническое самосознание, этноним, являясь признаками второго порядка, фактически играют решающую роль в жизнеспособности этноса. Они действенные на всех этапах (фазах) развития общности – этногенеза, этнической истории, этнической энтропии и распада общности. И если утрачиваются признаки второго порядка, то распад общности это, вероятнее всего, дело времени. А если утрачено самосознание и этноним, можно считать распад состоявшимся фактом.

Необходимо отметить еще, что странным образом признаки первого порядка в основном объективны, то есть они, являясь условиями формирования этноса, фактически мало зависят от желания и воли людей, вообще от его субъективного начала. Но при этом, как мы отметили, они могут исчезнуть, а этнос при этом будет сохраняться.

Признаки второго порядка, напротив, субъективны, то есть непосредственно связаны с сознанием человека и его креативностью и стремлением к коммуникации (язык, самоидентификация, самосознание, самоназвание), но в отличие от социальных общностей они, при всей своей субъективности, есть главные признаки устойчивости. И именно этот факт субъективности важнейших признаков этноса дал повод некоторым исследователям объявить этнос «воображаемым» сообществом. Такую трактовку этноса дают «конструктивисты». И с этим мы подошли к вопросу о природе «этноса». Как и почему возникают этнические общности и почему они исчезают. И реален ли этнос и действительно ли ООН исчезает бесследно? А если этнос рождается и исчезает, то сколько времени он «живет»? Это все вопросы о сущности этноса и этничности.

Природа этничности. Разные взгляды в Европейской и Американской этнологии.

В этой области этнологии есть свои нерешенные или все еще неоднозначно трактуемые вопросы. Они в основном связаны с тем, что исследователи видят в объекте изучения различные сущности. И еще, конечно, многое зависит от той методологии, какой пользуются ученые.

Так в советский период в этнографии безраздельно господствовал взгляд на этнос как на «социальную общность», даже бытовало такое понятие как «ЭСО», этно-социальный организм. Но то, что отличало этнос от других социальных общностей, это определялось как специфическое сочетание культурно-языковых особенностей. Значит, советские ученые видели природу этноса исключительно в историческом развитии человеческого общества, как социума. К такому пониманию этноса их подталкивал главный метод познания – диалектический и исторический материализм¹³⁹. Альтернативная версия Широкогорова-Гумилева тоже в принципе не отрицала социального начала в этносе, хотя и находила его некоей «генетической общностью».

В это же время в западной этнологии не было разработок, специально посвященных теории этноса, всегда имели место попытки так или иначе обосновать природу этнического разнообразия мира, а для этой цели использовались общепhilософские методологии или теории, взятые из других областей познания (других наук). Для этнографии (этнологии) первой такой общепhilософской доктриной стала эволюционная теория («Эволюционизм»). Эволюционизм подразумевает, что все в мире находится в непрерывном движении, но оно не

---

¹³⁹ Диалектический и исторический материализм – два главных парадигм осмысления человеческой истории и вообще природы и общества, господствовавшие в Советскую эпоху. Обе они были разработаны К. Марксом и отчасти Ф. Энгельсом. Впервые широко применены и развиты в трудах В.И. Ульянова-Ленина и других «профессиональных революционеров», особенно «большевиков». После Революции и образования Советского государства «диамат» и «истмат» стали единственной идеологической доктриной и соответственно основным научным методом («в познании», т.е. в науке). При этом «диамат» был главным методом для всех наук, а «истмат» – гуманитарных и, особенно, т.н. исторических. С 1990-х эта методология подвергается жесточайшей критике, однако ничего достаточно вразумительного взамен ученые пока не предложили. А дело в том, что и диамат, и истмат как философские парадигмы восходят к античной философии Аристотеля, Платона и др., чьи идеи были развиты философами нового времени, в частности, а затем обобщены в трудах Гегеля, И. Канта и Ф. Бэконом, Т. Гоббсо, Р. Декартом, Дж. Локко, Г. Лейбницем в форме уже обоснованных ди п

хаотическое, а поступательное от простейших форм к более сложным и более совершенным. Отсюда и идея «прогресса». Впервые основы этих идей были высказаны еще в Античные времена (в Древней Греции) Анаксимандром, поддержаны Аристотелем. Впоследствии время от времени их реанимировали философы различных эпох. На границе средневековья и нового времени к этой теории возвратился Жан Ламарк. И пытался построить стройную схему развития биологических организмов. Но он этого не сделал, зато это сделал в XIX в. Ч. Дарвин применительно к животному миру, построив теории эволюции видов. Эволюционная теория затем плавно перекочевала во многие естественные и гуманитарные науки¹⁴⁰, в том числе и в социальную и культурную антропологию. И если в биологии и зоологии она нашла совершенное подтверждение, то в антропологии она не всегда была применима абсолютно¹⁴¹.

В социальной и культурной антропологии запада они трактовались как развитие любого элемента культуры неизбежно, поэтому и человеческие общности все проходят одни те же ступени развития (например «дикость», «варварство», «цивилизация»). Таким образом, общественное развитие тоже эволюционно, и если фактором развития живой природы является межвидовая борьба и адаптация к природе, то в культуре основным противоречием – борьба традиций и новаций. Это единство и борьба всегда завершается переходом на более высокий уровень. В этнологию эволюционную теории «привнесли» англичане Э. Тайлор (1832-1917)¹⁴² и Г. Спенсер (1820-1903), немец А. Бастиан (1826-1905) и американец Г.Л. Морган (1818-1881)¹⁴³.

---

¹⁴⁰ Так идеи эволюционизма раньше всех воплотил И. Кант в своей теории происхождения солнечной системы. Собственно этот труд и дал толчок развитию самой идеи эволюции как метода.

¹⁴¹ Много споров было, например, по поводу «матриархата», который западные считали ранней формой устройства общества с последующей эволюцией ее в «патриархальные» формы. Также неудачной была попытка применить теорию в физической антропологии. Это теория антропогенеза, ставшая чрезвычайно популярной XIX в., была фактически опровергнута в последней четверти XX столетия. Сегодня на смену этой теории пришла другая – компромиссная теория «мутагенеза», что означает не постепенное, но резкое, более того, случайное изменение одного вида африканских «приматов» и превращение их сначала в «хомо эректус», затем в «хомо хабилис» и наконец в «хомо сапиенс». Следует сказать, что обе версии происхождения человека не имеют абсолютной системы аргументации и не подтверждены.

¹⁴² Тэйлор Э. Исследования в области древней истории человечества (1865); «Первобытная культура» (1871).

¹⁴³ Эволюционизм в принципе сыграл огромную роль в развитии этнологии и нужно отметить, что даже те, кто в принципе отвергают свою приверженность эволюционизму или наоборот объявляют себя сторонниками других методов, в действительности с успехом применяют эволюционизма в своих исследованиях. Идеи эволюционизма использовали Г. Клемм, автор «Общей истории культуры человечества» в пяти томах (1843-1847 гг.), И. Уингер в работе «Брак в его всемирно-историческом развитии» (1850, Австрия), Т. Вайц в его «Антропологии естественных народов» (1859). Особенно знаменит А. Бастиан своей книгой «Человек в истории», а также И. Бахофен и его труд «Материнское право». Но более всего в приложении теории эволюционизма к этнологии сыграли роль английские антропологи Дж. Мак-Леннан своей работой «Первобытный брак» (1865 г.), Дж. Лебок работами «Доисторические времена» (1865 г.) и «Начало цивилизации» (1870 г.), упоминавшийся выше Эд. Тэйлор серией трудов и особенно своей работой «Антропология» (1881 г.). В России к эволюционизму примкнули К.Д. Кавелин, Н.Н. Миклухо-Маклай, Э.Ю. Петри, В.Н. и Н.Н. Харузины. Можно уверенно сказать, что идеи эволюционизма были характерны для философии этноса С.М. Широкогорова, а впоследствии и Л.Н. Гумилева. И вообще эволюционизм – это вполне рациональный метод и способ объяснения развития природы и общества, а главное инструмент познания и все его противоречия с другими теориями – это скорее спор амбиций авторов, чем сущностный спор. Инструментальная ценность эволюционного метода огромна важно только использовать в исследованиях весь арсенал методов, а не какой-либо один, абсолютизируя его.

Но если в естественных науках эволюционизм объяснял многое и был функционален, то в этнологии уже в начале XX в. эволюционизм перестал удовлетворять исследователей в качестве единственно верного метода. Очень кстати в это время появилась новая теория развития культуры – «диффузионизм». Суть этой концепции в том, что, во-первых, она изначально формулировалась как теория культуры. Культура различных общностей рассматривается как «живой организм», возникающий и развивающийся в определенных географических условиях, и, если культура имеет силу и инерцию, она обязательно распространяется из своего очага по «всему свету», находя специфическое преломление в культуре разных народов. Это объясняет наличие общих (или универсальных) элементов в культурах разных народов, порой пространственно совершенно отдаленных. Основателем диффузионизма в этнологии признают Ф. Ратцеля (1844-1904)¹⁴⁴. В развитие теории диффузионизма внес особый вклад его коллега Ф. Гребнер (1877-1934) в работе «Метод этнологии» (1911г.).

Но и диффузионизм скорее способствовал определению задач этнологии как науки. И главной задачей считалось выявление тех самых очагов культуры и цивилизации, откуда ее достижения распространяются в пространстве, тем самым устанавливая и культурную взаимосвязь этносов, и в определенном смысле объясняя их статус на «шкале цивилизации» (термин наш – Р.Я.). Но природу этничности этот метод все же не раскрывал. Тем более он не давал однозначного ответа на вопрос, почему одни этносы в культурном смысле вдруг превосходят другие, образуя те самые очаги – центры культуры.

Продолжающиеся поиски ответа на данный вопрос способствовали рождению новой философской линии – «функционализм», который был принят и этнологами. Основные идеи функционализма были сформулированы в 1920-х гг., а его главным идеологом в этнологической науке считают Б. Малиновского. Основные идеи функционального подхода изложены им в работе «Научная теория культуры». Подданный Великобритании, поляк Б. Малиновский предложил не только свою теорию этнокультуры, но и предложил общие методические основы для работы этнографа «в поле», которые стали основными для этнографической науки. В целом это была попытка учитывать как биологическую, так и социальную природу человека (и, соответственно, общества). Культура, в том числе и этническая, непременно функциональна. Она обеспечивает биологические потребности людей. Они обуславливают функционирование социальных и моральных потребностей и т.д. Б. Малиновский рассматривал каждый элемент культуры этноса с точки зрения функции, которую он выполняет. Но критики функционализма скоро заметили действительное наличие общих (универсальных) элементов культуры у всех народов. Например, «приветствие» как функция выражения миролюбия и доброго отношения. Но сам факт обязательно наличия этой традиции у всех народов не объясняет разности самих обрядов. Так русские привыкли пожимать правой – правую руку оппонента, татары приветствуют

¹⁴⁴ Фридрих Ратцель – профессор этнографии Мюнхенского университета. Его главные труды, основанные на идеях диффузионизма: «Антропогеография» (1882), «Народоведение» (1885), «Земля и жизнь» (1891).

друг друга двумя руками, арабы поднимают руки на уровень груди, как бы показывая голые ладони» – «жест миролюбия» (термин наш – *Р.Я.*) или демонстрация мирных намерений.

Б. Малиновский мало заботился о формировании «круга своих», соратников идей функционализма и потому почти не оставил учеников. Самыми последовательными сторонниками Малиновского стали, пожалуй, только Р. Ферс и А. Радклифф-Браун (1881-1955)¹⁴⁵. А в целом «функционализм» стал предтечей «структурализма» (и структурной антропологии), одного из главных направлений западной социальной и культурной антропологии, авторство в котором некоторые приписывают именно А. Радклифф-Брауну¹⁴⁶.

Последней из наиболее значительных моделей этничности и методологий ее постижения была, очевидно, «социологическая теория». Французская социологическая школа, основателем которой считают А. Дюркгейма, по существу оказывает этносу в исключительности, которой мы наделили его в начале лекции. По А. Дюркгейму все человеческие общности суть – социальные объединения. Причем каждая из них типологически отлична лишь тем, что каждой общности присущи свои «комплексы коллективных ощущений и представлений», «идеалов и ценностей» (тезис и термины наши – *Р.Я.*). Дальнейшие умозаключения этой школы касаются уже предмета изучения в рамках социальной антропологии или этнологии. Объектом изучения, таким образом, становятся «Человеческие общества» – замкнутые «системы», исследование которых должно осуществляться с помощью метода изучения социальных фактов, что собственно и следует принимать как предмет. Социальные факты – это реальные вещи и реальные отношения, а не представления о них, так утверждают приверженцы этой школы.

Нетрудно видеть сходство позиций «структурализма» и его логического продолжения «социологической школы» с «конструктивизмом».

«Конструктивизм» одна из последних и наиболее популярных на западе парадигм или «доктрин этничности» (термин наш – *Р.Я.*). На сей раз эта парадигма затрагивает непосредственно вопрос о природе «этничности», то есть сущностный вопрос, касающийся этноса. Ученый мир социальной и культурной антропологии разделился на «конструктивистов» и «примордиалистов».

---

¹⁴⁵ А. Радклифф-Браун (1881-1955) – автор работ «Метод этнологии и социальной антропологии» (1950); «Историческая и функциональная интерпретация культуры» (1952). Суть его концепции: основной наукой, изучающей человека, является антропология, которая состоит из трех направлений: человеческая биология, доисторическая археология, этнография. Этнография делится на этнологию и социальную антропологию, каждая из которых использует свой специфический метод. Этнология – наука, занимающаяся конкретно-историческим изучением отдельных народов, их внутреннего развития, культурных связей между ними. Основной метод этнологии – историческая реконструкция человеческой культуры с опорой на прямые свидетельства письменных источников.

¹⁴⁶ Многие исследователи не считают структурализм чем-то принципиально отделенным от функционализма. Первый считается лишь продолжением (и в этом смысле частью) функционализма, то есть его частью.

Однако почему-то наши этнологи приняли это как попытку объяснения «природы этничности». И теперь в каждом учебнике раскрывается теория конструктивизма как этнологическая теория¹⁴⁷. Более того, в России в 1990-е и особенно в 2000-е появились свои «конструктивисты», которые утверждают вслед за Б. Андерсоном, его учениками и последователями, что этнос конструируется «в головах», а в реальности его нет. Это значит, что как только люди перестают конструировать в своем воображении, что принадлежат к тому или иному этносу, он перестает существовать. На наш взгляд это нонсенс.

Но в этом сюжете из истории отечественной этнографии и общей этнологии важны два момента. Первый – то, что последние две доктрины «конструктивизм» и «примордиализм» непосредственно касаются существа или естества этноса, т.е. являются опытом осмысления этноса или этничности. Даже если конструктивизм не является собственно этнологической теорией, современные исследователи, в особенности российские, пытаются развивать конструктивизм именно как таковую. Это отрадно в том смысле, что любые поиски на тему «этноса», на какую бы методологию они ни опирались, не только полезны, но даже и неизбежно необходимы.

Для сведения в Европе наиболее последовательными конструктивистами считают Б. Андерсона, Ф. Барта, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума. Хотя изначально идеи социального конструктивизма были сформулированы П. Бергером и Т. Лукманом в их совместной работе «Социальное конструирование реальности»¹⁴⁸. В России приверженность к конструктивизму демонстрируют В.А. Тишков, С.В. Чешко, С.В. Соколовский, В.Р. Филипов и др.

Примордиализм (от лат. *primordial* – «изначальный», «врожденный»), пожалуй, самое позднее из теоретических построений относительно «этничности». Он возник в недрах социологической школы, но идеологически несомненно близок эволюционизму, а с точки зрения объекта ближе к «этносу», чем «конструктивизм». И это обстоятельство важное, потому что одно дело – применение социологической или естественно научной

---

¹⁴⁷ Здесь важно еще раз сделать оговорку. Мы уже затрагивали этот вопрос в одной из лекций. Дело в том, что привычное в русском языке слово «национальность» появилось в русском в начале XX века, а в принципе понятие нация стало широко употребляемо в период Великой Французской революции. Тогда разрозненные «княжества», «баронства», «графства» объединялись в единую «Республику» и идеологи революции провозгласили понятие «нация» как гражданское сообщество «республики», а поскольку большая часть этнических и этнографических групп Франции шли по пути интенсивной консолидации и интеграции и мало чем отличались в культурном смысле (хотя и без труда различали друг друга), понятие единая нация было с легкостью воспринято всем возбужденным революцией «народным обществом». Так понятие «нации», имея всегда значение гражданственности, стало близким понятию этнос. В русской историографии точку в соединении этих терминов – «нация» и «этнос», фактически в их отождествлении, поставил И.В. Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос», после которой все советские истории без сомнения перенесли сталинские характеристики «нации» на «этнос» и включили «нацию» в шкалу этнических исторических таксонов (племя, народность, нация).

¹⁴⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. См. также: Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – №2. – С. 35-45.

методологии к этнологии, а другое – разработка собственно методологии для анализа конкретного объекта. Вторая всегда будет точнее.

В 1950-1960 гг. американский исследователь Э. Шлиз, изучая внутрисемейные отношения, ввел в научный оборот понятие «примордиальные связи» для обозначения бессознательного ощущения кровного родства (семейного и родового) и связей. Взяв за основу понятие о такой – врожденной (генетической) комплиментарности в рамках более крупных общностей, чем род, а точнее от «племени» до крупного «этноса» или «этнонации», американский антрополог К. Гирц сформулировал тезис о «примордиальной этничности» (термин наш – *Р.Я.*). Он сформулировал суть этого подхода следующим образом: «В каждом обществе во все времена некоторые привязанности проистекают больше из чувства естественной, некоторые сказали бы – духовной близости, чем из социального взаимодействия». Так считают многие адепты примордиализма. Более того, они полагают, что наличие такой групповой идентификации восходит к самым ранним формам этничности и исходит из постепенно приобретенной в ранних общностях способности – необходимой для выживания – «распознавать членов родственной группы». Таким образом сторонники примордиализма «рассматривают этничность в качестве изначальной характеристики, присущей индивиду как члену реально существующей этнической группы. Основу ее составляет кровное родство, общее происхождение и исконная территория»¹⁴⁹.

Итак, мы перечислили разные методологические школы, пытающиеся осмыслить этнос, каждая со своих позиций. В сущности, на сегодняшний день все их можно сгруппировать в пределах двух основных точек зрения, или методологических течений, а именно конструктивизма и (позитивистского) примордиализма. Остальные – это производные от этих двух. Это на западе.

А в России значение, которое сегодня ассоциируется у большинства исследователей с понятием «этнос» и с самим феноменом этничности, это нечто среднее между гумилевским и бромлеевским определениями, что вероятно и есть неизбежно верный путь (середина, компромис). Но если с понятием этнос как феноменом нашего бытия все более или менее понятно, то с его природой в рациональной науке все остается не решенным.

В этой связи немного запутывает ситуацию проникновение в российский научный лексикон понятия «этничность», которую тоже трактуют очень по-разному. Это понятие пришло к нам из западной культурной антропологии и там оно использовалось тоже не вполне понятно как. Во всяком случае, или как минимум, оно употреблялось не как альтернатива понятию этнос, а скорее как синоним. Дело в том, что если в английском языке «ethnicity» – этничность – это качество и в этом смысле оно синонимично философскому абстрактному понятию «этническое». В русском же языке согласно его правилу и грамматике, это слово должно быть переведено как свойство объекта. Этнос обладает этничностью. Так же как

¹⁴⁹

Источник: URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2059

скажем «каучук» – «упругостью». Все остальные трактовки, как выразился опытнейший этнограф России конца XX в.-В.И.Козлов, «от лукавого»¹⁵⁰. В то же время часть ученого мира России, чаще всего те, кто не прошел непосредственно этнографической специализации (социологи, философы, историки, психологи и пр.) пытаются найти другие эквиваленты и дефиниции понятию «этничность». И на этом фоне еще более усложняют общее понимание природы этноса.

То же и с понятием «идентичность», тоже пришедшим в российскую этнологию из западной, скорее всего, «конструктивистской» антропологии. У нас это понятие принято в целом отождествлять с понятием «самосознание», что в сущности верно. Но некоторые исследователи с такой трактовкой не согласны и в своем стремлении найти «сверхзнание в знании» все еще пытаются найти в это еще нечто. Особенно этим грешат психологи. Вообще проникновение психологизма в этнологию принесло в нее больше путаницы, чем понимания, вплоть до полного отрицания реальности «этноса».

Тем не менее, этнос был, есть и, скорее всего, будет, несмотря на все тенденции глобализации и вытекающие из этого следствия и прогнозы. Этнос объективен. С этим можно спорить, но история и действительность так или иначе будут всегда напоминать об этом. Как несомненна перспектива этничности с точки зрения иррациональной науки и теологической традиции.

Что же принять за ту сущность, которой обладает этнос и на чем зиждется его единство, если все же мы видим, что нет этносов «вечных», а большинство из современных имеют возраст не более тысячелетия. Тем более что и те, которые возможно старше, сохраняют только имя, но по всем остальным признакам абсолютно не похожи на самых себя в прошлом.

Большая часть российских школ признает таковым сущностным стержнем «культуру» в самом расширительном понимании этого понятия. Культура в такой дефиниции – это совокупность всех достижений, результатов деятельности человека или человеческих общностей, в том числе общности «этнической». Все российские теоретические «микро школы», даже такие непримиримые, как «гумилевская» и «бромлеевская», едины в том, что ядром этнической идентичности или той самой пресловутой этничности является именно культура этноса.

И прежде чем перейти к более подробному раскрытию этого феномена, еще раз кратко скажем о тех концепциях этноса, которые существуют в российской этнологии, кроме уже названных выше.

Нужно еще раз сказать, что все российские концепции являются по сути «объединительными», интегративными. Все они сочетают в себе элементы и эволюционизма, и диффузионизма, и функционализма, и даже биологизма. Но стержнем объединения их в единую российскую школу является именно признание двух факторов самыми важными – это социальная природа происхождения и культура как фактор или маркер отличия или определяющий самосознание – идентичность.

---

¹⁵⁰ Козлов В.И.// Этнографическое обозрение. – № 1993.

Еще в российской науке всегда преобладали теоретические взгляды на этнические общности как на реально существующие объекты, которые закономерно возникают, функционируют, эволюционируют и взаимодействуют. То есть историзм как методология осмысления этноса. Даже так называемая «биологическая» концепция этноса, приписываемая С.М. Широкогорову, Л.Н. Гумилеву, этого не отрицает. И хотя Л.Н. Гумилев – ровесник Ю.В. Бромлея, мы, понимая, что он в известном смысле последователь С.М. Широкогорова, называем их теорию в числе первых.

А следующую теорию Ю.В. Бромлея, называемую так условно, а по сути она дуалистическая социально-культурологическая. Собственно Ю.В. Бромлей лишь умело объединил все достижения российских этнологов 1930-1960-х гг. XX в. В.Г. Абромзона, С.П. Толстова, С.А. Токарева и др. Дуализм же заключается в том, что сам Ю.В. Бромлей предложил различать понятия «этникос» – как собственно этническую общность и «этно-социальный организм» – или «ЭСО» – как, скажем, этно-государственную общность, фактически нацию (а в ретроспективе и народность, и племя). Так что получается, что этнос всегда и культурно-языковая общность с устойчивыми границами маркерами, и одновременно социально-политэкономическая с границами менее устойчивыми, открывающими возможность как инкорпорации в свою среду, так и выхода из нее собственных компонентов.

Несколько иное понимание этих же процессов было предложено Н.Н. Чебоксаровым и С.В. Арутюновым. Их концепция была названа информационной или информационно-культурологической. В сущности, и эти ученые признавали главным фактором этнических отличий культуру, но она предстает перед нами не как некая совокупность, а как потоки информации, которыми постоянно обмениваются поколения в самом этносе и синхронно этносы между собой. При этом в ядре этноса информационные потоки гораздо более интенсивные и насыщенные, чем на периферии. Это, конечно, достаточно спорные интерпретации механизмов культурного обмена, но важно другое в этой теории. Мы так же видим в ней и теорию эволюции, и теорию диффузии (особенно на периферии этноса), и даже конструктивизм, поскольку сама информация, а именно в таком виде предстает здесь культура, возобновляемая и транслируемая, есть в известном мыслительный продукт.

И еще одна школа или теория заслуживает внимания – это компонентная концепция этноса, сформулированная сотрудниками кафедры этнографии МГУ под руководством В.В. Пименова. Согласно этой концепции, этнос – исторически сложившаяся, эволюционирующая, сложная самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многосоставной структурой и культурой (формулировка наша – Р.Я.). Главное в этой теории то, что этнос должен обязательно обладать силой воспроизведения главных компонентов. Сами же компоненты это: язык, социально-демографическая структура и способность к самовоспроизводству, социальная коммуникация, взаимодействие социальных страт и индивидов, территория и самосознание, культура (в узком – этническом смысле: как материальная и духовная). Как видим, «компоненты» в этой концепции –

фактически те же «признаки», что и в Бромлеевской теории этноса, отличие в том, что В.В. Пименов утверждает, что необходимо функционирование всех компонентов в продолжение всего периода жизнедеятельности (жизнеспособности) этноса. Отпадение компонентов, видимо полагают сторонники этой школы, должно повлечь за собой автоматический упадок и распад общности, то есть утрату той самой жизнеспособности. К тому же он присваивает каждому компоненту буквенное значение. При помощи этих значений можно пытаться строить некие математические формулы устойчивости культуры этноса. Такие попытки делал в свое время С.М. Широкогоров.

Иначе говоря, мы вновь видим (или настаиваем на этом), что есть заметная преемственность и единство всех направлений теоретической мысли по этносу в России, при этом еще и интегративный подход в использовании западных концепций, что, пожалуй, есть единственно верный рациональный путь познания окружающей действительности – брать лучшее, если оно инструментально-научно.

Теперь мы можем рассмотреть непосредственно понятие этническая культура. Об этом следующая лекция.

ЛЕКЦИЯ 6.

Механизмы возникновения, сохранения и воспроизводства этноса и этничности

Способы постижения и модели этничности. Теория Божественного происхождения народов. Священный Коран об этническом многообразии мира. Этнокультурные инфосвязи и их роль в сохранении и функционировании этноса. Брачные контакты и их роль в развитии этнокультурных инфосвязей. Этнические границы. Условия формирования этноса. О понятии Культура. Культура этноса. Культура в общесоциальном смысле. Типология и таксономия. Культура нации.

Способы постижения и модели этничности.

Говоря о природе этноса, мы ничуть не противоречим, как полагают многие и тезису о Божественном творении, говоря научным языком – о «провидении». При этом кораническое понимание, а точнее объяснение этой природы, совсем не означает, что невозможно видеть механизмы развития этничности. Точно так же, как открываются законы физики, существуют и законы движения «социальной материи», в частности «этноса». Наше мнение может быть не вполне убедительным, а скорее всего не вполне авторитетным. Но есть мнение мусульманских крупных ученых, Аль-Фараби, Аль-Кинди, или Ибн-Хальдуна¹⁵¹ и, видимо, не только их, а всех, кто рассматривал сугубо философские или общественно-правовые вопросы.

¹⁵¹ Ал-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970; Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Хальдуна «Мукаддима». М., 1965.; Кысымжанов А.Х. Ал-Фараби. М., 1982; Фролова Е.А. Проблема веры и знания в арабской философии. М., 1983; Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX - XIV вв. / под ред. С.Н. Григоряна. М., 1961; Исламская философия и философское исламоведение: перспективы развития / отв. редактор А.В. Смирнов. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 128 с. Илл, табл.; A history of muslim philosophy / Ed. By M.M. Sharif. Wiesbaden, 1963-1966. Vol. 1-2.

Эти законы, или механизмы формирования и развития этничности, и изучает современная этнология. Она, как мы помним, сосредоточена на осмыслении именно теоретических вопросов возникновения, развития и энтропии этноса, этничности, форм их существования в пространстве и во времени, а так же изучении этнических и этносоциальных процессов. Закономерен вопрос: как возможно изучение всей совокупности этих вопросов, если, скажем, этногенез наиболее древних народов состоялся тысячу (и более) лет назад и даже «просто» историческая реконструкция на таких «исторических расстояниях» (термин наш – *Р.Я.*) затруднительна. Но есть два действенных метода в историологии и этнологии – моделирование и историческая экстраполяция. Первый, в целом, видимо, нет необходимости объяснять. Впрочем, можно сказать, здесь кроме умозрительного моделирования часто используются готовые модели современного общества. Стоит напомнить, мы говорили на ранней лекции, что фактически этнография всегда имеет дело с настоящим. И здесь включается как раз второй метод – экстраполяции настоящего в прошлое или будущее. Разумеется, с особой осторожностью и в разумных пределах. Здесь особенно важен (дополнительный) третий принцип – «научная критика». То есть скепсис в отношении проделанных операций до достижения достаточной степени надежности выводов.

Это небольшое отвлечение. Но оно было необходимо нам, в том числе для понимания процесса достижения нового знания об изучаемом нами объекте – этносе.

Что касается реальных моделей, то в этнической истории России достаточно примеров этногенеза, этнических процессов и этнического распада, происходивших за последние 2-3 столетия, что для профессиональных исследователей может фактически быть обозначено эпитетом – «на глазах истории» (формулировка наша – *Р.Я.*).

В частности, можно использовать в качестве моделей немногочисленные (с демографической точки зрения) общности различного вида и находящиеся в разных стадиях различных же этнических процессов. Все эти общности попадают под этнологическое определение – «малые этнические общности» или группы (МЭГ). Мы еще будем говорить о них отдельно. Здесь же отметим, что они, как оказалось, достаточно удобны для изучения механизмов этнических процессов. Это известные группы: «тептяр», «мишар», «бессермян», «кряшен», «нагайбак» (Поволжье, Урал), «сколты» (Норвегия, Финляндия, Кольский п-в), «голландеры» (Дальний Восток), «башкарты» (нагорный Иран) и другие. Все это примеры общностей, которые мы сегодня застаем в различных фазах существования (генезиса, развития или распада). Изучая, их мы можем понять, как происходит реальный этногенез. Модель тептярей, равно как и нагайбаков, бессермян и других подобных групп, демонстрирует нам некоторые детали процесса возникновения этничности, например, порядок формирования признаков этноса.

Предпосылкой формирования является консолидация социума (социальной общности или группы) в границах полиэтничной политической

системы. В случае с тептярями и бессермянами это происходит стихийно, в случае с нагайбаками (и, в целом, кряшенами) – в результате волевого (политического) воздействия государства. Здесь важно отметить, что в начальной стадии генезиса исследуемых групп прежде оформились их социальные границы.

Первое и главное, что можно выделить на примере анализируемых нами общностей, – это соционим, который может быть сначала навязан извне, а затем воспринят и самой общностью и с данного момента (периода) соционим имеет потенцию стать не только экзо-, но и эндоэтнонимом. Данное положение находит подтверждение в истории многих этносов, а в Волго-Уральско-Сибирском регионе иллюстрируется на примере татар (как собирательного этносоционима в пределах складывающегося государства).

Второе. Очевидно, формируется осознание социальной обособленности, со временем, при условии сохранения сложившихся социальных условий (в продолжение смены нескольких поколений), формирующее ощущение комплиментарности между членами социальной общности, трансформирующейся в этносоциальное самосознание. Когда социальные условия обособления общности исчезают (уничтожаются), а она сохраняет групповую самоидентификацию и самосознание, последнее имеет, видимо, уже свойства этнического. В развитии этого второго признака этносоционим становится этнонимом.

Параллельно с этими признаками развивается и осознание общности судьбы, транслируемое будущим поколениям. Параллельно же формируются и особенности языка, носящие в стадиях генезиса диалектальные черты, если формирующаяся общность находится в окружении родственных по языку этносов, либо совершенно новые черты, если ядро складывающейся общности оказывается в иноязычном окружении.

Эти процессы еще более усиливают этническое самосознание и способствуют выработке особых черт духовной культуры. Последний компонент этнической культуры тесно связан с мировоззрением и религией. В случае с бессермянами это особенно заметно.

Но в целом выделение особенностей материальной и духовной культуры занимает более длительный период, тем более в зонах интенсивных контактов с другими родственными и неродственными народами. К тому же своеобразие в материальной культуре может на протяжении всего времени существования этнической общности носить довольно условный характер, так как связано с более широкими процессами функционирования в природно-географических ареалах соответствующих им хозяйственно-культурных типов и способов хозяйствования.

Условия формирования этноса.

Можно выделить несколько условий, или выступающих катализатором, или тормозом этногенеза, необходимых в первую очередь для того, чтобы этническая общность сложилась.

Это территория. В том, что единая территория – главное условие генезиса этнической общности, у исследователей никогда не было сомнений.

Также всегда признавалось, что сформировавшаяся общность может утратить исконную территорию обитания, сохранив себя при этом. Но мы теперь ставим вопрос в иной плоскости, а именно – о характере расселения формирующейся общности на данной территории. Чем выше дисперсность расселения этносоциальной общности, тем меньше у нее шансов преодолеть процессы аккультурации и языковой ассимиляции в составе других соседних этносов. Чем компактнее она расселена, тем интенсивнее идет процесс генезиса этничности. Вспомним компонентную теорию В.В. Пименова. Не об этом ли он говорил?

Это видно на примере с приуральскими кряшенами и нагайбаками, компактно осевшими на занимаемых ими теперь территориях. Показательно в этом смысле и расселение тептярей, оседавших в обширном ареале башкирских вотчинных владений (так что общая территория формирования их все же очерчивается), но степень компактности расселения неодинакова. И важно, что сегодняшняя самоидентификация тептярей выявляется именно в тех ареалах, где они оседали компактно. Это бывшая Тептяро-Учалинская волость, права на коллективное владение которой получили ранее разрозненные группы тептярей в первой половине XVIII века. Это и регион в центральной Башкирии, где в силу различных обстоятельств тептяри расселились более компактно и единственными их соседями долгое время были только башкиры. В обширной же зоне западной Башкирии полиэтничное сословие тептярей находилось в условиях чрезвычайно дисперсного расселения среди других этнических, сословных (и этносословных) единиц: ясашных татар, марийцев, чувашей, мордвы, русских помещичьих и государственных крестьян, башкир-вотчинников и башкир-припущенников (со второй половины XVIII столетия). При этом западное Приуралье на протяжении всего времени существования тептярей было зоной интенсивных миграций. Основную массу мигрантов последней волны составляли средневожские татары.

Необходимость компактности расселения как условие этногенеза заметно и на примере формирования и развития известных этнографических и этнических групп, т.е. субэтнических общностей.

Это способствует развитию и упрочению собственных потестарных структур этнической общности и норм обычного права, которые регулируют не только противоречия между социальными стратами и внутрискратовые отношения, но и отношения на уровне мелких социальных единиц этнической общности – семей, общин.

У тептярей (части этносословной группы, которую мы называем «этнические тептяри»), бессермян, нагайбаков оформились только первые признаки этничности, но довольно устойчивые, позволившие им как обособленным общностям существовать даже в условиях, когда и более крупные этносы утрачивали некоторые этнические признаки. Но поскольку набор признаков не полный, этим общностям и не удалось преодолеть барьера этногенеза. Рассмотрение этого вопроса развития этничности в советскую эпоху важно для нас не с точки зрения его эмоциональной оценки, но для

иллюстрации того, что изучаемые нами официально не признанные этнические общности сохраняются даже в условиях тотального воздействия государства на важнейшие элементы этничности.

Таким образом, рассматривая изучаемые общности в качестве моделей генезиса и развития этничности, сопоставляя данные по этим общностям с другими фактами этнической истории, мы приходим к определенному пониманию механизмов этого процесса.

О понятии «Культура».

Итак, мы подошли к едва ли не главному вопросу и вообще сюжету в осмыслении этноса и в его характеристике как феномена.

Культура (от лат. *cultura* – возделывание, позднее – воспитание, образование, развитие, почитание) – понятие, имеющее огромное количество значений в различных областях человеческой жизнедеятельности. В большинстве рабочих словарей это понятие раскрывается так.

«Культура» – как термин – это определенная совокупность социально приобретенных и транслируемых из поколения в поколение значимых идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность». Это понятие употребляется и для характеристики определенных исторических эпох, например, в археологии, конкретных обществ, наций, а также специфических сфер деятельности или жизни.

Субъект культуры – человек (он творит, сохраняет и распространяет созданные им культурные ценности).

Стоит обратить внимание на такую трактовку понятия, применяемую культурологами. «Культура – созданная людьми искусственная среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и поведения. Однако надо помнить, что культура – это **семиаспектное понятие (термин не наш)**, потому как культура это и результат, и процесс, и деятельность, и способ, и отношения, и норма, и система»¹⁵².

Здесь в центре всего человек. Он и субъект (творящий) культуры, и ее же объект (потребитель) наряду с окружающей средой (природно-географической), которая преобразуется человеком (культивируется). Поэтому культура это то, что выделяет человека из «царства животных». Ибо все его деяния разумны и они-то и формируют «культуру», получается – сознательно.

Есть и более конкретные формулировки. Например, известный словарь С.И. Ожегова трактует это понятие таким образом: «Культура – а). Совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей. Напр.: История культуры древних греков; б). То же, что «культурность». Напр.: Человек высокой культуры; в). Разведение, выращивание какого-либо растения или животного. Напр.: «культура льна», «культура шелкопряда»; г). Разводимое растение, а также (спец.) клетки микроорганизмов, выращенные в питательной среде в лабораторных или

¹⁵² Культура: термин и понятие. Цивилизация и культура. URL: <http://www.countries.ru/library/theory/cultterm.htm>

промышленных условиях. Напр.: технические культуры; д) Высокий уровень чего-нибудь, высокое развитие, умение. Напр.: К. производства. К. голоса (у певцов). Физическая к. (физкультура). К. речи»¹⁵³ и т.д. Здесь мы видим насколько многозначно понятие культура. Но все представленные здесь дефиниции выражают узкие смысловые значения этого понятия.

Шире интерпретирует его, например, «Философский энциклопедический словарь»: «Культура (лат. cultura) – первоначально обработка и уход за землей (лат. agricultura), с тем, чтобы сделать ее пригодной для удовлетворения человеческих потребностей, чтобы она могла служить человеку (отсюда – «культура техники земледелия»). В переносном смысле культура – уход, улучшение, облагораживание телесно-душевно-духовных склонностей и способностей человека; соответственно существует культура тела, культура души и духовная культура (в этом смысле уже Цицерон говорит о cultura animi). В широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов. Культура, рассматриваемая с точки зрения содержания, распадается на различные области, сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа данного народа. Уровень и состояние культуры можно понять, только исходя из развития истории культуры; в этом смысле говорят о примитивной и высокой культуре; вырождение культуры создает или бескультурье, или «рафинированную культуру». В старых культурах наблюдается подчас усталость, пессимизм, застой и упадок ее. Эти явления позволяют судить о том, насколько носители культуры остались верны сущности своей культуры. Различие между культурой и *цивилизацией* состоит в том, что культура – это выражение и результат самоопределения воли народа или индивида («культурный человек»), в то время как цивилизация – совокупность достижений техники и связанного с ними комфорта». См. также *Культуры морфология. Культуры психология. Культуры социология. Культуры философия*».¹⁵⁴

Во втором варианте предложено определение, более близкое к тому, которое используем мы, имея ввиду расширительное понимание культуры. Здесь же даны примеры (ссылки) на применение термина культура и в узком смысле этого понятия.

А в целом, в обеих формулировках есть свои неточности, но важно понимать, что, в принципе, всю деятельность человека (человечества), точнее все плоды этой деятельности, можно назвать культурой (это культура человечества). Она распадается на культуры цивилизаций (разные и специфические), те в свою очередь на культуры государств, внутри которых мы различим культуры этносов и социальных страт (классов и сословий), а

¹⁵³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

¹⁵⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1997.

далее пойдут культуры мелких социальных общностей, при желании мы даже можем идентифицировать семейные или по меньшей мере родовые культуры. Последние три могут носить как кратковременный, так и достаточно условный или неустойчивый характер. Но их ни в коем случае нельзя игнорировать как объекты научного анализа и изучения.

Еще мы не сказали о конфессиональных культурах. Да, таковые тоже существуют и мало того оказывают многофакторное воздействие на многие культуры, в частности, на этническую. И мы конфессиональную культуру идентифицируем особняком. Потому что в собственном расширительном смысле она тяготеет к понятию «культуры цивилизации», а в узкоконфессиональном смысле может быть представлена как социально-конфессиональная или этно-конфессиональная общность (копты, кряшены, хорваты, ирландцы и пр.).

И еще. Применительно к широкому пониманию термина и самого феномена «культуры» не может использоваться эмоциональная оценка (хорошая – плохая, развитая – отсталая). Культура – всегда такая, какая она есть. Это главное отличие «широкой» дефиниции понятия культура и отличие ее от узкого значения, которое как раз синонимично понятию «хорошо». Например, «культурный человек» означает благовоспитанный, образованный, достойный и т.п. То есть это совсем иная трактовка понятия.

Применительно к этносу употребляется только широкое понятие «культура», как в прочем и ко всем вышеназванным общностям, вплоть до «человечества». Еще раз повторим, «культура – как совокупность всех достижений и результатов деятельности человека». И в этом смысле культуры являются объектами изучения разных наук. В этнологии изучаются культуры этносов.

«Культура этноса».

Теперь, когда мы разобрались с понятием культура в его широком смысле, будет легче, яснее понять, что культура этноса формируется в продолжение определенного времени. Это «время созидания» (термин наш – *Р.Я.*). Что создается? «Хлеб насущный», «кров над головой», «среда обитания», «родина-мать», «делу время, потехе час», «совет да любовь», «семеро по лавкам», «последний путь». Все это веками выработанные устойчивые выражения, за которым и скрываются процессы созидания культуры каждого этноса. А дело в том, что каждый этнос это делает по своему, неповторимо. Он сознательно удерживает эти границы «самости», «особости».

Внутри этноса взаимодействия исключительно интенсивны, информация распространяется по населенному пункту, где живут представители одного этноса со «скоростью сплетни» (термин наш – *Р.Я.*). Это значит, что как только где-то появляется жизнеспособная новация, она тут же имеет распространение и буквально в течение дня становится общим достоянием. Но она не просто претворяется в жизнь. Любая культурная традиция, как и культура в целом, играет роль консолидатора, т.е. выполняет объединяющую функцию. В компактном «кусте поселений» внутри этническая культурная

информация распространяется чуть медленнее, все же так же на большой скорости. Близлежащие кусты обмениваются информацией еще медленнее и т.д.

Скорость обмена будет снижаться дальше к периферии. А вот маргинальные части этноса будут существовать и развиваться всегда в очень непростой борьбе за свое самосознание, поскольку они обычно оказываются сразу в нескольких потоках разновекторной информации. Это, однако, уже отдельный вопрос, который мы будем обсуждать, когда коснемся вопросов **типологии и таксономии** этноса.

Этнографическая наука, особенно в 1920-1980-е гг., старательно различала в структуре этнической культуры ее материальную и духовную составляющие. По принципу такого разделения строились все теоретические построения, учебники, повествования о конкретных народах. Аналогично и исследования о разных народах тоже рассматривали вопросы материальной и духовной культуры как бы разделенно.

Вообще-то, это разделение цельной культуры этноса на элементы оправдано и инструментально полезно. Не следует только устанавливать между материальной и духовной культурой непреодолимых границ и важно понимать, что материальная культура (тип) определяет особенности культуры духовной, фактически весь набор мировоззренческих установок, большинство ритуалов, календарную праздничную традицию и ритуалы.

А еще на эту часть культуры оказывает огромное влияние историческая память. Например, замечено, что народ, переживший на начальных этапах генезиса внешние воздействия от других народов, стремится к консолидации ускоренными темпами. «Один в поле не воин», «на миру и смерть красна», «кто к нам с мечом придет...» и это тоже стереотипы, выраженные в поэтическом стиле. «Героика», память о массовой защите своей идентичности от «иностранности», своих границ от завоевателей, своих традиций от чуждого влияния – все это формирует историческую память народа. То есть именно коллективную память, зафиксированную в эпических произведениях, исторических былинах и песнях, поэтике и сказочном фольклоре и, как мы показали выше, лаконичном стиле пословиц и поговорок. Сегодня все эти информационные ресурсы заменяют учебники, популярные издания, школьные программы, идеологии. Не отменены и «домашние», семейные истории. Ярким примером формирования (в данном случае стимуляции) такой памяти в современной России, например, стала социальная акция «бессмертный полк», посвященная Великой отечественной войне. Здесь, конечно, речь может идти об укреплении «национального самосознания» и единства. Но нам важно понять аналогичный механизм осознания и укрепления единства как основы самосознания этнического.

Таким образом, духовная культура выступает мощнейшим фактором, формирующим этническое самосознание и консолидирующим этнос, а с другой стороны она является силой, обеспечивающей границы культуры этноса в целом. Вспомним противопоставление «это мы», а «это они», «мы такие», а «они другие». «Самосознание обеспечивает субъективное обоснование этой антитезы «Мы» – «Они», мощное субъективное начало,

стимулирующее сознательную защиту этнических границ» (тезис наш – Р.Я.).

«Этнические границы» – термин, обозначающий не пространственный, неосязаемый барьер между этносами. Конструктивисты от этнологии считают, что этнические границы существуют только в качестве стереотипов, разграничивающих социальные, по сути, общности. Их оппоненты полагают ЭГ реально существующими и обеспечивающими жизнеспособность этноса. В сущности и в свете излагаемого нами, «этнические границы» – это «границы культуры этноса, в широком смысле понятия «культура».

Есть известный спор. Считать ли язык отдельным феноменом или все же рассматривать его как часть культуры этноса. Позиции ученых здесь неоднозначны. Логически и сторонники, и противники такой постановки вопроса будут в равной мере «и правы и нет». Мы полагаем, что язык, будучи самостоятельным объектом этнографии, может, более того, должен рассматриваться в качестве элемента культуры этноса. Даже одного из важнейших ее элементов, факторных, креативных и поддающихся изменениям, потому и рассматриваемых в составе культуры. Ибо он (язык) вырастает вместе с этносом, развивается вместе с ним и, теряя свои основные функции в этносе или исчезая, тянет за собой этнос в состояние распада (энтропии).

Еще одним сильнейшим фактором, влияющим на развитие этнической культуры вплоть до ее полной трансформации, является религия. Причем под влиянием конфессионального фактора скорость культурных изменений может быть очень быстрой. Но известно, что изменение религиозной принадлежности не влечет (или не всегда влечет) за собой утрату этничности.

«Культура» в общесоциальном смысле.

В системе исторических наук России в XX веке закрепился принцип различения или разделения культуры вообще на ее материальную и духовную составляющие. Каждая из них как объект изучения невообразимо значительны имеют множество проявлений и следовательно аспектов для научного анализа. Что уж говорить о культуре в целом.

Граница между материальной и духовной культурами довольно условная. Разумеется, мы однозначно и без сомнений отнесем к материальной сфере все осязаемые результаты деятельности человека – предметы и объекты, но в рамках этого раздела наших культурологических занятий мы должны рассматривать и технологии, и знания, связанные с производством тех или иных материальных благ. Здесь-то и возникает небольшое противоречие. Знания и умения нельзя ощутить материально, но без них не будет материальной культуры как результата человеческой деятельности.

Деятельность по формированию «условий человеческого существования». Сущностью материальной культуры является воплощение разнообразных человеческих потребностей, позволяющих людям адаптироваться к биологическим и социальным условиям жизни.

Еще можно выделить такой аспект материальной культуры – это ее общая практическая ориентированность. То есть если говорить о мотивации, то это все результаты материально-преобразовательной деятельности, с целью

лучшей адаптации к природным условиям, и социально-преобразовательная, меняющая социальную реальность, включая и самого человека. Точнее говоря, это деятельность, направленная на улучшение сферы быта (например, посудомоечная машина).

В этом и состоит главное отличие двух частей культуры вообще и этнической в частности. Духовная культура не производит материальных ценностей, она только регулирует общественные отношения или формирует и развивает все аспекты сознания человека, определяет содержание его эмоциональной сферы, развивает способности, воздействует на интеллект и обеспечивает увеличение знаний.

Специфика этнических культур в том, что в них практически отсутствует профессиональная сфера. По крайней мере, до сих пор никто такую в структуре этнической культуры не выделял. Именно поэтому, когда мы выделяем предмет этнографической (и этнологической науки), мы говорим, что она изучает «культуру и быт народов». Это добавление слова «быт» как бы конкретизирует область познания в этнографии. Строго говоря, точнее было бы сказать, что этнология и этнография изучает «бытовую культуру» или повседневные традиционные материальные и духовные стереотипы и стандарты, объективно повторяющиеся, а главное, транслируемые от поколения к поколению.

Внутри этноса культура как совокупность достижений, знаний, опыта, навыков материальной, духовной жизни и деятельности опять-таки транслируется не так как, скажем, в «национальном» масштабе и тем более в «цивилизационном» или общечеловеческом. Даже в конфессии, которая, как мы говорили, может стать фактором развития и даже трансформации этнической культуры, институты трансляции «культурной информации» иные, чем в этносе. Здесь диахронная (от поколения к поколению) трансляция происходит в основном через «школу»¹⁵⁵ и учителей. Так же в любом социуме. А в масштабах цивилизации школы и в целом учебные заведения любого уровня будут играть значительную, если не главную, роль в трансляции знаний и культурной информации, наряду с семьей.

В этносе главным, а возможно единственным институтом трансляции культуры, даже языка, будет основная социальная ячейка этнической общности – семья, род. Причем этот механизм трансляции культурной информации остается неизменным в веках, даже несмотря на то, что этнос, как и другие виды общностей людей, оказывается вовлеченным, особенно в XX в., в более масштабные процессы и системы образования и обмена информацией.

Этот, кстати, поток является главным источником синхронной трансляции и обмена культурной информацией, происходящей между частями внутри этноса и между этносами вовне (та самая диффузия). Интенсивность этого потока в последнее время в условиях глобального общества возрастает.

И наконец, об этнической культуре следует знать то, что она явление подвижное (мобильное). И именно понимание неизбежности этого движение

---

¹⁵⁵ Любые образовательные официальные учреждения: высшего, общего, среднего, средне-специального образования.

необходим для объяснения многих противоречий и проблем в изучении природы этничности. Движение культуры – это движение самого этноса и этим объясняется многое. И обнаруживаемое существование исторических типов этнических обществ, и стадильность этнического развития, и сосуществование «продвинутых» (т.н. «цивилизованных») и «архаических» («отсталых») народов и внутреннюю иерархию – неоднородность этноса, и сосуществование различных синхронных типов этнических групп, и сохранение этничности даже в условиях утраты этносами некоторых базовых свойств и признаков, и многое другое.

Таким образом, взамен бытовавшей в прошлом парадигмы восприятия этноса как статического состояния приходит понимание его как вечного движения. Движения прежде всего культуры в самом широком понимании этого термина.

И в этом смысле мы должны признать формулу, что «этнос, это не явление, а это процесс». Только такое понимание на сегодняшний день отвечает потребностям изучения и понимания этноса. Природа этноса – это социально-культурная среда (общность), обладающая высокими (в силу биологического начала в самом человеке) адаптивными характеристиками, воспроизводящая себя путем диахронной трансляции накопленной информации.

Культура «нации».

Мы уже неоднократно в наших лекциях обращали внимание на привычное сегодня понятие «нация», воспринимаемое многими как синонимичное понятию «этнос». Но это не так. (вставка о понятии и сталинских работах). Поэтому сегодня существует известная путаница в понимании «нации». Вернуться к исходной ее трактовке уже не представляется возможным, но и продолжать культивировать обновленное понимание «нации» как высшей стадии этнического развития тоже невозможно, ибо это противоречит терминологическому лексикону мировой науки. Единственным разумным выходом, видимо, будет использование двойных (поясняющих) терминов, что собственно и происходит. В современной научной литературе уже бытуют понятия «гражданская нация» и «этнонация».

«Нация» объективно – это полиэтническая общность. Но и у нее есть свое ядро. Это может быть один или несколько этносов. Например, в «канадской нации» роль такого ядра выполняют два этноса (французы и англичане). В северо-американской нации можно в качестве такого ядра рассматривать группу WASP, хотя в последние десятилетия ее позиции в качестве такого ядра существенно ослабли. В России роль такого ядра исполняет «русская этнонация». Иногда исследователи выделяют в качестве такого ядра «и русских, и татар».

Главное, что следует помнить о «нации» в этническом смысле, что это такой тип культуры, который может не совпадать с культурой этнической по целому ряду соображений и реальных параметров. Отчасти мы уже затронули

эти вопросы. Национальная культура вбирает в себя всю совокупность культурной информации, формируемой этносами, входящими в состав государства. Понимание этого механизма важно для адекватного восприятия взаимодействия этносов, входящих в состав государства и формирования взвешенной «национальной политики».

В масштабах гражданской нации складывается общий слой культуры, являющийся следствием взаимодействия этносов, формирующих гражданское общество данного государства. Вместе с тем это может быть культура этнического ядра нации, доминирующего или «титального» этноса. Но можно уверенно говорить о том, что какой бы степени не достигала эта доминанта, процесс взаимодействия этнокультурного ядра нации с другими этносами в ее составе не бывает однонаправленным. Он всегда выражает «единство и борьбу противоположностей», противоборство традиций и новаций, процессы адаптации, аккультурации и корскультурного взаимовлияния.

Культура имеет важное значение как фактор в формировании национального самосознания. Чем значительнее общий слой культуры, тем прочнее национальное гражданское самосознание. В структуре национальной (гражданской) культуры, так же как и в культуре этнонации, можно выделить страты элитарной и народной культуры. Часто они существенно рознятся. Еще в этой структуре может иметь место достаточно мощный слой маргинальных культур (пограничных или люмпен).

Что касается «этнонации», то это действительно функциональное понятие, выражающее определенное состояние, фазу в развитии этноса. В советской теории этноса «национальная» фаза признавалась высшей стадией. Возможно это так. Но теория этноса развивается, так же как мы уже отметили, развитие является характерным свойством самого этноса. Для нас же важно понимать, что и нация в гражданском смысле это тоже процесс.

Каждая этнонациональная (как просто этническая) культура неповторима. Она всегда несет в себе неповторимое сочетание универсальных и уникальных черт. Этим объясняется наличие в культуре различных, порой очень далеких этносов общих или похожих черт культуры. Это следствие исторических контактов и взаимодействия этносов на протяжении всего времени развития человеческой цивилизации. Это и есть этнические или этноисторические процессы, которые суть результаты взаимодействия и взаимовлияния.

В этом смысле можно сказать, что этнос – это форма существования и самосохранения человечества.

***

В этой лекции были затронуты новые вопросы, в частности о неоднородности и внутренней иерархии этноса и существования исторических типов этносов. Иначе говоря, используя этнологическую терминологию, речь идет об этно-исторической типологии и этнической таксономии. Говоря о культуре, мы так же коснулись понятия этнические процессы (этноисторические и этнокультурные). Этим вопросам мы посвятим следующие две лекции.

ЛЕКЦИЯ 7.

Этнические общности.

О понятии этническая общность. Особенности идентификации этнических общностей в прошлом России. Этно-, гео- и демосоциоры (по Ю.И. Семенову). Иностранцы, иноверцы. Перепись 1897 года и влияние этнологии на дальнейшее развитие этнической статистики. Идентификация этнических общностей в современной этнологии.

Типология этнических общностей. Исторические типы: племя, народность, нация. МЭГ. ЭСО. Этникос, этнос, субэтнос, этнографическая и этническая группа. Этно-сословная (-конфессиональная, -генетическая, -культурная) группы, этническая общность, этнический субстрат. Формы проявления этничности.

О понятии этническая общность.

Мы уже говорили о том, что этнос имеет множество вариантов проявления исторических типов, синхронных форм и состояний, каждое из которых в научной терминологии нашло свое отражение. Различаются, например, род, группа родов, племя, народность, нация, этноконфессиональные, этносоловные, этноязыковые, этнические, этнотерриториальные, этногенетические, этнографические группы. И хотя некоторым исследователям кажется, что эти общности обладают какими-то свойственными только им устойчивыми чертами, в сущности, все это лишь формы проявления этничности. Иначе говоря, это те или иные состояния этноса в пространстве и во времени, а термины, которые применяются для наименования этих форм, не следует онтологизировать, потому что, как мы уже установили, этнос – это процесс и если вышеназванные термины обозначают его (процесса) фазы, то и сами общности могут измениться и, соответственно, в другой форме или фазе сменить название. Называя сегодня татар-кряшен этноконфессиональной группой, мы должны понимать, что завтра она может стать группой этнической или вовсе этносом.

Но сейчас важно усвоить еще одно понятие, которое необходимо для избегания путаницы в терминах или «онтологизации» их. Это понятие «этническая общность». Это нейтральное понятие, которое может заменить любое из вышеназванных, которыми обозначены стадии, фазы или формы проявления этноса, кроме только самого понятия «этнос». Можно сказать, что понятия «этническая общность» и «этнос» в сущности синонимичны. Только первое отражает развитие процессуальность, а второе – завершенность процесса рождения этничности.

Особенности идентификации этнических общностей в прошлом.

Возьмем для примера Россию. Уже в период становления Российского государства его власть представляла себе общую этническую картину страны. И если в XVI–XVII веках эти представления были еще расплывчатыми, то с начала деятельности Петербургской академии наук и масштабных экспедиций по России в XVIII веках не было недостатка в информации «о племенах и народностях», населявших империю.

Иное дело – как вообще воспринималась этничность в эпоху средневековья и нового времени. Судить об этом довольно сложно. Но некоторые косвенные источники позволяют предположить, что восприятие этничности было несколько иным, чем теперь. Это объясняется и с позиций стадияльной теории развития этноса, согласно которой этнические общности проходят в своем развитии этапы «племенной», «народной» и «национальной» организации. Каждому этапу соответствует свой уровень и консолидации, и самоидентификации этноса. Естественно предположить, что и восприятие этничности вообще на этих этапах неодинаково.

В этнической истории России обращает на себя внимание значительное влияние конфессионального фактора на этническую идентификацию и очень заметное совпадение в ряде случаев этнических и социальных границ.

Так, расширение границ формирующегося русского этноса в XI–XVI веках было связано с распространением православия в среде восточно-финских народов (мери, муромы, мордвы и пр.). Летопись начала XII века называет этнические общности, говорящие и не говорящие на славянском языке. В ней, например, не славяне – чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора и т.д. – все названы данниками Руси, но у них «язык свой».¹⁵⁶ Позднее с принятием христианства языковая характеристика синтезируется с конфессиональной. В источнике показаны территории и населяющие их народы (например, буртасы, черемисы, мордва), которые «покорены были Богом христианскому языку, поганьския страны великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Володимеру Мономаху» и «бортничали на князя великого Володимера».¹⁵⁷ Здесь индикатором различия является именно язык. Но летописец, как видим, отождествляет понятия русский и «христианский» язык.

Позднее в исторических описаниях (XVI–XVII вв.) нехристианизированные народы именуется то «татарами», то «басурманами».¹⁵⁸ В документальных актах государства употребляется собирательный термин-этноним – татары. В число татар включали обычно тюркские народы, но иногда и финно-угорские, и самодийские. Однако заметно, что «татарское имя» употреблялось в качестве не только этнической (иноэтнической), но и конфессиональной, точнее мусульманской идентификации. В Соборном уложении 1649 года читаем: «А которые князи и мурзы, и Татаровы и Мордва, и Чуваши, и Черемиса, и Вотяки крестились в православную Христианскую веру и у тех новокрещенов поместных земель не отымать и Татарам не отдавать».¹⁵⁹ Здесь в первом случае татары значатся в числе других этносов, во втором,

¹⁵⁶ ПВЛ. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. Ч. 1. С. 13.

¹⁵⁷ Слово о погибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М.: Худ. лит., 1984. С. 130-131.

¹⁵⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1967.

¹⁵⁹ Соборное уложение 1649 года // ПСЗ. Собр. 1, Т. 1. СПб., 1830.

очевидно, этот термин употреблен в качестве противопоставления «новокрещенам» (можно прочесть так: у новокрещенов не отымать и некрещенным не отдавать). Хотя в середине XVII века в официальном делопроизводстве уже появляется термин иноверцы, по инерции еще сохраняется и обозначение татары.

В целом в фиксации нерусских народов (в летописях и государственных актах) имеет место известная путаница с этническими, социальными и конфессиональными терминами. Правда, это лишь на первый взгляд. И дело не столько в незнании писцами и чиновниками этнической картины, сколько в сложном переплетении социальных и этнических процессов в складывающемся полиэтничном союзе (государстве) – Россия.

В номенклатуре этнических терминов, которыми пользовались разного рода чиновники Российского государства, можно выделить несколько уровней. Первый – разграничение русского-православного населения и нерусского нехристианского. В отношении последнего в источниках (документальных актах) употребляется до конца века термин *иноверцы*. Позже, видимо, в силу того, что концу XVIII века в числе православных состояли довольно значительные массы нерусских народов, на смену термину иноверцы пришел более определенный в этнографическом смысле термин *инородцы*. Применительно к народам Сибири и Дальнего Востока в XIX веке в официальные документы входит термин *иноземцы*.

Второй уровень – это выделение геосоциоров и демосоциоров (по терминологии Ю.И. Семенова)¹⁶⁰: «казанцы», «вятчане», «башкирцы» (здесь – население Башкирии). В течении XVI–XVII веков употребление этих терминов становится все более точным. Так, например, термин *татары*, ранее употреблявшийся по отношению к инородцам и иноверцам вообще, стал в основном обозначать тюрков (в том числе собственно татар), различая их по месту обитания: «казанские татары», «уфимские татары», «сибирские татары», «астраханские», «крымские», «кавказские».

Третий уровень – это собственно этнические названия. Чем ближе к XX столетию, тем точнее в источниках отражается этнографическая картина России.

Но главное, что необходимо иметь в виду, – государство (его центральные и местные институты) не ставило целью точной этнической идентификации. Выделялись геосоциоры и демосоциоры – для более точного учета налогооблагаемого населения.

Государство вплоть до начала XX века не могло, а зачастую и не стремилось влиять на внутреннее состояние этносов, их культурные традиции. Несколько попыток насильственной христианизации в самом начале становления России не дали результатов. В связи с этим по мере установления контроля над населением той или иной области государство

¹⁶⁰ Семенов Ю.И. Философия истории. М., 1999. С. 23-27.

не нарушало, а часто законодательно закрепляло существующие этнические и этносоциальные границы. Об этом достаточно красноречиво говорят законодательные акты. Конкретным примером юридического закрепления существующей этносоциальной структуры в пределах вновь присоединенной территории является Башкирия.

Нельзя сказать, что в этом было существо здоровой национальной политики государства. Скорее, это была логичная фискальная политика. Если существующая социальная или этносоциальная система не нарушала политического спокойствия, обеспечивая при этом относительно стабильные поступления в казну, власть оставляла ее без изменений. Это, очевидно, было связано с неразвитостью коммуникаций, разобщенностью административных субъектов на огромной территории государства. Поэтому, власть не всегда могла осуществить унификацию социально-политической системы во всех уголках расширяющегося государства. Хотя оно всегда стремилось к этому и, пожалуй, добилось своей цели только к концу XIX века.

Поэтому отношение государства к ранее признанным этносоциальным организациям стало постепенно изменяться к середине XIX столетия. Особенно это было заметно после реформ 1860-х годов и отменой различий в налогообложении крестьянского населения и уничтожением разнообразия сословных единиц (включая этносословные).

Поэтому вопрос о том, как идентифицировать общности, ранее находившиеся в положении этносоциальных, стал обсуждаться статистиками именно в это время. Именно в 1860-х годах организуются «частные, в виде опыта» однодневные переписи, в которых впервые вводилась категория учета – национальность (племенная принадлежность).¹⁶¹

Показательны рассуждения по этому поводу в статьях Н. Гурвича, секретаря статистического комитета Уфимского губернского земского комитета. Пытаясь проанализировать тенденции в «естественном движении народностей» Уфимской губернии, Статистический комитет земства провел одномоментные переписи и скореллировал их более ранними данными учета по сословиям и вероисповеданиям. При этом обнаружилось известные расхождения в численности некоторых народов, в частности башкир.¹⁶²

Н. Гурвич объяснял это тем, что в «сословной группе башкир» ранее учитывались и так называемые «новобашкиры» из черемис, мещеряков, вотяков и «бывших тептярей». При определении численности башкирской этнической группы вычленили черемис и вотяков, но мишарей и тептярей все же учли в составе башкир. Вот как это понимал Н. Гурвич: «Мещеряки

¹⁶¹ Гурвич Н. Способ вычисления наличного народонаселения по сословиям и вероисповеданиям посредством учета движения населения. Уфа, 1972; Его же. Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878 году. Уфа, 1879.

¹⁶² См: ЦГИА РБ, ф. 1943, д. 13, л. 4.

хотя и составляют историческо-генетическую особь, но их экономический быт... и совершенно отождествленный с башкирами культ (? – Р.Я.) дают полное право этнографически считать их заодно с башкирами». И далее: «слитие мешеряков и башкир в один этнографический элемент или даже племя, как это во многих подобных случаях допускает историческая практика, есть этнографически свершившийся факт, против которого бессильны какие бы то ни было административные и фискальные мотивы разъединения». Упоминание о несостоятельности фискальных и административных мотивов дает основание судить, что сам Н. Гурвич заблуждался искренне, а не по каким-то мотивам. «Что же до тептярей», – продолжает автор, – «то они ни исторически, ни этнографически, ни, еще менее, генетически никогда не изолировались в отдельное племя».¹⁶³

Накануне первой всероссийской переписи в официальной статистике по поводу идентификации бессермян, нагайбаков, тептярей и других групп обнаруживается совершенная путаница. Бессермяне названы «народом неизвестного происхождения». «Занимаются главным образом земледелием, частью охотой, сильно обрусели (? – Р.Я.), Мишари объявлены «народом финского племени, отчасти обрусевшим, отчасти отатарившимся». Утверждается, что «уфимские и пермские мешеряки почти совершенно смешались с башкирами». Тептяри признаны «по происхождению смешанным племенем татар и народов финского племени...» «Разделяются на тептярей обашкирившихся и тептярей обрусевших (? – Р.Я.)».

Так охарактеризованы эти общности в «Алфавитном списке народов, обитавших в Российской империи», подготовленном к всеобщей переписи.¹⁶⁴ И это несмотря на то, что этнографическая литература указанного времени полна более точных характеристик (во всяком случае, она давала возможность избежать утверждений типа: «тептяри... частью обрусели»)¹⁶⁵.

Анализируя результаты первой всеобщей переписи населения России 1897 года, необходимо еще раз вернуться к вопросу о том, как фиксировалась национальная принадлежность. В программе переписи нет графы учета «народность» или «национальность». Этническая принадлежность здесь определялась только «по родному языку»,¹⁶⁶ что в условиях дисперсного расселения родственных по языку народов (казанских татар, башкир, мишарей, тептярей), конечно, приводило к неточностям.

В период проведения переписи и при анализе ее результатов

¹⁶³ Гурвич Н. Племенной состав ... С.8-9.

¹⁶⁴ Алфавитный список народов обитающих в Российской империи (накануне всеобщей переписи). СПб., 1895. С. 9, 52, 75.

¹⁶⁵ Перепись 1897 г. показала только 1,97% православных среди тептярей и ни одного признавшего родным языком русский.

¹⁶⁶ Всероссийская перепись населения в 1897 году.

наметилась тенденция к соединению данных по родственным этническим группам. К примеру, в работах статистиков Уфимской губернии М.П. Красильникова и А.М. Брагина¹⁶⁷ башкиры, татары, мишари и тептяри объединяются в группу «татаро-башкиры».¹⁶⁸ Эта тенденция будет сохраняться в переписях начала XX века.

Так, в обобщенных материалах подворной переписи 1912–1913 годов, переизданных в 1923 году, данные по татарам, башкирам, мишарям и тептярям Башкирии опять объединены.¹⁶⁹

Напомним, что этнографическая наука в это время только начинала развиваться как самостоятельное направление и потому, видимо, уже бытовавшая и довольно разветвленная терминология для обозначения всех вышеназванных групп и этносов слабо применялась еще в среде чиновников.

В первое послереволюционное время позиция государства в вопросе идентификации «национальностей», с одной стороны, тесно связана с основами советской национальной политики, с другой – имеет явную преемственность с принципами этностатистического учета, сложившимися непосредственно перед революцией (о чем речь шла выше). Мы не имеем возможности здесь рассматривать существо национальной политики в советской России. Однако необходимо отметить, что общие тенденции этой политики оказывали непосредственное влияние на решение вопросов учета населения. Как представляется, общее понимание этнических процессов, во всяком случае, – выражение его в научной литературе, складывалось под непосредственным влиянием «теории нации», сформулированной И.В. Сталиным.¹⁷⁰ Об этом мы уже упоминали дважды в наших лекциях.

Алфавитный список национальностей неуклонно сокращался от переписи к переписи. Сокращение происходило главным образом за счет «укрупнения» наций СССР, точнее формального объединения в их составе разных более мелких этнических общностей.¹⁷¹

Как это происходило, мы рассмотрим на материалах первых советских переписей в Башкирии. Ранняя попытка проведения переписи была предпринята в 1920 году. Общие итоги этой переписи были опубликованы в «Списке населенных пунктов Башреспублики».¹⁷² При проведении самой переписи, в соответствии с подробной программой, регистрировались все национальности республики, в том числе отдельно тюрки – башкиры и татары, а также мишари и тептяри.¹⁷³ Но в сводных

¹⁶⁷ Брагин А.М. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1916.

¹⁶⁸ ЦГИА РБ, ф. 1943, д. 13, л. 4, 7.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Сталин И.С. Марксизм и национальный вопрос. Соч. М., 1946. Т. 2. С. 290-367.

¹⁷¹ См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С.4; Словари национальностей и языков. Для кодирования ответов на 8 и 9 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке, др. языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1988.

¹⁷² Список населенных мест Башреспублики. Уфа, 1928.

¹⁷³ Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930. С.10.

«Историко-статистических таблицах» все они были показаны как «татаро-башкиры». Как отмечает уфимский краевед Н.Н. Барсов, «руководители советской государственной статистики Башкирии не преодолели тогда влияния земской статистики».¹⁷⁴

Широко известно, что наиболее полной с точки зрения этностатистики за весь советский период была Всероссийская перепись населения 1926 года. Проблема идентификации и фиксации этнических общностей остается открытой и теперь. Последние публикации этнологов вновь возвращают нас к проблеме идентификации по волеизъявлению этнофоров, даже к отказу от официального списка национальностей предлагаются и другие варианты. В.А. Тишков, например, допускает возможность двойной идентификации, особенно для этнических общностей, подобных тем, которые мы называли в начале лекции.

Идентификация этнических общностей в современной этнологии.

В одной из работ начала 1930-х годов, посвященной анализу этнографической карты (составленной по итогам всеобщей переписи 1926 года), выражены большие претензии к ее качеству.¹⁷⁵

В частности, обращено внимание, что на карте обозначено 112 «народностей» вместо учтенных 169-ти. Оставшиеся 57 «включены в число 112 в порядке объединения...». Автор замечает, что «это совсем не удовлетворительно с этнографической точки зрения» и подтверждает свое мнение несколькими доводами. В Средневолжском крае «даны татары (казанские с мишарями), в Татарской АССР татары (с кряшенами). «Последнее, – пишет автор, – «уже совсем неприемлемо». Далее, «в Уральской области татары (объединены) с нагайбаками и тептярями». Вместе с тем в материалах той же переписи обнаружены изъяны «противоположного» характера и отмечено, что «за отдельным номером» фигурируют качинцы, сагаи, бельтиры и хакасы, «тогда как последние представляют собирательное название, включающее указанные народности».¹⁷⁶

В резюме к данному изданию отмечено, что в преддверии переписи «вследствие неудовлетворительности номенклатуры народов, принятой в разработках ЦСУ, были сделаны необходимые исправления на основе указаний, полученных «от ряда крупных специалистов».¹⁷⁷ Это, однако, не избавило итоговые материалы от обозначенных выше погрешностей.

Проблема идентификации этнических общностей так или иначе оказывается связанной с другими аспектами общей теории этноса, прежде всего, с вопросом о признаках этноса. Важными оказываются при

¹⁷⁴ ЦГИА, ф. 1943, о. 1, д. 13, л. 34.

¹⁷⁵ Расселение народов СССР по районам на основе этнографической карты СССР. По данным переписи 1926 года. М.: Л., 1932. С. 4.

¹⁷⁶ Расселение народов СССР... С. 4-8.

¹⁷⁷ Там же. С. 5.

рассмотрении проблем идентификации и вопросы этнической таксономии.

Выделение признаков этноса означает, по существу, решение вопроса: что считать этнической общностью. В отечественной школе этнологии не сложилось однозначного понимания этого вопроса, однако, как мы уже узнали, выделен более или менее общепризнанный набор признаков этноса: территория, общность истории, язык, единая экономика этноса, материальная и духовная культура, религия, самосознание и самоидентификация. В известных теоретических работах российских этнологов нет ни одного принципиального возражения против этого набора признаков, а дискуссии всегда развивались в плоскости выделения признаков наиболее важных. Но мы знаем также, что ни один из признаков не является главным, а действует специфическое, в каждом конкретном случае сочетание этих элементов этничности.

Мы полностью разделяем позицию, сформулированную С.А. Токаревым, согласно которой «надо подходить к вопросу об этнической общности не со стороны формальных дефиниций, а с исторической точки зрения, надо смотреть, как складываются этнические общности, как они изменяются в ходе исторического развития».¹⁷⁸

Несмотря на то, что эта, казалось бы, простая и понятная мысль была сформулирована еще в 1964 году, попытки выделения одной из «этнобразующих» характеристик продолжались. Например, в последнее время исследователи настойчиво заговорили о доминанте этнического самосознания в характеристике этноса.¹⁷⁹ Довольно часто в региональной социологической и этнографической литературе приходится сталкиваться с мнением, что главным признаком этноса является язык.¹⁸⁰

И мы видели и вынуждены констатировать, что в среде специалистов-этнологов даже по-разному идентифицируются те или иные общности. Именно в этой части вопрос о характеристиках этноса смыкается с проблемами типологии. В случаях, когда сложно или невозможно выделить однозначно отдельные этнокультурные характеристики общности (язык, генетическое единство, материальная культура), ее относят к тому или иному этносу. Об этом достаточно много говорилось в научной литературе, это приводит к существенным искажениям этнографической картины.¹⁸¹

Действительно, как идентифицировать общность, если, с одной

---

¹⁷⁸ Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Избранное. Теоретические и методологические статьи по этнографии и религии народов мира. М., 1999. Ч. 1. С. 196.

¹⁷⁹ Крюков М.В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 18. М., 1988. С. 5-21.

¹⁸⁰ Кореньяко В.

¹⁸¹ См.: Токарев С.А. Указ. соч.; Сатыбалов А.А. Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей // Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968. С. 161-162; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Арутюнов С.А. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. – 1986. – № 4. – С. 61-63; Шеретова Л.И. Этноконфессиональная общность: к проблеме эволюции субэтносов // Расы и народы. М., 1991. Вып. 21. С. 29-45; Козлов В.И. Этнология и перепись населения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., 2000. – № 132. – С. 12-13.

стороны, она обладает признаками этнографической или этнической группы (или численность ее ничтожно мала), но, с другой стороны, представители этой общности осознают себя совершенно самостоятельной единицей?

Необходимо отметить, что сложившаяся в российской этнологической школе типология этнических общностей охватывает одновременно несколько направлений анализа. Выделены исторически универсальные типы этносов: племя, народность, нация. Учтены количественные и качественные состояния современных этносов и протекающие внутри них этносоциальные процессы, в связи с чем выделены: этносоциальный организм (ЭСО), этникос, этнос, этническая и этнографическая группа, малая этническая группа (МЭГ). Наконец, определены переходные типы этнических общностей, в истории формирования которых доминируют те или иные признаки: этноконфессиональные, этносоциальные, этнолингвистические, этноареальные группы и общности.

Этникос (от греч. *ethnicos* – народный, свойственный народу) – термин, введенный Ю.В. Бромлеем для обозначения этнокультурного единства данной общности, даже без привязки к территории обитания. Поэтому данное понятие объемлет даже те группы этноса, которые могут быть оторваны от основной массы этноса (т.н. диаспоры) – термин (введенный в научный оборот Ю.В. Бромлеем наряду с понятием этносоциальной общности), означающий этнокультурное единство представителей одного и того же народа независимо от места проживания.

Этнографическая группа – это часть этноса, обладающая спецификой языка, культуры и быта, не выводящих группу за пределы общего с ядром самосознания. Такая группа может быть диалектной, существенно отличаться одеждой и другими параметрами культуры. Но все же ясно понимать свою принадлежность к этносу.

Этническая группа – тоже часть этноса, но, как правило, оторванная от него территориально (хотя это не обязательно) и так же обладающая этнографическим своеобразием, но при этом имеющая еще двойное самосознание. Такие общности часто называют «осколками» этноса (племени, народа или нации). Само территориальное отделение бывает причиной формирования этнической группы.

И этнические, и этнографические группы еще называют субэтническими (группами), что подчеркивает и их процессуальность и в то же время тот факт, что они все являются частями данного этноса, хотя и в разных фазах.

Здесь необходимо вновь вернуться к вопросу о типологизации этносов, точнее, к такому ее варианту, как выделение этносословных, этноконфессиональных, этноареальных, этногенетических и других групп. Он восходит к теории историко-культурного (или историко-этнографического) районирования и связан с позицией Ю.В. Бромлея, охарактеризовавшего историко-этнографические области (ИЭО) как

многофакторные общности.¹⁸² В них наряду с «исторически сложившимися очагами культуры» (этносомами – *Р.Я.*) действуют «однофакторные культурные ареалы»: лингвоэтнографические, конфессионально-этнографические, хозяйственно-культурные. Развивая эту позицию, Р.Г. Кузеев подчеркивает, что «сочетание и взаимодействие однофакторных ареалов, а также исторически сложившихся очагов имели следствием образование множества переходных культурных зон и смешанных этнографических групп населения».¹⁸³

Р.Г. Кузеев в нескольких публикациях и обобщающей монографии разработал и подробную схему формирования этногенетических, этнословных, этноконфессиональных групп в истории Волго-Уральской ИЭО.¹⁸⁴ Однако необходимо отметить, что он в данной схеме только демонстрировал исходные факторы их обособления и подчеркивал, что термины «этнословная» и «этноконфессиональная» группа – категории исторические, отражающие переходные состояние культуры этносов. Так что называя, к примеру, нагайбаков этноконфессиональной группой, Р.Г. Кузеев имел в виду только хронологически определенный период. Применительно к современности Р.Г. Кузеев называет их этнической группой.

Введенные в научный оборот термины «этнословная», «этносоциальная», «этнокультурная», «этногенетическая» (общности), однако, были восприняты некоторыми исследователями буквально и стали употребляться в отношении других современных групп. Так, приходится встречать формулировки типа «староверы – этноконфессиональная группа русского этноса», «казаки – этнословная группа русского населения России», «тептяри – этнословная группа казанских татар». В последнее время эта терминология находит все более частое применение в этнологической литературе.

Точность терминов «этнословная», «этноконфессиональная» (и пр.) в отражении исторической сущности этнических групп, а еще больше удобность этих терминов в тех случаях, когда нет прямой возможности отнести их к тому или иному этносу, видимо, способствуют широкому применению исследователями этих дефиниций. Но еще раз повторим, что они вовсе не отражают современного состояния языка, культуры и тем более самосознания идентифицируемых таким образом общностей. Такой способ не помогает решить главной типологической задачи – качественной

---

¹⁸² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., Впервые проблемы историко-этнографического районирования разрабатывались Левиным, Н.Н. Чебоксаровым, С.П. Толстовым.

¹⁸³ Кузеев Р.Г. Народы Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 222-225.

¹⁸⁴ Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР. Препринт доклада. Уфа, 1989; Кузеев Р.Г. Этнические результаты присоединения тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона к Русскому государству. Доклад на IV Международной конференции по Центральной Азии (27-30 сентябрь, 1990 г. Университет Висконсин-Медисон США). Уфа, 1990; Кузеев Р.Г. Народы Поволжья...

характеристики существующих этнических единиц. Он лишь указывает на исходные условия их формирования или факторы, обусловившие их обособление.

Можно ли говорить о том, что казаки – этносословная общность, если они уже почти сто лет не являются сословием? К тому же термин «этносословный» может означать «полиэтнический сословный» и «моноэтнический сословный». Это противоречие особенно заметно в случае с тептярями, которые были полиэтническим сословием (может быть, надо употребить термин полиэтносословная группа?). А, например, нагайбаки были одновременно и этноконфессиональной, и этносословной группой. Они, как и казаки, сегодня уже не обладают сословными признаками, а конфессиональная принадлежность, во всяком случае нагайбакской молодежи, вызывает сомнения. В отношении нагайбаков, кстати, в этнографической энциклопедии употребляется формулировка «этнографическая группа (субэтнос) крещеных татар Волго-Уральского региона». Выходит, крещеные татары – этнос. В этом же издании сами кряшены названы «этноконфессиональной группой (общностью) в составе татар Волго-Уральского региона».¹⁸⁵ Получается, нагайбаки – субэтнос в составе этноконфессиональной общности в составе татар.

В данном случае, конечно, речь не может идти о том, что автор – Д.М. Исхаков – не понимает истинного значения терминов «этносословная» или «этноконфессиональная» группа. Здесь мы имеем дело как раз с попыткой избежать выделения обеих групп (и кряшен, и нагайбаков) в самостоятельные этнические единицы. А в некоторых случаях (и в ряде последних публикаций) исследователи употребляют эти типологические дефиниции, вовсе не задумываясь над их смыслом. При продолжении этой тенденции в научной литературе и без того неясные вопросы типологии этнических общностей становятся еще более запутанными.

Точнее было бы применить термин «этносословная группа» по отношению к башкирам и мишарям, скажем, конца XVII – первой половины XIX века (только этого времени), когда их сословные и этнические границы в целом совпадали. В отношении же русских казаков (любых их территориальных групп) термин «этносословная группа» можно употреблять только с конца XVIII до начала XX века. С конца XVIII века казаки уже не инкорпорировали в свою среду сколько-нибудь значительных масс нерусского населения России. Иначе говоря, они в это время окончательно сложились как этнографическая группа русского населения, обособленная и в социальном плане. И никакие другие тенденции их развития были уже невозможны. После 1917 года, как уже говорилось, социальные (сословные) границы были целенаправленно уничтожены и казаки перестали существовать как сословие.

---

¹⁸⁵ См. статьи Исхакова Д.М. о нагайбаках и кряшенах в энциклопедии «Народы России». М., 1994. С. 113-114.

Острыми кажутся нам противоречия и с применением термина «этногенетические общности». К таковым Р.Г. Кузеев отнес, например, все субэтнические группы народов Волго-Уральского региона, тем самым подчеркнув собственное понимание термина «этногенетическая группа» как характеристики исторического состояния этноса или его части. При этом Кузеевым отмечено, что эта разновидность этнических групп «...унаследована от предшествующих эпох».¹⁸⁶ При прояснении же вопросов генезиса этих групп может оказаться, что и они были в период своего формирования «этноконфессиональными», или «этносословными», или «территориальными смешанными межэтническими». Это можно проиллюстрировать на примере мордвы, в составе которой выделены «генетические группы» эрзи и мокши. Совершенно неизвестно при этом, какую роль сыграла в генезисе эрзи мурома.¹⁸⁷ Неизвестны точно даже эндоэтнонимы финских племен XII–XV веков. Еще сложнее выглядит проблема этногенеза мишарей. Во всяком случае в историографии высказывались довольно противоречивые мнения по данному вопросу, корни формирования мишарей находили (или искали) в угорской (мадьяры), восточно-финской (мордва, буртасы?), тюркской (булгары, кипчаки) средах.¹⁸⁸ Если, например, предположить, что победила угорская или финская версия происхождения мишарей (с последующей тюркской языковой ассимиляцией и аккультурацией), то применим ли в этом случае термин «этногенетическая группа» татар, даже с учетом точной хронологии?

Этногенетическими, на наш взгляд, точнее было бы признать родоплеменные группы (скажем, башкир, татар, ногаев) в период их бытования, когда границы этих общностей были достаточно прочны.

Таким образом, эвристическая ценность описанной выше типологии и, соответственно, идентификации этнических общностей обнаруживается только при применении ее к соответствующим хронологическим периодам этнокультурного состояния этнических общностей. Точнее говоря, данный способ ранжирования этносов отражает только этапы эволюции этноса и направления этнических процессов в историко-этнографических ареалах в разные эпохи.

Таким образом, говоря о понятиях этносословная группа, или этноконфессиональная, или этногенетическая, то все эти группы объединяет то, что они еще не стали самостоятельными этносами, а находятся, как

---

¹⁸⁶ Кузеев Р.Г. Народы Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 228.

¹⁸⁷ Мордва. Историко-этнографические очерки. С. 15-16; Мокшин Н.Ф. Этническая история мордовского народа. Саранск, 1977. С. 109-111.

¹⁸⁸ Радлов В.В. О древней народности мишарей // Труды IV Археологического съезда России. Казань, 1884. Т. 1, С. 17; Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари центрально-промышленной области // Культура и быт народов центрально-промышленной области. М., 1929. С. 139; Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // ИОАИЭ, Казань, 1903. Т. 19. Вып. 2.; Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972; Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. Казань, 1993. С. 84; Его же. Этническое развитие волго-уральских татар в XV - начале XX века Научный доклад... С. 19-24.

правило, в определенных фазах генезиса. И, как правило, они обладают каждая свои самосознанием и неизбежно стремятся к самостоятельности. Но подобные общности не все преодолевают этот «барьер этничности» (термин наш – *Р.Я.*). Наконец все эти группы объединяет то, что в основе их выделения и (или) формирования лежит один доминирующий фактор – первопричина: конфессиональный, социальный (сословный), генетический, культурный, территориальный (отрыв) или любой иной. Этот фактор становится и частью терминологического обозначения вместе с общей характеристикой, принадлежностью групп к разряду этнических общностей.

Еще в терминологическом словаре этнологов (и в реальности) выделяют такие понятия, как «этно-социальный организм» и суперэтнос. Первый был предложен Ю.В. Бромлеем, его оппонентом Л.Н. Гумилевым. В сущности оба термина могут быть названы синонимичными, так как главное в их характеристике – цивилизационная характеристика и безусловно признание или наличие значительной численности. Но есть и важная разница. В ЭСО главным началом следует признавать социально-политическую составляющую (структуру). Это как правило Этнос-государство. В понятии суперэтнуса большее значение имеет культурно-цивилизационное начало. Так суперэтнсом Л.Н. Гумилев называл арабский халифат, считая его таковым даже применительно ко времени после распада халифата. И это несмотря на то, что Л. Гумилев прекрасно понимал этнографическую неоднородность арабо-мусульманского мира и, конечно, знал историю постхалифатских полинациональных и этнонациональных государств.

Если рассматривать всю эту типологическую систему с точки зрения идентификации, то она, в сущности, будет сведена к двум качественным состояниям – этнос или его часть. То есть это субэтнос, этнографическая группа или этническая группа.

Существующие способы выделения и изучения этносов, как, в общем справедливо отмечено С.В. Чешко, «имеют значение для познания природы, развития, взаимодействия этнических образований», но они «не могут (не всегда, но часто – *Р.Я.*) дать четкого ответа на вопрос, когда перед нами этнос, а когда – субэтническая или вообще неэтническая группа». Мы солидарны с такой оценкой. Однако в литературе «комплексно-онтологические» приемы ранжирования этносов автоматически переносятся на их современную идентификацию.

Способы подобной идентификации этнических общностей можно условно разделить на два: ретроспективный (или этногенетический) анализ и анализ параметров культуры. Первый подразумевает поиск этнических корней, субстрата, ядра данной этнической общности. Если ретроспективно таковой обнаруживается, то и общность зачастую идентифицируется в соответствии с полученными историческими данными. Второй способ – характеристика традиционной культуры в определенный момент времени, причем чаще всего обращают внимание на такие элементы, как язык, традиционная женская одежда, материальная культура. Если языковая

принадлежность общности установлена, а в традиционной одежде своеобразие незначительное (скажем, набор элементов женского костюмного комплекса одинаков с предполагаемым материнским этносом) и формы и способы хозяйствования идентичные с существующими у соседних народов (или близкие к ним), то и вся общность относится по языковой, прежде всего, принадлежности к тому или иному этносу.

В ряде случаев исследователи почти совсем не учитывают промежуточных состояний, т.е. самого процесса эволюции названных групп от момента формирования до современности.

Видимо, дело все же в оценке изучаемых явлений, а именно – в невозможности для многих исследователей признать возникновение (или движение в этом направлении) новых этнических общностей, что называется, «на глазах истории».

Представляется, что дискуссии по поводу этнической идентификации отдельных (маргинальных или уникальных) групп населения России возникают, прежде всего, из противоречия между историческими данными и современными представлениями этнофоров «о мире и о себе».

Таковых групп населения довольно много в Урало-Поволжье, в Сибири и даже Центральном регионе. Это этнические и этнографические, в координатах традиционной этнологической таксономии, группы: прикамские гайнинцы, пермские татары, тептяри, бессермяне, нагайбаки, мишари, казаки, русские-староверы и другие.

Но споры ученых (и политиков) по поводу идентификации этих общностей не дадут результата, потому что, на наш взгляд, методологически неверными являются сами способы идентификации. Если, как мы отмечали в предыдущей лекции, признать, что, обращаясь к этносу в каждый конкретный момент времени, мы застаем не константный этнос, а процесс, то будет ясно и то, что мы можем говорить лишь о тенденциях в развитии данного явления, а не о неизменных характеристиках его.

Наконец, необходимо рассмотреть еще проблему выделения так называемых малых этнических общностей. Важность этого вопроса заключается в следующем. Одним из аргументов противников идентификации МЭГ (таких как тептяри, нагайбаки, бессермяне и других), как самостоятельных этнических обычно является тезис об их малой численности.

Действительно, численность изучаемых нами и массы других групп не превышает порой нескольких тысяч. Например, ливы – их чуть более сотни. Другая финская же общность – сколты – насчитывает десятки человек. Но если ливов, учитывая их долгую историю, никто не думает записать в этнографическую группу, то сколтов признают этнографической группой финнов (саамов). Разница в возрасте этих групп (по наличию их номенклатуры в источниках) составляет около 400 лет. Но главное не в этом, а в том, что о ливах говорит Летопись (!), а о сколтах –

документальные акты. Из них мы узнаем, что последние были саамами, принявшими православие и русское подданство в середине XVI века, а вместе с этим обрели, кстати, коллективное право на владение участком земли в восточной Норвегии. Это, вероятно, и служило социальным фактором обособления скоттов от саамов. Сегодня эта небольшая группа отстаивает свои исторические права на территорию и вместе с тем собственную этничность.

В этой связи мы и рассматриваем вопрос о малых этнических общностях, который был поднят в этнографической литературе 1980-х годов. Термин «малые этнические группы», впервые примененный И.И. Крупником, был использован В.Я. Бабенко и Р.Г. Кузеевым для обозначения малочисленных «национальных групп», оказавшихся за пределами своего государства (по принятой в 1970-1980-е годы типологии – этносоциальный организм). О.В. Котов назвал их также «осколками этноса».¹⁸⁹

Подводя итог, хотелось бы вновь подчеркнуть, что с точки зрения культуры (в широком смысле) этнографами четко выделены только два типа этнических общностей: этнос и его подразделения (этническая и этнографическая группы). Все остальные дефиниции применимы только для обозначения развивающихся этнических явлений.

Но заметно, что в представлении об этносе доминирует подсознательное признание их крупными (многочисленными) исторически сложившимися общностями. Исторически сложившимися, в данном случае, значит имеющими тысячелетнюю и более историю. В качестве примеров для иллюстрации типологических схем в этнографической литературе обычно используются этносы, которые значатся в номенклатуре еще древних и раннесредневековых источников, этносы, имеющие (или имевшие) свои государственные образования (ЭСО) или проявлявшие стремление к этому в сравнительно недавней истории.

Сама постановка вопроса об этносе и его подразделениях как бы подразумевает, что этносов, не имеющих таких подразделений (этнических и этнографических групп), не существует. Так что в данной схеме вольно или нет используется статическая модель этнической картины мира. Два условия признания «осознанных культурно-языковых» общностей этносами здесь оказываются «подсознательно» важными – масса (численность) и возраст.

Нам кажется, что в современных условиях, когда основные показатели традиционной материальной и духовной культуры народов России и мира нивелируются в соответствии с основными тенденциями развития постиндустриального общества, этническое самосознание и самоидентификация в разных сочетаниях с особенностями языка

---

¹⁸⁹ Котов О.Я. Осколки этноса (проблема дефиниций) // Этнос и его подразделения. Уфа, 1991. Ч. 1. С. 86-94.

действительно становятся важнейшими индикаторами этничности. Глобальные тенденции в мировом экономическом развитии продолжают нарастать, коммуникационные возможности постоянно совершенствуются, и понятие об исторически-этнических (не государственных) территориях в силу демографического роста будет, видимо, изменяться. В этих условиях, возможно, язык, самоидентификация и самосознание останутся единственными признаками этноса.

Это в перспективе. В настоящем же мы разделяем мнение, высказанное А.М. Решетовым: «Роль этнических групп в функционировании этноса как целостной системы (и в жизни нации-государства – Р.Я.) довольно значительно меняется, и они порой начинают играть самостоятельную роль в жизни страны».¹⁹⁰ И не только они иногда нарушают ставшие привычными представления ученых и, заявляя о своей идентичности, ломают сложившиеся типологические схемы. События последнего десятилетия XX века подтверждают этот тезис. Что же должно объективно измениться: представления этнофоров о мире и о себе или представления части ученых и государства об этнофорах?

Теперь мы можем подытожить. Все вышеназванные термины – суть инструменты познания многообразия форм проявления реальной этничности. Все они придуманы людьми для обозначения различных стадий в развитии этнических общностей. И единым термином, которым можно выразить все эти состояния, будет именно понятие «этническая общность».

Еще желательно разобрать понятие этнический субстрат. Это, можно сказать, «предэтническая общность», то есть совокупность этносов или их «осколков» (в том числе вышеназванных групп), послуживших исходным материалом для образования нового этноса. Большинство этносов формировались постепенно из такого субстрата.

ЛЕКЦИЯ 8.

Этнические процессы

Движение этноса – движение культуры. Этнос как процесс. Этногенез, глоттогенез, культурогенез, генезис государства. Этническая история. Этническая энтропия. Эволюция и трансформация культуры. Образование субэтнических групп. Отрыв частей этноса. Энтропия. Ассимиляция, аккультурация, абсорбция. Этногенез. Этноязыковые, адаптационные, этноисторические (этносоциальные), этнокультурные процессы. Этнические процессы. Этнодемографические, этноязыковые, этнопсихологические, этнокультурные процессы.

Мы должны теперь, с пониманием, что этнос это постоянное движение всех его структур, социально-экономических, полико-административных и культурно-идеологических, рассмотреть такое понятие этнологии, как этнические процессы.

---

¹⁹⁰ Решетов А.М. Гетерогенность как перманентное состояние этноса // Там же. С. 140.

В них собственно и состоит раскрытие сущности этого движения культуры этноса: эволюции и трансформации культуры, миграции, образование субэтнических групп, отрыв частей этноса, энтропия, ассимиляции, аккультурации абсорбции, возникновение новых субстратных единиц, этногенез, этноязыковые, адаптационные и пр. процессы. Это и есть этноисторические и этнокультурные процессы. Мы различаем в данном случае только процессы, касающиеся исключительно социально-потестарной сферы, называя процессы историческими, а к этнокультурным соответственно относим все, что связано с изменениями в этой сфере.

Этнические процессы по скорости и характеру протекания могут подразделяться на этноэволюционные и этнотрансформационные. Иногда используется термин этнореволюционные процессы. Суть его понятна – это крайне быстрые перемены.

Этнос – процесс. Коль скоро это так, непрерывно находится в состоянии изменения. Причиной перемен служат как внешние воздействия, так и внутренние причины. И хотя мы говорим, что этнические общности отличаются устойчивостью, однако они не остаются неизменными. Все дело в том, что изменения различных структурных элементов этноса, его языка, материальной и духовной культуры, самосознания происходят постепенно, поэтому для каждого нынешнего поколения эти процессы могут быть незаметными, но они хорошо наблюдаемы с «высоты истории» (Р.Я.).

Среди них, прежде всего, следует вычленить социально-экономические процессы, которые лежат в основе разграничения типов этнических общностей по основным стадиям их исторического развития, связанным со сменой общественно-исторических формаций – от первобытных племен до современных наций. Можно выделить также социально-культурные процессы, выражающиеся в изменениях различных элементов культуры, например, вытеснение традиционных элементов материальной культуры унифицированными промышленными изделиями; языково-культурные и этноязыковые процессы, приводящие к изменению разговорного и письменного языка; распространению двуязычия и полному переходу на язык другого народа (т.е. языковой ассимиляции) и т.д.

Этнические процессы протекают под влиянием различных факторов. Ко внешним относятся взаимодействие с другими этносами, взаимовлияние культур, геополитические изменения (вхождение в политические альянсы с другими государствами, подчинение), физико-климатические изменения, миграции и смена среды обитания и др.

Внутренние причины, как правило, – политика ядра этноса, характер взаимодействия ядра и периферии, социально-психологическая мотивация, конфессиональный фактор, генетический фактор, изменения в социальной структуре этноса и пр.

Далее мы приведем привычные формулировки, которые обычно используются для обозначения этнических процессов. Мы будем использовать уже готовые тезисы, так как в этой части у исследователей практически нет расхождений во мнениях.

Этноэволюционные – это такие процессы, которые обычно происходят постепенно и ведут к изменению отдельных элементов культуры этноса, но не затрагивающие этнического самосознания и базовых структур, ценностей этнической общности.

Этнотрансформационные, понятно, к таким переменам приводят и могут завершиться полной утратой этничности. Во всяком случае, они ведут к быстрым и кардинальным изменениям в культуре или структуре этноса, заметным даже в короткие промежутки времени.

Существует понятие этноразделительные и этнообъединительные процессы, они не требуют подробного разъяснения. Достаточно понять, что речь идет о присоединении к этносу иноэтнических частей, либо наоборот отделение от этнического массива какой-то его части и переход ее в состав либо другой общности, либо в «этнический субстрат». А этот термин нам уже знаком.

Но в прошлых лекциях совершенно не затрагивались понятия этническая сепарация и парциация. Их употребляют довольно редко в литературе, но все же их следует знать. Эти понятия употребляются для описания и рассмотрения процессов распада этнических общностей, так называемой этнической «энтропии». «Энтропия» – сама по себе есть процесс. Этот термин пришел в этнологию благодаря в основном Л. Гумилеву, который, как известно, уделил, в отличие от многих этнологов современников, равное внимание всем фазам в развитии этноса, в том числе и завершающей фазе его бытия, а именно упадку и утрате этничности. Для описания этого процесса он и применил термин «энтропия», позаимствовав его в словаре естественных наук (физики).¹⁹¹ Процесс же «энтропии», которую в физике считают процессом утраты прежде всего энергии, может протекать в различных формах. Самая простая – это утрата этносом «культурной инерции развития» (термин наш – *Р.Я.*), протекающая постепенно – эволюционно. Примером такого упадка может служить, например, римская империя¹⁹² (италы и сабины).

Сам распад общности может происходить двумя путями. Под этнической сепарацией (от лат. *separatio*, т.е. отделение, разделение) понимается отделение от какого-то этноса его части, которая со временем превращается в самостоятельный этнос, а возможно присоединяется к какому-либо иному этносу. Но сам этнос продолжает существовать и даже иногда возрождается. Из этого следует, что этническая сепарация больше затрагивает отторгаемую часть этноса, чем его массу (ядро).

---

¹⁹¹ Энтропия (от др.-греч. – поворот, превращение) – широко используемый в естественных и точных науках термин. Впервые введен в рамках термодинамики как функция состояния термодинамической системы, определяющая меру необратимого рассеивания энергии.

¹⁹² Даже самая последняя стадия процесса распада Римской империи происходила около 100 лет с момента разделения ее на западную и восточную части в 395 году н.э. и до полного захвата Рима варварами в 476 г. и рассеивания римского этноса.

При этнической парциации этнос распадается на части, ни одна из которых фактически не может самостоятельно устоять или возродиться. Исходный этнос, таким образом, фактически прекращает свое существование.

Этническая сепарация может быть вызвана различными причинами: переселением какой-нибудь группы исходного этноса, разделением этнической территории государственными границами, распространением на часть этноса иноэтнического влияния (религиозным обособлением этнической группы) и др.

Ярким примером сепарации при сохранении не только ядра, или «материнского» этноса (общепринятый термин), но отколовшейся части может служить массовая эмиграция. После 1917 года многие русские России покинули родину и образовали устойчивые русские общины в Китае, в Турции, затем в Европе, особенно во Франции, Германии, Финляндии, а позднее в Америке. В Северной Америке (США и Канаде много диаспорных общин и сегодня. Особенно армян, грузин, украинцев, русских. В то же время в США тюркская диаспора носит смешанный характер (татаро-башкиры, или даже шире). Это, следовательно, – путь к образованию со временем некоей новой общности. Таким путем образовалось большинство современных латиноамериканских этнонаций.

В истории путем «парциации» сформировались многие тюркские народы. Это произошло после фактического распада Гуннской Империи V в. н.э. и Тюркского Каганата VII в.н.э.

А путем сепарации шло формирование многих этносов Юго-Восточной Азии. В истории России и Восточной Европы яркий пример сепарции и генезиса ряда новых общностей дают раннесредневековые угры (магьяры, мадьяры, мишары) и болгары (волжские и дунайские).

Причинами сепарации могут быть различные факторы. Чаще всего это культурно-генетический, этноязыковой или конфессиональный факторы. Так образовалось государство Пакистан. Так изменились параметры египетского этноса в период его исламизации.

Этногенетическая миксация (от лат. *mixatio* – смешение) один из наиболее распространенных видов этнических процессов, особенно в маргинальных зонах контактов и взаимодействия этносов. Миксация, понятно, еще и один из видов объединительных процессов и при этом для определенных этносов может быть одновременно процессом сепарации.

Примером образования новых общностей в маргинальных зонах миксации может служить этногенез татар и башкир. Генезис этих этносов во много был обусловлен географическим положением территории их этногенеза и дальнейшей истории. Это «Сердце Евразии» (термин наш – *Р.Я.*¹⁹³), «Врата в Азию» (термин Петра Великого), перекресток торговых путей востока и запада – Среднее Поволжье и Южный Урал. Здесь к этническому ядру древних башкир и болгар волнами примыкали мелкие и крупные общности

---

¹⁹³ Впервые употреблен в 2000 году в книге «Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки».

разного происхождения, разных культурных традиций, генетических характеристик.

Собственно этническая миксация – это суть любого этногенетического процесса. Большинство современных этносов сформировалось таким путем. Так сформировались и русские, основу которого составили смешивающиеся восточно-славянские, финно-угорские и тюркские племена или их «сепарции», сложившиеся в «этнический субстрат» русского народа.

При этом для частей этого субстрата миксация не была двухвекторной, поскольку победил все таки славянский язык, следовательно для отдельных финно-угорских и тюркских общностей процесс миксации был еще и ассимиляционным.

Ассимиляция – еще один из типов этнических процессов. Ассимиляция не обязательно ведет к генезису новых общностей. Часто она становится просто механизмом присоединения к данному этносу все новых и новых частей. Чаще всего мы говорим о языковой ассимиляции. Дело в том, что без, прежде всего, достижения полного доминирования в части языка полной ассимиляции этнической общности не бывает. Потому что в сфере культуры в одно и то же самое время, параллельно, идет другой процесс культурного взаимодействия, завершающийся аккультурацией.

«Аккультурация» – постепенное, скорее всего, частичное усвоение элементов иной культуры. Понятие «аккультурации» и соответствующий ему процесс лучше понять, сравнивая их с процессами полной «ассимиляции» и «инкультурации». «Инкультурация» – это приобщение к культурным достижениям. «Инкультурация» происходит непрерывно внутри этноса в ходе приобщения к культурным ценностям молодых поколений (посредством), как мы помним, «межпоколенной трансляции», что само по себе также следует рассматривать как этнический процесс. Попутно отметим, что межпоколенная (диахронная) трансляция противопоставляется обычно «синхронной трансляции».

Внешняя инкультурация это как раз вариант «синхронной трансляции», то есть это приобщение к данной культуре (этносу) представителей других культур. Хотя синхронный обмен информации непрерывен и внутри этноса между этнофорами (например, мода), и этнографическими группами.

«Инкультурация» ведет к «аккультурации», та – к «ассимиляции», которая, как мы поняли, обычно начинается с языка. Без языковой «ассимиляции» культурная практически невозможна, но при аккультурации языковая ассимиляция протекает быстрее и, скорее всего, заканчивается полной утратой собственной (или прежней) идентичности.

В процессе этнических контактов и взаимодействия этносов постоянно происходит процесс «межэтнической интеграции». Это процесс культурного сближения разных этносов без слияния их в единое целое. Обычно такие процессы непрерывно происходят в крупных государствах, империях, союзах. Например, в СССР, ЕС, ОИС. Здесь сотрудничество и интеграция не обязательно приводит к культурно-языковому единству.

Вследствие «межэтнической интеграции» складываются особые мета (или мега) этнические общности, представляющие собой группу этносов (суперэтнос), которые обладают элементами общего самосознания. Как мы увидим в следующих лекциях, следствием процессов межэтнической интеграции становится, например, формирование историко-этнографических областей (или провинций). Эти процессы характерны для всех длительно существующих полиэтнических государств. В настоящее время межэтническая интеграция интенсивно разворачивается в большинстве развитых стран мира. Но процессы интеграции не обязательно ведут к аккультурациям и ассимиляции, как может показаться некоторым исследователям. Этничность ведет себя довольно непредсказуемо, что собственно и представляет предмет этнологического анализа, в том числе изучения этнических процессов. К примеру, возьмем Великобританию, в которой более тысячелетия шли интеграционные процессы между английской, валлийской, шотландской, ирландской этническими общностями и государствами. В результате уже давно сложился союз – королевство Великобритания и для многих понятия Англия и Великобритания – вполне синонимичны. Но вдруг в начале нового века и тысячелетия Шотландия заявляет претензию на самостоятельность (пока автономию). Аналогичный процесс мы наблюдаем в Испанской Каталонии или Канадском Квебеке. Так что не все так однозначно, как кажется.

В то же время интеграционные процессы не проходят бесследно. В СССР, к примеру, действительно шел процесс формирования «новой исторической общности людей (читай – этнической) – советский народ». Так говорил генеральный секретарь КПСС на ее XXV съезде. И несмотря на все насмешки, эта общность действительно складывалась и она проявляла себя в продолжение четверти века после распада СССР. Только теперь, нужно сказать не без «титанических» усилий «этнонационалистов» всех постсоветских республик, эта инерция реально идет на спад.

Еще в резерве этнических процессов можно выделить процессы консолидации. В отличие от интеграции консолидация подразумевает сознательные объединительные действия, стремления к сближению, настойчивые акции по сближению. Консолидационные процессы очень характерны для политической сферы, хотя они влекут неизбежно консолидацию в сфере культуры, идеологии, психологии и пр. Например, консолидационные процессы характерны для гражданских наций (россияне, американцы, канадцы и др.). Для этносов это внешняя консолидация. Но есть и сугубо внутри этническая консолидация, например, большинство народов проходят эту стадию в процессе этногенеза, причем всплески консолидации вероятны и в ходе этнической истории. Причем скорость консолидации зависит от уровня социально-экономического развития и интенсивности хозяйственных связей между его отдельными частями этноса, характера расселения субэтнических групп и частей этноса, степени сложности этнической структуры, уровня языковой однородности, степени однообразия

культуры, конфессионального единства или, напротив, многообразия и мн. других факторов.

Некоторые исследователи считают, что в результате межэтнической интеграции и внутриэтнической консолидации (субэтнических групп) или родственных племен сокращается число этносов в мире, регионе или стране. Как мы отмечали в предыдущей лекции, это скорее иллюзия, чем правда. Реальное число этнических общностей не сокращается, а сокращается число официально (субъективно) учитываемых государством народов. Сокращение числа этносов в официальной статистике еще не повод считать, будто бы речь идет о реальном исчезновении некоторых общностей, особенно МЭГ или МН.

Если сравним данные из учебников этнографии 1980-х с современными данными, мы увидим, что «укрупненные этносы», объявленные самостоятельными социалистическими нациями («этнонациями») в эту эпоху, сегодня «развалились», то есть испытали различные формы энтропии и процессы сепартизации. Это, например, грузины, сегодня прочно разделившиеся на осетин, лазов, абхазов, а за ними могут заявить о себе и лезгины, и сваны, и другие этнографические группы. Аналогичные процессы происходили и в других республиках ССР, Кавказа и Закавказья.

В мире сегодня «межэтническая консолидация свойственна прежде всего населению развивающихся стран». Но нетрудно заметить, что скажем этнические общности Африки находятся совершенно на другой стадии развития и, кроме того, здесь процессы консолидации могут и часто бывают продиктованы задачей выживания в сложных экологических условиях. Такие процессы сегодня особенно активны в Центральной части Африканского континента, в Океании и Южной Америке.

Этнические процессы еще различаются по своему содержанию. Это, как правило, объективные процессы, не связанные напрямую с контактами и взаимодействием (повторяем – напрямую, потому что косвенное влияние этносов друг на друга не прекращается никогда, ни на минуту). В этом смысле принято выделять «этнодемографические», «этноязыковые», «этнопсихологические», «этнокультурные процессы». Эти процессы, как правило, и объективны, и эволюционны. Мы обратим внимание на три аспектных процесса: «этнодемографические», «миграционные» и «языковые».

Сами они могут быть обусловлены чем-то внешним, но развиваются, как правило, независимо от воли людей, хотя люди (этнофоры) часто пытаются регулировать этими процессами. Даже демографическими. Всем известны политические меры, принятые в свое время в Китае по сокращению рождаемости или наоборот меры, предпринимаемые сегодня в России для ее увеличения.

Демографические процессы – это понятие емкое и включает в себя все основные показатели «воспроизводства населения» (этноса): рождаемость, смертность, скорость смены поколений, СПЖ, брачность, заболеваемость, среднюю продолжительность жизни, а так же факторы, влияющие на эти процессы. В их числе важнейшими следует считать миграционные процессы, так как именно они во многом определяют показатели прибыли и убыли

населения разных регионов, а следовательно влияют и на этнокультурные процессы.

Вообще-то в этногенетических процессах и в этнической истории миграции всегда играли огромную роль, факторную роль. Достаточно вспомнить понятие Великое переселение народов, происходившее в Евразии в первые века новой эры и ставшее причиной полного изменения этнографической картины континента.

Об этом мы будем говорить в одной из последних лекций в рамках данного курса. Но важно еще понимать, что настоящая эпоха глобализации сама создает грандиозные предпосылки к великим миграциям, начало которых мы наблюдаем в наплыве населения Юга в Европу и Америку, и Россию. Это еще предстоит осознать и осмыслить.

Продолжаются и активные процессы урбанизации, в которых внутренние миграции населения разных стран чрезвычайно интенсивны. Вспомним, что в начале XX века население России было на 87 % сельским. Сегодня этот показатель почти «зеркально обратный». Городское население составляет 73.5 % населения страны. Причем тенденция сокращения сельского населения продолжается. Процесс этот опасен не только дисбалансом, нарушающим системы жизнеобеспечения этносов, но еще и такими побочными явлениями, как «ложная урбанизация», которая не сопровождается улучшением качества жизни мигрантов в городах, а наоборот. Так что демографические и миграционные процессы требуют самого тщательного изучения и внимания.

А в целом стоит понять, что все вышеназванные «этнические процессы» не могут рассматриваться изолированно друг от друга, наоборот один процесс влечет за собой другой, происходят непрерывные изменения в этносе благодаря этим процессам, что собственно и отвечает на вопрос, что такое «процессуальность этноса». И трудно найти точную границу между всеми этими процессами, поэтому мы затронули только очевидные аспекты этнических процессов и многое еще скрыто от глаз исследователей, продолжающих этнологический поиск.

РАЗДЕЛ III. КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ МИРА

Преамбула: Для чего нужна классификация?

Многообразие мира охватить разумом единомоментно и в целом невозможно. Даже самое богатое воображение не позволит это сделать. Но, когда мы говорим «народы мира», в нашем воображении возникает какой-то образ. Кто-то представит себе карту, кто-то глобус, а кто-то людей – представителей разных рас.

Есть, однако, способ представить себе это многообразие через специально разработанные визуальные средства: таблицы, схемы, рисунки, модели, диаграммы и пр. А в их основе лежат, как правило, какие-то параметры распределения информации. В этнологии, как и в любой другой науке, такое общее осмысление объекта, в данном случае – этнической картины мира, основывается на научной систематизации материала. Это и есть классификация.

Следует сказать, что классификация – не догма, а лишь научный инструмент познания мира. Это значит, что не обязательно придавать классификациям самодостаточное значение. В этом ошибка многих исследователей, педагогов и учащихся. Речь о том, что людям свойственно сначала создавать классификации, а затем строго привязывать к ним классифицированные объекты и все явления мира. В результате иногда исследователи не могут абстрагироваться от установленных представлений об объектах, однажды помещенных в тот или иной класс, разряд, ряд и т.п. Но в том и дело, что в основе всякой классификации заложен тот или иной принцип различения. А принципы обычно выбираются, во-первых, исходя из того уровня знаний, которым обладает исследователь (наука) об этих объектах на данный момент времени. Во-вторых, они устанавливаются (избираются) конкретными людьми, исходя уже из их непосредственной квалификации и компетенций. И то, и другое, как мы понимаем, субъективно и временно. Поэтому не стоит удивляться тому, что существуют разные классификации одних и тех же явлений или что вдруг кто-то вносит коррективы в старые классификации. Важно только, чтобы обновления носили обоснованный, т.е. научный характер.

А еще классификации зависят от того, какой именно критерий избирается для рассмотрения тех или иных явлений и объектов. Это особенно хорошо иллюстрируется на примере классификации народов мира. Их мы и рассмотрим на этой лекции.

В этнографии используется несколько различных классификаций. Их различие в данном случае обусловлено объективными причинами, а именно тем, что они были разработаны изначально в системе других наук, но с успехом применяются в этнографии (этнологии). Это: антропологическая (расовая), географическая, хозяйственно-культурная, историко-этнографическая (историко-культурная), языковая и конфессиональная. Причем первые четыре тесно связаны между собой. Потому что они привязаны к ландшафтно-климатическим параметрам и естественным

границам земных территорий, то есть к географии. При этом антропологическая – еще и к биологии, ибо расовые признаки, по сути, биологические феномены. В основе языковой классификации лежит совсем другой историко-лингвистический признак, так же как и в основе религиозной (конфессиональной) классификации заложен признак историко-культурный или историко-философский. Поэтому мы рассмотрим сначала первые четыре классификации и отдельно пятую (языковую) с шестой (конфессиональной). А вообще-то, забегаая вперед, мы можем сказать, что применение сразу нескольких классификаций позволяет более полно, разностороннее изучать те или иные объекты, в нашем случае этносы. Каждая классификация помогает раскрыть этнос с той или иной точки зрения.

***

ЛЕКЦИЯ 9.

Антропологическая и географическая классификации

О классификации. Антропологическая классификация. Понятие раса. Расовая таксономия. Теория рас. Расизм. Научное понятие расы. Признаки рас. Расовые различия. Происхождение рас. Европеоидная, Монголоидная, Негроидная и Австралоидная расы. Малые расы. Основные характеристики рас.

Географическая классификация. Принципы. Понятия: континент, материк, зона, регион, область. Административные понятия. Государства, дистрикты, кантоны, районы, области. Географическая классификация народов мира.

1. Антропологическая (расовая) классификация

Первой мы рассмотрим так называемую антропологическую классификацию.

Эта классификация была разработана в рамках научной отрасли, которую принято назвать физической антропологией. В мире это часть общей антропологии (социальная, культурная и физическая). В России до недавнего мира физическая антропология была самостоятельной наукой, более того даже не было необходимости добавлять слово физическая, ибо антропология подразумевалась только как физическая. Только в 1990-е годы в России начинают распространяться понятия идее и набирают популярность социальная и культурная антропология.

Физическая антропология, как мы знаем, изучает физические особенности рас. В принципе изучается человек. Но в основе различия лежит расовый признак. Это, прежде всего, визуально наблюдаемые различия. Затем это различия антропометрические, т.е. те, которые подлежат цифровому измерению. Например, рост, вес, объем, строение. К этому, и это сравнительно недавний критерий, теперь добавляются генетические показатели, т.е. наследственные признаки. Конечно, все начиналось именно с того, что люди постигали именно расовые различия, их причины и суть. И к ним привязывали и культурные не только характеристики, но и способности. Деление общества на отсталые и цивилизованные народы в первую очередь было привязано к расовым показателям. Поэтому в основе антропологической

классификации лежит расовая и некоторые ее так и называют, но поскольку она все-таки сужает предмет анализа до только внешних признаков и носит несколько политизированный характер, в науке, в частности в этнологии, используется термин антропологическая классификация.

При обращении к этой классификации нужно знать, что расовые различия возникали исторически и в результате проживания в разных ландшафтно-климатических условиях, то есть (цитата): «физические различия между людьми, исторически сложившиеся в ходе их развития в различной естественно-географической среде называются расовыми». Поэтому мы можем дать и определение расы. Воспользуемся готовой формулой общепризнанной в целом в Российской этнологии: «Расы – это исторически сложившиеся группы людей, связанные единством происхождения, которое выражается в общих наследственных морфологических и физиологических признаках, варьирующихся в определенных пределах».

В прошлом расы жили фактически изолированно, чем и было обусловлено устойчивое различие признаков. Теперь, когда мир стал совсем «тесным», расовое взаимодействие настолько интенсивно, что постоянно рождается значительное количество переходных расовых признаков и форм. За счет этого расовые различия стали менее устойчивыми, а переходных форм, наоборот, больше и они стали «ближе» к границам этносов. Например, латиноамериканские этносы (бразильцы, мексиканцы, кубинцы) – это яркие примеры расовой миксации, метисации в пределах этносов. Так что у некоторых этносов стали формироваться более значительные, чем раньше, физические отличия. Чем, например, в прошлом отличался в физическом облике «северный» француз от немца? Почти ничем. Теперь временами этносы стали более узнаваемы. Хотя, как говорят в пределах этносов, многие на интуитивном уровне угадывают своих, что называется на взгляд. И в этом заключается один из загадочных феноменов этничности. Узнавание или распознавание своих, даже когда нет других маркеров кроме физических.

Но вернемся к понятию раса. Антропология считает расы совокупностью территориальных групп людей, то есть фактически расы – это популяционный признак (популяция). Значит, расовые признаки должны рассматриваться только на уровне групп, а не отдельных людей. По всем основным морфологическим, физиологическим и психологическим характеристикам сходство между всеми расами больше, чем различие. Это значит, что в принципе люди одинаковые. По сути. Предполагается, что современные расы начали складываться в позднем палеолите и с тех пор они все время изменяются, сначала отдаляясь друг от друга (дифференцирующие признаки), затем наоборот сближаясь и образуя новые, переходные формы (общие признаки).

Если расовые признаки имеют никакого значения для исторического развития человеческих общностей и их культуры, зачем, можно спросить, нужна антропо-классификация. А для того, чтобы реконструировать историю их взаимодействия установления степени их родства и, в частности, для того, чтобы доказательно противостоять расистским теориям, например! Это важно

и для других наук, например, применимо в медицине, биологии, психологии и др.

Расовые признаки различны. Одни из них внешние, другие морфологические или устанавливаемые только на уровне измерений, третьи, как уже говорилось, действуют на уровне физиологии (органика и генетика).

Внешние признаки:

Важный признак расы – цвет кожи (пигментация). В сущности, вместе с некоторыми морфологическими признаками он был самым первым в различении рас. Определенное значение при расовой диагностике имеет сочетание окраски кожи и волос. Темная окраска кожи и волос свойственна большей части африканцев. Темные волосы, но более светлая пигментация кожи у обитателей Южной Европы, у значительной части коренного населения Азии. Вообще европейцы белокожие, не даром в Америке они получили прозвище бледнолицых. Первое противопоставление рас было на уровне белое-черное, затем к этому прибавились понятия «желтая раса», «краснокожие» (индейцы мезоамерики), «коричневые».

Второй признак – форма и цвет волос головы и степень развития третичного волосяного покрова (усы, борода). Например, у европейцев обычно волосы мягкие, волнистые или прямые (50/50). У монголоидов волосы почти всегда жесткие черные и прямые (волнистость и кудрявость отсутствуют вообще). Зато у негроидов кучерявость волос достигает максимума и вообще основное свойство этого признака (волос). Третичный волосяной покров сильно развит у обитателей Европы, Передней Азии, Закавказья, коренного населения Австралии. Слабее он выражен у многих групп африканцев, населения некоторых частей Азии. А у некоторых групп Азиатов отсутствует совсем.

Третий (внешний) признак – параметры тела: рост, вес и пропорции. По росту и пропорциям тела выделяются главным образом некоторые малорослые (пигмейские) группы в Южной Африке, нилоты в Восточной, негритосы Юго-Восточной и Южной Азии и некоторые другие локальные группы. Хотя есть усредненные массовые показатели, согласно которым выделяются низкорослые и высокорослые группы (популяции и даже «нации»).

Четвертый из признаков уже морфологический измеряемый, но и наблюдаемый чисто визуально. Это строение головы и лица, так называемый «головной указатель». Точнее, соотношение длины и ширины черепа (длинно-средне-короткоголовость). Этот признак существенно вариативный внутри расы. Поэтому его использование в качестве расопоказательного не убедительно.

Выделяют в числе более важных другие признаки: уплощенность лица, наличие эпикантуса, форму носа, длину шеи или строение челюсти и др. Есть еще более существенные и специфические признаки: гены, группы крови, строение разных типов зубов (резцов, клыков, моляров), отпечатки пальцев, параметры отдельных частей скелета и пр.

Теперь непосредственно классификационные группы.

Расы делятся на большие и малые. Большие расы – это устойчивые выделяемые по совокупности вышеназванных признаков. Малые расы – это сравнительно молодые переходные формы, возникающие в маргинальных популяциях. Больших рас всего четыре. Их объединяет общность происхождения. Но не в смысле их одинаковости, а в смысле синхронности процесса расообразования, т.е. в единое время, под влиянием одних и тех же, видимо, внешних факторов. Это европеоидная, монголоидная, негроидная и австралоидная расы. Но ареалы распространения расовых типов не имеют строгих границ, поэтому постоянно в зонах контактов идут процессы смешения и расообразования, то есть возникают переходные, контактные расы. И самым ранним примером является австралоидная «большая раса», возникшая давно и постепенно, но она самая молодая из всех.

Почему? Именно потому, что она, суть – смешанная раса, сочетающая в себе главные и явные признаки трех более ранних рас.

Расы имеют традиционные – исторические ареалы обитания (они же и «очаги формирования рас»). «Родиной» европеоидов является, понятно, Европа и видимо Ближний Восток. Монголоиды обитают в основном в Азии и северных широтах. Негроиды и Австралоиды большей частью в Африке, Австралии и Океании (преимущественно в Южных широтах). Это историческая картина. Но при современных средствах коммуникации миграции людей и целых общностей настолько интенсивны, что теперь границы рас не столь очевидны.

Так, европеоиды обитают уже на всех континентах и образуют множество малых рас и групп («второго порядка»). Монголоиды обитают в основном в Сибири и Зарубежной Азии. К монголоидам причисляют антропологически очень своеобразных американских индейцев. Много монголоидов теперь в Океании и Австралии. Поэтому монголоидная раса подразделяется на континентальную, тихоокеанскую и арктическую ветви. Основные зоны обитания негроидной расы находятся в Африке. Сегодня их много в Северной и Южной Америке. К негроидной расе относятся негры, негрилы, бушмены и готтентоты, так называют эти малые расы.

К австралоидной расе принадлежат: коренное население Австралии, папуасы и меланезийцы, а так малые расы негритосов и веддоидов – это жители островов Юго-Восточной Азии и Шри-Ланки. Их главный отличительный признак – низкорослость. К числу «переходных групп» между негроидной, австралоидной и европеоидной расами, наряду с «веддоидами», можно отнести «дравидов» Южной Азии, эфиопов, айнов, а так же мулатов, метисов пр. группы в Южной и Средней Америке, Африке и некоторых других частях планеты.

2. Классификация – географическая или пространственная.

В ее основе заложен другой признак, а именно ареальный (территориальный). Он внешний по отношению к этносу. Геоклассификация рассматривает народы по регионам. Пространственная классификация в обыденном сознании всегда была простейшим способом постижения

этнического многообразия. Она, скорее всего, и была первой классификацией народов. Европейцы, Африканцы, Азиаты и Американцы, так могло это звучать в устах обывателя и ранних исследователей географии. Геоклассификация и самая логичная для ранжирования народов потому, что мы обычно соотносим этнос с определенными территориями и ландшафтами.

Итак, географическая классификация рассматривает человечество по отдельным группам и народам в соответствии с местами их обитания. Но при этом она не берет во внимание исторический аспект, т.е. не учитывает их происхождения, показатели уровня развития, качества и характера социально-экономических отношений, параметров культуры. Поэтому географическая классификация больше используется при описании народов, чем при их исследовании. Это заметно уже в названиях географических и описательных трактатов (Путешествие к народам ...Африки,... Юга Азии, ...Евразийской степи... и т.п.). Но в реальности проживающие в регионах, взятых в качестве единиц геоклассификации, народы обычно (во всяком случае, часто) имеют общее происхождение и сходную культуру. Тем ценнее географическая классификация для этнографической науки.

Наиболее крупная единица этой классификации – континент. В этом случае употребляются термины; народы Европы, народы Азии, народы Африки, Америки, Австралии.

Другая, более мелкая единица классификации – внутриконтинентальные ареалы. Здесь используется терминология ориентации по частям света; Север-Юг, Запад-Восток. Например, в классификации народов Евразии рассматриваются отдельно: Народы Европы, Народы Азии, внутри этих регионов – народы Западной Европы, народы Восточной Европы, Народы России-Евразии (эта единица классификации введена сравнительно недавно), Народы Азии рассматриваются в пределах Западной Азии (или Ближнего Востока), Средней Азии (хотя чаще ее называют Центральной – это понятие несколько шире по территории, чем Средняя), Южной Азии, Юго-Восточной Азии.

Континент Австралия обычно рассматривается вместе с Океанией. В последнее понятие включаются архипелаги, острова, в том числе крупные – новая Зеландия, например.

В общем, в каждой стране или группе стран может быть принята своя географическая классификация. Все дело в том, что у каждой страны свое видение и географии, и своих геополитических интересов, исходя из которых обычно строится и географическое видение мира, и соответственно классификации.

Ниже мы рассмотрим ту классификацию, которая была принята в России XX века (точнее в СССР, но она теперь почти не изменилась, разве что появилась большая единица (термин) Страны (и народы) СНГ или «ближнего зарубежья»). В целом наша классификация выглядит так:

Народы России с подразделением на народы европейской части, Сибири и Дальнего Востока, Кавказа.

Народы Казахстана и Средней Азии или Азиатской части СНГ.

Народы Зарубежной Азии. О ней уже говорилось.

Народы Африки. Условно Африку можно разделить на Восточную, Западную, Северную и Южную. В литературе нередко ограничиваются выделением Северной и Тропической (Центральной) Африки.

Народы Австралии и Океании. Ареал подразделяется на области: Австралия и Тасмания, Полинезия, Микронезия, Меланезия.

Народы Америки. Америка делится на три крупные области: Северную, Центральную и Южную.

Народы Зарубежной Европы.

ЛЕКЦИЯ 10.

Хозяйственно-культурная и историко-этнографическая классификации

Хозяйственно-культурная и историко-этнографическая (ареально-культурная) классификации. Типология и классификация. Тип, вид, класс. Ландшафт, климат, системы жизнеобеспечения. Понятие хозяйственно-культурный тип (ХКТ). Принципы классификации по ХКТ. ХКТ сегодня.

Классификация по ИКТ или ИКР. Понятия Историко-культурная провинция, Историко-культурная (этнографическая) область, Историко-культурный регион. Культурогенез. Общий слой культуры. Историко-культурные области.

1. Классификация по хозяйственно-культурным типам (ХКТ).

Типология – то же, что и классификация, только термином классификация охватываются более крупные, как правило, всемирные или всеобщие явления. Внутри классификаций обычно выделяют видовые ряды, затем типологические (или заменяют эти термины более специальными, принятыми в конкретных науках). Классической в этом смысле выглядит видовая классификация в биологии. В других научных классификациях кластерная или таксономическая номенклатура не так ясно выражает суть ранжируемых объектов.

А в классификации менее крупных явлений и вовсе применяют иной термин, понятие типология. В типологической градации основной единицей является тип.

Так, с географической классификацией тесно связана классификация по хозяйственно-культурным типам ХКТ. Это специфическая классификация, но очень важная. Во-первых, она значительно ближе к собственно этнографии, чем предыдущая, поскольку рассматривает непосредственно культуры этносов и не отдельно, а в пределах природно-климатических зон. Более того, сама классификация строится исключительно на этнографическом материале, то есть на данных о быте и хозяйственной (материальной) культуре.

Ученые давно подметили, что проживающие в сходных географических ареалах народы, даже если речь идет о разных континентах, имеют довольно близкие, если не сказать общие, показатели материальной культуры, прежде всего типы хозяйственно-культурной деятельности. Это

особенно заметно в широтном рассмотрении географии народов. Например, народы северных широт или, скажем, арктического побережья очень похожи друг на друга, хотя они и разные. Особенно в Америке и в России и особенно вследствие контактов с «цивилизацией» в XX веке.

Но в целом они чрезвычайно близки между собой – эскимосы и алеуты, коряки, нивхи, чукчи, эвенки и пр. Близки именно по хозяйственно-культурному комплексу, а эта характеристика безусловно является и факторной в развитии духовной культуры этих народов, которая чрезвычайно сближает их.

Классификация по ХКТ имеет существенное значение для этнографии и необходима для изучения вопросов этногенеза и этнической истории разных народов, истории возникновения и развития разных типов хозяйства и материальной культуры, исторических и культурных связей между народами, а также для понимания культурной эволюции человечества.

Определение: хозяйственно-культурный тип – комплекс особенностей хозяйства и культуры, который исторически складывается у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях природно-географической (ландшафтно-климатической) среды.

Хозяйственно-культурные формируются долго. В основе их формирования адаптация этноса к окружающей среде. Известные сегодня типы формировались на протяжении всей человеческой истории в ходе эволюции, расселения племен на планете и как раз посредством постепенной адаптации. Большинство известных хозяйственно-культурных типов сформировалось в рамках доиндустриального общества и является продуктом развития натурального хозяйства.

Несколько слов об истории развития конкретных ХКТ. Почти нет источников информации о хозяйственно-культурных типах, в древнейших обществах. Об этом есть только предположения. И перволюди были, безусловно, собирателями и вели, скорее всего, примитивный кочевой образ жизни, бродя в поисках пропитания в пределах заданных территорий. Позже у человека вида «*homo sapiens*» появились навыки охоты и он стал осваивать более сложные навыки хозяйствования, по мере развития которых расширялись ареалы обитания человека и совершенствовались его навыки к адаптации в разных ландшафтах и климатах, пока, гонимый обстоятельствами и миропониманием типа «мы», «они», малыми популяциями расселился по всей планете, включая северные и южные пределы, где и существовал тысячелетиями и только XX век вновь соединил эти разрозненные части вновь в единое целое.

Хронологически этот процесс выглядел так: первые хозяйственно-культурные типы формировались «в позднем палеолите» и в почти неизменном виде просуществовали многие века вплоть до Нового времени (до 16 века включительно). Значительные изменения произошли в традиционных хозяйственно-культурных типах в процессе индустриализации и научно-технической революции в условиях капитализации общества и формирования различных типов современного государства, включая социалистический.

Мы полагаем, что процесс формирования ХКТ далеко не завершен и продолжает развиваться. Ведь мы видим, что одни исторические типы известны с глубокой древности, другие возникли позднее. Будут ли возникать новые? Несмотря на существующие прогнозы, что глобализация, скорее всего, поглотит все разнообразие культур и нивелирует все различия, никто не может сказать этого уверенно. Сложится, наверное, новая форма культурного разнообразия даже в рамках глобального общества. Мы в этом убеждены. Природа не терпит единообразия.

Но поскольку скептики не только считают, что ХКТ уже не будут возникать, но и совершенно не пытаются приглядеться к современному обществу с этой точки зрения. Поэтому хозяйственно-культурная классификация сегодня имеет ограниченное значение и мало применяется к современным условиям, за исключением неразвитых еще регионов и обществ. Ну и конечно принцип ХКТ используется в историко-этнографических реконструкциях (рассказах о культуре в прошлом). Исторические ХКТ по уровню развития общества распределяются на группы: группа, ведущая присваивающее хозяйство (охота, рыболовство, собирательство). Вторая – производящая, с преобладанием ручного мотыжного земледелия и животноводства. Последняя – продвинутая с развитым земледельческим хозяйством плужного типа, многопольем и пр.

Первая группа ХКТ наиболее архаична и соответствует первобытнообщинному уровню социально-экономического развития. Тип бродячих охотников и собирателей, сохранявшийся еще недавно в географически изолированных областях тропической зоны, теперь уже почти исчез. Племена, относящиеся к этому ХКТ, не были знакомы с выплавкой металла и обработкой его в горячем виде. Многие вообще не знали металла. Орудия труда и оружие они и теперь изготавливают из камня, дерева, кости, раковин и тому подобных материалов.

Уровень социально-экономического и культурного развития у некоторых народов, занимающихся на побережьях морей и океанов главным образом рыбной ловлей и собирательством, примерно такой же, как и у бродячих охотников и собирателей. В наше время этот хозяйственно-культурный тип тоже исчезает.

Более развиты социально-экономические отношения у охотников северной лесной зоны Северной Америки и Северной Евразии, в прошлом этот хозяйственно-культурный тип имел широкое распространение у многих племен Канады, США, обитателей лесов севера Сибири.

Жители побережья северных морей, занимавшиеся на побережьях устья рек, морей, океанов, издавна промыслили рыболовством и жили оседло. Особый тип в этой полосе – хозяйственно-культурный тип охотников на морского зверя. В наше время он сохраняется только у отдельных групп зарубежных эскимосов севера, промысляющих в Северном-Ледовитом океане.

Другие характеризуются в общем производящим хозяйством: это земледелие и животноводство. И то, и другое по данным археологии возникло

примерно 10 тыс. лет назад в Месопотамии, точнее в Восточном Средиземноморье, на юго-западе Средней Азии. Следы этого типа хозяйствования обнаруживаются в Юго-Восточной Азии, а в более поздние времена известны в мезоамерике. В эпоху развитого родового строя и времени разложения первобытнообщинных отношений известен тип ручного мотыжного земледелия, сложившийся еще в первичных центрах возникновения производящего хозяйства. Этот тип известен по первым письменам Древних Цивилизаций Востока: Шумера, Египта, Ассирии, Вавилона, Китая и Индии. Позже в древнейших государствах Азии и Африки появляется ХКТ плужного орошаемого земледелия.

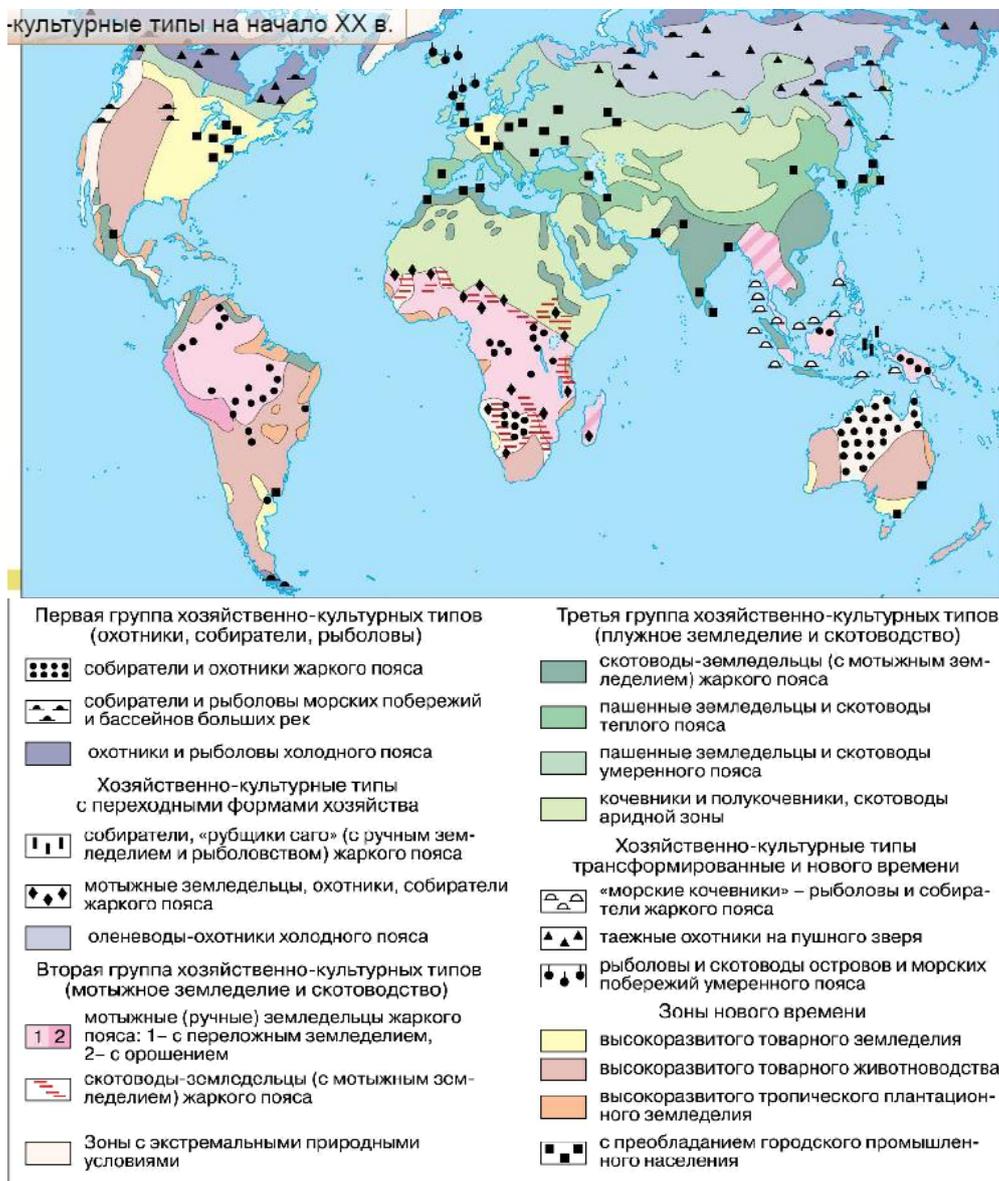
В конце прошлой и начале новой эры плужное земледелие получило распространение во всех природно-географических зонах земли, за исключением Арктики и Австралии, где оно практически невозможно. Одновременно с плужным земледелием развилось и домашнее пастбищное животноводство, а со временем ремесло, как отдельная система хозяйствования. Ремесло становится основой для развития промышленности и социально-экономической революции – разделению труда и профессиональной специализации.

В ходе общественного разделения труда в конце эпохи бронзы и начале железного века во многих засушливых областях Азии, позднее и Африки выделился самостоятельный ХКТ в виде кочевого и полукочевого скотоводства. Кочевничество представляло собой экстенсивное пастбищное скотоводство в условиях среды, непригодной для ведения интенсивного земледелия. Наибольшего развития кочевничество достигло в средние века, но постепенно стало изживать себя как экстенсивная форма хозяйства, и кочевники либо переходили к товарным видам животноводства, либо к оседлому земледелию и другим видам занятий. В наше время кочевничество сохраняется только в отдельных, наиболее отсталых районах Зарубежной Азии и Африки. В 1 тысячелетии до н.э. в Южной Сибири и Северной Азии развивается по примеру кочевого скотоводства особая ветвь животноводческого хозяйства — оленеводство. Но оленеводство было главным источником существования только у немногих групп обитателей Сибири. У большей части оленеводов олени служили главным образом транспортным средством, а основные средства существования доставляли охота, рыболовство и собирательство.

Итак, хозяйственно-культурные типы – это исторически сложившиеся комплексы хозяйств и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но живущих в сходных географических условиях и находящихся на одинаковом уровне социально-экономического развития.

Одну из типологий ХКТ разработал Б.В. Андрианов. Он рассмотрел культуры и способы хозяйствования по состоянию на начало XX в. А дальше как мы уже отметили, считается, что в условиях индустриализации традиционные ХКТ исчезают, как и само понятие становится ненужным. Вот эта типология: 1) охотники, собиратели, рыболовы; 2) хозяйственно-культурные типы с переходными формами хозяйства; 3) мотыжное

земледелие и скотоводство; 4) плужное земледелие и скотоводство; 5) трансформированные и хозяйственно-культурные типы нового времени; 6) зоны нового времени (высокоразвитого товарного земледелия и животноводства, тропического плантационного земледелия, с преобладанием городского промышленного населения).

URL:

Историко-этнографическая классификация

Это разделение мира по историко-этнографическим областям или (если говорить непосредственно о народах, их группах) общностям. Но правильнее все-таки употреблять термин «области» или «провинции» (ИЭП или ИКП) потому, что в основе этой классификации лежат естественные географические границы.

Но обо всем подробно. Классификация народов мира по историко-этнографическим областям, так же как и по ХКТ, была разработана в этнографии, причем в Российской, а точнее Советской науке. Главными теоретиками этих классификаций были С.П. Толстов, М.Г. Левина и Н.Н.

Чебоксаров. ХКТ, как мы уже видели, много внимания уделял Б.В. Андрианов, а вот вопросами ИКР подробно занимался ученый из Башкирии – Р.Г. Кузеев.

Как и ХК типология, эта классификация основана на сходстве и различиях народов по культуре, однако здесь рассматривается не уровень развития и хозяйственная адаптация в определенной природно-климатической и ландшафтной среде (экологической нише), а однотипность культуры, точнее явно выделяемый общий слой культуры, наблюдаемый у нескольких соседствующих народов, отличающий данную группу от других подобных групп. Это называется культурогенез. В принципе термин более многозначный, но в данном случае применимый для обозначения того, что у групп соседствующих народов в результате их долгого взаимодействия вырабатывается общий слой культуры, причем одинаково и в материальной, и в духовной культуре. При этом важно иметь в виду, что нередко идет речь об очень разных народах не родственных по языку, принадлежащих к разным расам и конфессионально различным.

Необходимо также иметь в виду еще одно обстоятельство: эти группы соседствующих народов образуются естественным путем, по одной внешней причине области их обитания обычно возникают в географических нишах, имеющих естественные границы: горные массивы, большие реки, значительные протяженности границы ландшафтов: границы пустынь и обычных территорий, леса и степей, довольно ярко выраженный пример – это островные массивы или отдельные крупные острова (как, например Великобритания) и т.п. Именно эти естественные границы и создают условия для формирования историко-культурных провинций и областей.

Попытаемся понять этот механизм. Этносы в принципе – это мобильные общности, с древних времен наблюдаются их постоянные миграции и в то же время выделяются очаги оседания. Причем последний феномен прежде всего обусловлен бывает невозможностью пересечь какие-то, как мы уже говорили, естественные рубежи. Тогда и миграции приобретают локальный характер. Этносы в этих естественных «котлах» взаимодействия варятся каждый сам по себе, но и ландшафт, и взаимовлияние так или иначе способствует выработке со временем общего слоя культуры. А самое важное, у них начинают складываться традиции взаимопонимания и толерантности.

Главной и самой крупной единицей классификации считается «провинция». Внутри «провинций» выделяются «области». Хотя эта иерархия еще не достаточно прочно утвердилась в научной литературе. Потому, наверное, что сама классификация была принята научным сообществом сравнительно поздно, ей не более 50 лет. И не вся терминология, связанная с этой классификацией, еще утвердилась, более того, некоторые исследователи термины «область» и «провинция» рассматривают до сих пор как синонимичные, а не иерархически разноуровневые (таксономические). Есть предложения вообще отказаться от таксономического деления и использовать вместо терминов область и провинция один термин – «общность». В принципе это логично, но еще не утвердилось окончательно, поэтому мы упомянули обо

всех понятиях. Главное – это знать и понимать смысл и необходимость данной классификации. Дело в том, что это знание и соотнесение того или иного народа с его этнографической областью помогает и в решении вопросов этногенеза данного народа, и в понимании особенностей его культуры и таким образом в определении перспектив развития данной общности и этноса, его культуры.

Таким образом, (определение): «Историко-этнографическая общность – часть ойкумены, у народов которой в силу единства исторического развития, длительных связей и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности». Разумеется, прежде всего это касается материальной культуры, но в очень значительной степени и духовной культуры: верований, обрядов жизненного цикла, общественных отношений, этикета, традиционных форм семьи, общины, в целом социальной организации и норм обычного права. Неизбежно наблюдается языковое сближение, диалектальное единство, если языки далеки друг от друга, то языковые интерференции (заимствования) и формирование общего лексического фонда.

ИЭ и ХК классификации подразумевают, что выделенные в них единицы (провинции, области, общности) – категории исторические, т.е. преходящие. То есть они изменяются во времени, изменяют границы, параметры, даже могут исчезнуть и на их месте в новых конфигурациях новые общности. Разница между ИЭО и ХКТ только в том, что первые являются обязательно результатом совместного проживания и прямого или опосредованного взаимодействия. Но ХКТ – это одинаковый тип хозяйства и культуры, возникающий на достаточно отдаленных расстояниях у этносов, которые даже не подозревают о существовании друг друга. И это удивительный феномен (особенно когда мы наблюдаем аналогии в духовном мире этих народов).

И еще. Важно, что ХКТ – это общности, объединенные в основном климатическими (как правило, широтными) параметрами, а ИЭО – это географические (ландшафтные, региональные) общности. Следует напомнить о том, что мы говорили в начале раздела о классификациях, – они субъективны. И существует несколько разных классификаций ИЭО. В среде этнографов, как упоминалось, есть понимание относительно давно выделенных отдельных ИЭО, например Волго-Уральской, но относительно общей картины ИКП еще не сложилось, к тому же есть расхождения в деталях обозначения границ областей и их названий. Например, ту же Волго-Уральскую ИЭО некоторые называют Волго-Камской (это означает, что от данной общности может быть отторгнута Зауральская часть, что в целом неверно).

И все же есть некие усредненные классификационные системы. Одну из них мы возьмем для примера и лучшего понимания этого вопроса. Это историко-этнографическая классификация Евразии.

2. Историко-этнографические общности европейского региона:

1. Западноевропейская провинция делится на четыре области: 1) Центральноевропейскую (Германия); 2) Южноевропейскую (Средиземноморье); 3) Атлантическую (приатлантические страны); 4) Северноевропейскую (государства Северной Европы). Для ее территории характерно значительное разнообразие географических условий – от холодных зон Скандинавии и островов Атлантического океана до субтропиков Средиземноморья. Население этого региона относится к большой европеоидной расе и говорит на индоевропейских языках: германской группы (норвежцы, англичане, немцы и др.); романской (французы, итальянцы, испанцы и др.); славянской (поляки, чехи, болгары и др.); кельтской (бретонцы, ирландцы и др.); греческой и албанской групп, исключение составляют венгры, финны и саамы, говорящие на языках финно-угорской группы урало-юкагирской семьи, и баски, язык которых относится к числу изолированных. В религии доминируют различные ветви христианства.

Эта провинция довольно рано вступила на путь капиталистического развития и промышленного производства, многие элементы традиционной культуры ее населения быстро утрачивались и формировались общие, кстати, элементы урбанизированного пространства в тех же границах. Так что культура изменялась, а общность оставалась. И теперь мы говорим европейцы, часто совершенно опуская собственно этнический маркер.

2. Восточноевропейская провинция делится на четыре области: 1) Северную и Центральную (русско-белорусскую); 2) Прибалтийскую; 3) Волго-Камскую; 4) Юго-Западную. Для ее территории характерны различные природные условия: тундра и тайга – на севере и сухие степи, и участки пустынь – на юге. Большинство населения относится к европеоидной расе (латыши, русские, молдаване, карелы и др.), но в восточной части региона проживают народы монголоидного расового типа (калмыки, часть татар и др.). В лингвистическом отношении в провинции представлены языки: индоевропейской семьи – славянская группа (русские, украинцы и др.), балтийская (латыши, литовцы), романская (молдаване); урало-юкагирской семьи – финно-угорская группа (эстонцы, коми, мордва и др.); алтайской семьи – тюркская группа (татары, башкиры, чувашаи), монгольская (калмыки). Доминирующей религией было христианство, на юго-востоке региона значительную роль играл ислам, у калмыков – буддизм в форме ламаизма, на севере – верования и обряды.

В прошлом основным занятием большинства народов этой провинции было пашенное земледелие, но у некоторых в восточных и южных пределах – скотоводство в кочевой форме, на севере преобладала охота и рыболовство. Традиционным жилищем земледельцев были деревянные срубные дома, кочевники-степняки использовали войлочные юрты или шалаши, покрытые лубом или шкурами лошади и овцы. Северные скотоводы (оленоводы), охотники и рыболовы жили в чумах и полуземлянках. Одежда земледельцев была в целом однотипной, разница в основном касалась материала для

изготовления одежды, расцветки тканей и, конечно, орнаментации. Так же примерно одинаковым был костюмный комплекс разных кочевых народов. Они чаще использовали для ее изготовления кожи и шерсть, а северные народы – шкуры северного оленя и крупных морских млекопитающих. Традиционная пища земледельцев была крупяной и мучной с добавлением кисломолочных продуктов и мяса домашней птицы и скота, а также в основном в западных и южных областях – овощей, фруктов. Скотоводы в основном питались молочно-мясной продукцией, в рационе северного населения преобладали рыба и дичь. Семья была в основном «большой неразделенной» у всех народов и ближе к индустриальной эпохе наблюдался постепенный распад «большой семьи».

ЛЕКЦИЯ 11.

Языковая (лингвистическая) классификация в этнологии

Языковая классификация. Язык. Языковое родство. Языковые процессы. Кластер (таксон). Семья, группа, подгруппа, язык, диалект, говор, подговор – «под семья». Ветвь, фила, сток. Наречие.

Мировые языки. Языковые процессы. Крупные языковые семьи. Семьи-языки. Сепаратизм. Действующие и исчезнувшие языки. Индоевропейская, семито-хамитская.

Самой инструментальной (применяемой в различных исследованиях) в этнологии является языковая классификация. Это не удивительно, поскольку язык является главным и ярким признаком этноса, а в обыденном сознании людей главным «отличительным маркером» этноса. Объективно так оно и есть, если бы не одно но: будучи довольно подвижным, этот признак этноса имеет потенцию быстро изменяться, а этнос подвергаться столь же быстрой (с точки зрения истории) языковой ассимиляции.

Так или иначе, этнографы охотно используют в исследованиях языковую классификацию, хотя она разработана в рамках самостоятельной науки лингвистики. Важно отметить, что язык – это очень сложное явление, развивающееся по своим законам и потому для разработки классификации требуются глубокие и специальные лингвистические знания. Не все этнографы обладают такими знаниями. Даже владение иностранными языками и хорошее знание грамматики родного языка не обязательно является показателем понимания законов рождения, развития, эволюции и трансформаций в языке. Этим занимается специальная наука лингвистика, объектом которой является в основном теоретическая грамматика (или общая теория языка).

Лингвисты, изучая историю, сравнивая лексику и грамматику (больших и малых, в том числе так называемых «мертвых») языков народов мира, а так же расшифровывая древнейшие образцы письменности, разработали систему исторической и взаимосвязи языков, которая и стала основой последующих классификаций. В целом на сегодня, несмотря на чрезвычайное языковое многообразие, сложилась некая общая классификация, отражающая их происхождение и взаимосвязь.

В целом важно понимать, что изучение языков в мировом масштабе и в исторических координатах времени, – дело исключительной сложности. До недавнего времени у ученых не было даже общепринятого представления о количестве языков в мире. Введение в последние десятилетия в обиход компьютерных технологий способствовало обработке массивных потоков информации и позволило представить себе эту картину более точно. Но дело не только в возможности автоматических подсчетов при помощи ЭВМ, но и в критериях выделения самостоятельных лингвистических единиц – т.е. проще говоря – языков. Это уже вопрос чисто теоретический. Что считать самостоятельным языком, что диалектом и т.д.? В этом смысле существуют в мире научной мысли разные точки зрения. Одни полагают, что на статус самостоятельного языка могут претендовать только лингвистические системы, охватывающие значительные массы пользователей и имеющие абсолютно ясные границы несхожести с другими. Другие полагают, что на статус самостоятельного языка могут претендовать любые даже самые малые системы, имеющие столь же незначительные отличия от соседних, но признаваемые самостоятельными на уровне самоидентификации носителей этих языков. Споры по этому поводу продолжаются, кто прочего и на уровне чисто теоретическом (в отличие от бытового). Поэтому и оценки количества языков в мире довольно разные. Но для понимания общего уровня разнообразия достаточно знать, что даже самая строгая оценка уровня самостоятельности языков дает цифру примерно 2,5 тыс. языков в мире. А, положим, наиболее «демократичная» статистика даст результат подсчета около 7000 языков, а следовательно и народов в мире. В прошлом существовало еще примерно 4 тыс. языков, теперь их уже нет.

И все же лингвисты в целом сумели охватить это разнообразие выделить основные признаки разности языков, построить более или менее общепризнанную классификацию языков мира. И хотя, как и в предыдущих видах классификации народов, здесь есть несколько вариантов, в целом создана усредненная и общепринятая языковая классификация.

Суть этой классификации в том, что все языки распределены по признаку их родства и близости друг к другу. Подразумевается, что сначала в различных областях мира возникали новые языковые общности – их называли «семьями», которые затем делились на группы, те на подгруппы, последние распадались на собственно языки. А внутри языков возникали диалекты, диалекты делились на говоры, подговоры и так далее. Эта схема отражает не только историю складывания языков и семей, но и сам механизм образования новых языков, который легче всего понимается, если прочесть указанную схему наоборот.

Представим себе, что где-то сложился народ и соответственно язык. В отдельных его частях возникают подговоры, которые крепнут, образуя более устойчивые языковые союзы, говоры, при этом сама общность растет численно, а языковые различия все более накапливаются и приобретают уже серьезный – диалектальный, а затем и непреодолимый характер. Так образуется новый язык и новый народ. Несколько народов. Причем одни из

них ближе друг к другу, иные дальше, что объединяет их в подгруппы, а последние, по тому же признаку близости, – в группы. Все вместе они образуют семью. Языковая семья, таким образом, отражает историческое единство языков в нее входящих, степень их родства (близости или наоборот отдаленности) и этапы эволюции.

Понятно, что если признать справедливой формулу «один язык» – «один народ» (если в анализе применять сугубо научные критерии, то так оно и есть), то языковая классификация указывает с той же определенностью и степенью родства – близости и отдаленности народов. Но, правда, здесь уже требуются особые критерии научного анализа. Прежде всего, потому, что как мы уже знаем, язык хотя и важнейший, но не единственный и даже не самый главный признак этнической общности. По этому история языка часто имеет важное значение в этногенетических исследованиях, хотя, мы думаем, в отличие от некоторых ученых, что не обязательно решающее значение. Так как этнические общности, имеющие общее происхождение и пользующиеся общими по происхождению языками, могут сильно различаться по хозяйству и культуре, что объясняется так же историческими причинами. Это обстоятельство несколько ограничивает значение данных о языке и языковой классификации при этнографических исследованиях, поэтому они используются в этнографии наряду с другими данными и другими классификациями.

Итак, основными классами и таксонами языковой классификации являются: Семья, Группа, подгруппа, язык, диалект, говор, подговор. В некоторых классификациях существует кластер (таксон) – «под семья». В других, например, применяются термины Семья, ветвь, фила, сток. Но это не меняет общей сути классификации. То есть главное понять их соподчиненность.

Для прочности наших знаний попробуем дать определения основным таксонам классификации: «Языковая семья – устойчивая, исторически сложившаяся языковая общность, отражающая степень родства входящих в нее языков и их место в общей иерархии таксонов (ветви, группы, подгруппы, языки, наречия, диалекты, говоры)». В принципе данное определение применимо к каждому из таксонов классификации.

С точки зрения классификации, языковая семья – самая крупная единица (таксон), выделяемая по признаку родства, базовая единица, на которой основывается вся систематика. Языки, объединяемые в семьи, должны иметь определенный набор общих черт, выделенных согласно специально разработанному перечню признаков. То есть принцип лингвистической классификации подразумевает выделение сначала языковых универсалий – явлений, проявляющихся во всех языках, на их основе формируется базисный словарь – слова, обозначающие понятия, не зависящие от времени: называющие части тела человека, личные местоимения, числительные и т.д. Обычно в состав базисного словаря входит от 100 до 200 слов. Метод Мориса Сводеша). Например, разработан лексический список требует не менее 15% совпадений в базовом списке из 100 слов, которые также изменяются, но с

определенной скоростью, примерно 30 – 50 слов за тысячу лет. На основе этих данных можно определить давность разделения языка и единство того или иного языка и его носителя (этноса) в прошлом.

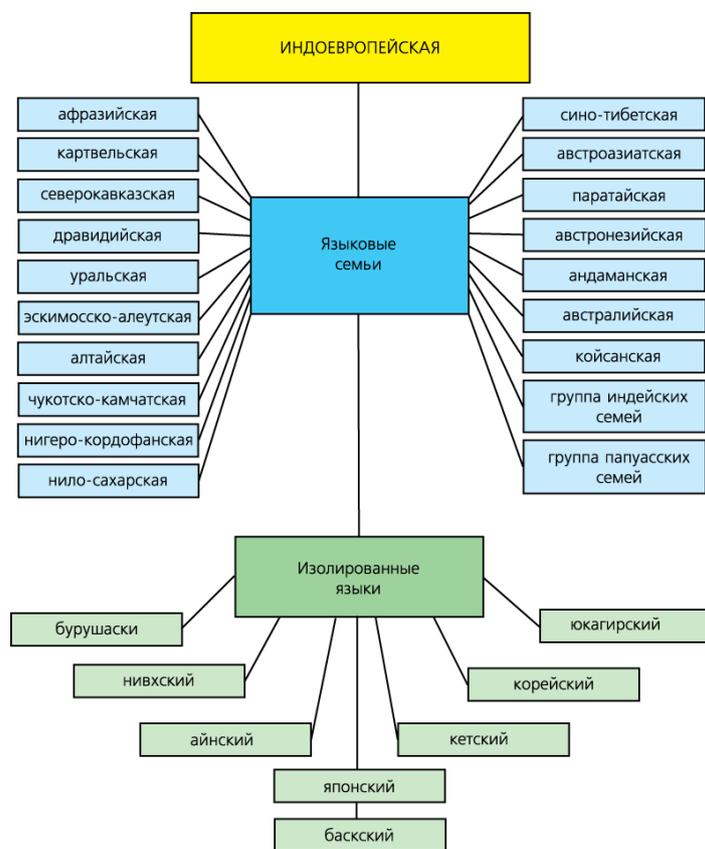

Когда мы говорили, что существует общепринятая в целом классификация, имелось в виду, что ученые-лингвисты выделили 12-13 основных языковых семей. Этими семьями охвачено в пределах 95% всех известных языков мира, оставшиеся примерно 5% – языки, относительно которых нет единого мнения в их отнесении к тем или иным семьям. Разночтения в классификации касаются так же и выделения некоторых семей в качестве самостоятельных или присвоения им статуса подсемей или языковых групп в составе семьи.

Язык без сомнения представляет собой общественное явление. Утверждение типа «язык существует только в обществе» или «общество не может существовать без языка» звучит абсолютно банально, потому что язык – это главное средство коммуникации между людьми. Это основа их взаимопонимания. Есть определенные различия в понимании времени формирования языков (праязыков, «семей»). Некоторые ученые полагают, что этот процесс шел абсолютно синхронно с антропогенезом (появлением человека) и в ходе его эволюции. Другие полагают, что процессы антропогенеза и глоттогенеза не совпадают, последний происходил позже, но по обозначенной нами схеме. То есть в дальнейшем как историческое явление язык непрерывно развивался, изменялись главные его элементы: грамматика, лексика, фонетика. Чаще всего, как полагают отдельные ученые, совершалось изменение, являющееся следствием преемственности поколений и накоплением новшеств в языке без заимствования из чужих языков. Наблюдаются также изменения, связанные с заимствованиями из чужих языков. Так, происходит эволюция, трансформация, а иногда и полная смена языка. Как считают лингвисты, в областях с давно сложившимися цивилизациями смена языка была по крайней мере один раз, но нередко и чаще. При этом прежний язык как субстрат оказывал влияние на развитие

нового языка. Все эти явления приводили к разветвлению первоначального языка-основы, складыванию языковых семей, их ветвей и более мелких групп.

Индоевропейская с романно-германской, индо-иранской ветвями; Семито-хамитская, с ветвями семитской, кушитской, берберской и чадской; Уральская семья с финно-угорской и самодийской ветвями; Алтайская семья с ветвями тюркской, монгольской, тунгусско-маньчжурской; Кавказская семья с ветвями картвельской, абхазо-адыгской, нахско-дагестанской; Конго-кордофанская (нигеро-кордофанская), нило-сахарская и койсанская семьи; Австроазиатская семья, в которую входят группы вьет, мяо-яо, мон-кхмер, мунда и пр.; Австронезийская или малайско-полинезийская семья; Китайско-тибетская; Тайская; Индейские семьи; Дравидийская семья; Папуасские семьи.

Кроме того, существуют более мелкие языковые семьи, а также отдельные языки, не входящие ни в какую языковую семью: японский, корейский, юкагирский, нивхский, кетский, баскский, айнский и ряд других языков.

Другая немногим меньшая семья – Афразийская, распространенная в Северной и Северо-Восточной Африке и Юго-Западной Азии, состоит из 5 групп: семитской, египетской, берберской, пуштунской и чадской. В картвельскую семью (Западное Закавказье) входит мегрельский язык с близким ему лазским, объединяемые в грузинско-занскую группу, и сванский язык. На всех этих языках говорят грузины, в составе которых мегрелы, лазы и

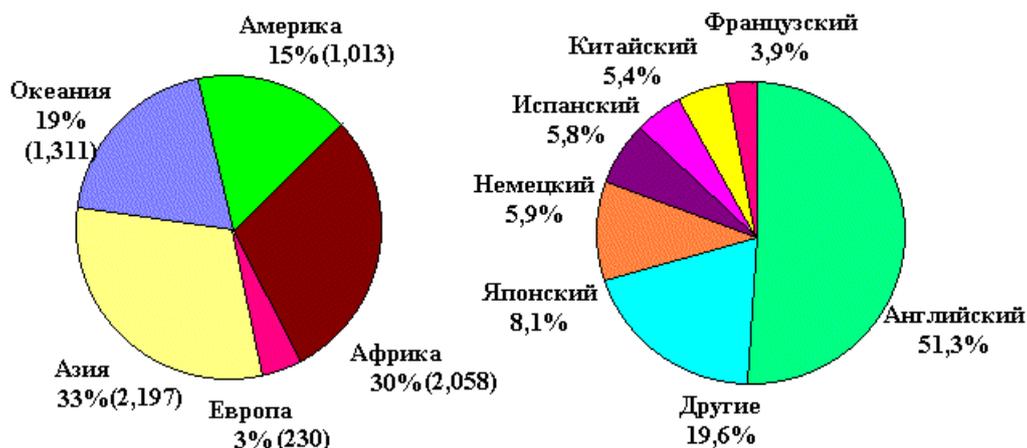
сваны частично сохранили в быту свои языки. К северокавказской семье относятся абхазо-адыгейская и нахско-дагестанская группы. Господствующая в Южной Индии дравидийская семья состоит из семи групп. Наиболее многочисленна южная группа, к которой относятся такие многомиллионные языки Южной Индии, как тамильский, малаялам и каннада. Языки афразийской (или семито-хамитской) семьи распространены среди народов, проживающих в Северной и Северо-Восточной Африке, а также в Юго-Западной Азии. Население Африки к югу от Сахары говорит на языках нигеро-кордофанской (Восточная и Западная Африка), нило-сахарской (преимущественно Центральная Африка) и койсанской (Юго-Западная Африка) семей. Уральская языковая семья географически локализована на севере Европейской части РФ, в Центральной Европе (Венгрия), в Поволжье, Прибалтике, Финляндии и на севере Скандинавии. Она состоит из двух групп — финно-угорской (или угро-финской) и самодийской. Эскимосско-алеутская языковая семья включает эскимосские языки и близкородственный им алеутский. Их носители расселены на обширных арктических пространствах Америки, а также на крайнем северо-востоке Азии.

К алтайской семье языков, распространенных на огромных пространствах от Турции на западе до севера-востока Сибири на востоке, относят тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. Тюркские языки включают подгруппы: чувашскую, или болгарскую (чувашский язык), огузскую, или юго-западную (турецкий, азербайджанский, туркменский, саха (бурятский) и некоторые другие), кыпчакскую, или северо-западную (татарский, башкирский, казахский, киргизский, каракалпакский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский и караимский), карлукскую, или юго-восточную (узбекский и уйгурский), якутскую (якутский и долганский), южно-сибирскую (алтайский, хакасский, тувинский и другие языки) подгруппы.

К современным монгольским языкам, распространенным преимущественно в центрально-азиатских районах, относятся собственно монгольский, бурятский, калмыцкий, близкий к нему ойратский и ряд других. К тунгусо-маньчжурским языкам принадлежат постепенно выходящий из употребления маньчжурский язык в Китае, а также эвенкийский, близкий к нему эвенский и некоторые другие языки Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Чукотско-камчатская семья, локализованная на крайнем северо-востоке России, объединяет чукотский, корякский, ительменский и другие языки.

Наиболее крупные из языковых семей следующие: индоевропейская (45% населения мира), сино-тибетская (23%), нигеро-кордофанская (6,5%), афразийская (5,5%), австронезийская (5%), дравидийская (4%). На тринадцати наиболее распространенных языках разговаривает почти 2/3 населения нашей планеты. К наиболее распространенным языкам мира принадлежат (число говорящих, конец XX столетия, млн. человек): китайский (1300), английский (460), хинди и урду (370), испанский (320), русский (260), бенгальский, индонезийский и арабский (по 190), португальский (180), японский (130), немецкий (100), французский (100).

Обычно названия языка и имя народа (этноним) совпадают. Несовпадения случаются, как правило, за счет того, что влияние тех или иных мировых языков распространяется на несколько народов сразу. Например, английский. На нем говорит без малого полмира. Хотя и некоторые исследователи, и сами носители иногда утверждают, что языки английский и американский или австралийский самостоятельные. Но эта точка зрения не имеет широкой поддержки. Более популярно мнение, что по-английски (с небольшими местными различиями) говорят англичане, американцы США, австралийцы, новозеландцы, англо-канадцы и некоторые другие. Испанский язык является родным не только для испанцев, но и для большей части народов Латинской Америки. На немецком языке говорят немцы, австрийцы и германо-швейцарцы. Обычно каждый народ говорит на одном языке (иногда диалектные различия настолько велики, что общение между отдельными группами одного и того же народа без знания общепринятого литературного языка оказывается невозможным).

Теперь наложим на лингвистическую классификацию номенклатуру народов мира, исходя из упомянутого правила «один народ – один язык» и

рассмотрим семьи подробно с учетом лингвистической теории и истории развития.

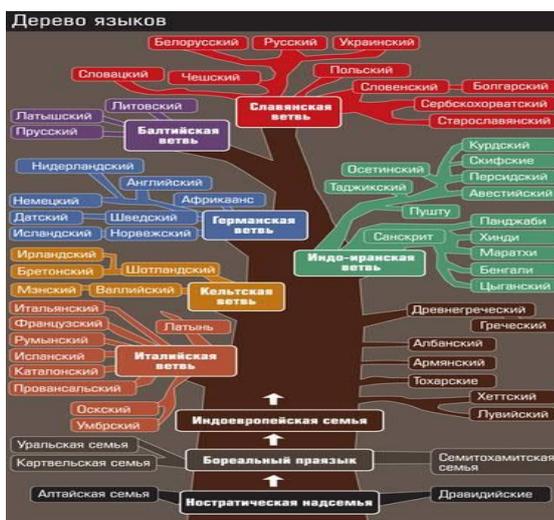
Перечисление языков сопровождается минимальным географическим, историческим и филологическим комментарием.

Далее рассмотрим эту классификацию подробнее, что поможет нам понять ее смысл. При этом всегда полезно не отрывать перечисленные классификации друг от друга, а рассматривать их в комплексе, то есть используя данные одних при рассмотрении других.

Самая крупная – Индоевропейская семья (группы или ветви, языки и народы).

I. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Половина населения планеты говорит на языках индоевропейской семьи. Представители этой семьи, несмотря на существенные различия в языках и культуре их носителей, преобладают в целом в РФ и СНГ, в большей части зарубежной Европы, Иране и Афганистане, на севере Индостанского субконтинента, в подавляющем большинстве стран Америки, в Австралии и Новой Зеландии. То есть эта семья широко представлена на всех практически континентах. А так же известны некоторые древние (мертвые) языки, принадлежащие к этой семье. Эта семья, как полагают лингвисты, сложилась в «бронзовом веке», а возможно и раньше. В дальнейшем шло выделение языковых ветвей (групп), а еще позднее – существующих сегодня языков. Области, где происходило первоначальное формирование народов, говоривших на индоевропейских языках, точно не установлены и по этому поводу существует значительное число гипотез. Некоторые предполагают очагом формирования Южную Европу и отсюда распространение преимущественно в восточном направлении, другие наоборот полагают, что движение шло из южной Азии на запад и далее (в позднейшие времена) по всем континентам. В индоевропейскую семью входят языковые ветви или группы, отдельные языки, на которых говорят следующие народы.

1. Индийская группа. Около 100 живых языков:

1) Хинди и урду (иногда объединявшихся общим названием хиндустан²) – две разновидности одного новоиндийского литературного языка: урду – государственный язык Пакистана, имеет письменность на основе арабского алфавита; хинди (государственный язык Индии) – на основе староиндийского письма деванагари; 2) Бенгали; 3) Панджаби; 4) Лахнда (лэнди); 5) Синдхи; 6) Раджастхани; 7) Гуджарати; 8) Мратхи; 9) Сингальский; 10) Непали (диалект пахари, государственный в Непале); 11) Бихари; 12) Ория (или одри, в Восточ. Индии); 13) Ассамский; 14) Цыганский; 15) Кашмири и другие дардские (языки Индии).

Исчезнувшие языки:

16) Ведийский (I пол. 2 тыс. до н. э.); 17) Санскрит (с III в. до н.э. по VII в. н.э. – лит. язык Индийцев. Samskrta – обработанный, prakrta – не нормализованный, разговорный язык); 18) Пали (среднеиндийский лит. и культовый язык средневековья); 19) Пракриты – разговорные среднеиндийские наречия, основа новоиндийских.

2. Иранская группа. Более 10 языков; наибольшую близость обнаруживает с индийской группой, с которой объединяется (некоторыми исследователями) в общую индо-иранскую или арийскую ветвь (видимо, от «арья» – племен. самоназвание в древнейших памятниках, из него Иран, и Алан – самоназв. др. скифов).

1) Персидский (фарси) – письменность на основе арабского алфавита; (фарси-кабули) – лит. язык Афганистана, наряду с пушту; 3) Пушту (пашто, афганский) – 2-й лит. язык, с 30-х гг. гос. язык Афганистана; 4) Белуджский (балучи); 5) Таджикский; 6) Курдский; 7) Осетинский, наречия: иронское (восточ.), дигорское (запад.). Осетины – прямые потомки аланов-скифов; 8) Талышский; 10) Прикаспийские (гилянские, мазандеранские диалекты); 11) Памирские (шугнанский, рушанский, бартангский, сарыкольский, хуфский, орошорский, язгулямский, ишкашимский, ваханский – бесписьменные языки Памира); 12) Ягнобский; 13) Татский – таты разделяются на татов-мусульман и «горских евреев».

Исчезнувшие языки:

13) Древнеперсидский – язык клинописи эпохи Ахеменидов (Дария, Ксеркса и др.) VI - IV вв. до н.э.; 14) Авестийский – др. древнеиранский язык, известный по среднеперсидским спискам «Авесты» – свящ. кн. зооастрийцев; 15) Пехлеви (или зендский) – среднеперсид. язык III - IX вв. н.э., сохранившийся в переводе «Авесты» (этот перевод называется «Зенд»). Отсюда неверное название языка – «Зендский»); 16) Мидийский – род северо-западных иранских бесписьм. диалектов; 17) Парфянский – один из перс. языков III в. до н.э. - III в. н.э., распространенный в Парфии, на юго-востоке от Касп. моря; 18) Согдийский – язык Согдианы в долине Зеравшана в I тыс. н.э., предок ягнобского языка; 19) Хорезмийский – I - нач. 2 тыс. н.э.; 20) Скифский – язык скифов (аланов), обитателей пояса степей до границ Китая в I тыс. до н.э. и I тыс. н.э., сохранился в собственных именах в греческой передаче; предок осетинского языка; 21) Бактрийский (кушанский) – язык древней Бактрии (по верхнему течению Аму-Дарьи) и Кушанского царства. I - нач. 1

тыс. н.э.; 22) Сакский (хотанский) – в Средней Азии и в Китайском Туркестане; от V - X вв. н.э. остались тексты, написанные индийским письмом брахми;

3. Славянская группа

А. Восточная подгруппа:

Живые языки:

1) Русский; наречия: северное (велико) русское – «окающее» и южно (велико) русское – «акающее»; русский литературный язык на основе среднего диалекта и говоров (Владими́ро-Сузда́льских) Москвы и соседей, а так же церковнославянского литературного языка. В XVI - XVIII вв. в русский литературный и средний диалект проникло много европейских слов; основа письменного языка – «кириллица»; 2) Украинский или украинский; до революции 1917 г. – малорусский или малороссийский; три основных наречия: северное, юго-восточное, юго-западное; литературный язык начинает складываться с XIV в., современный литературный язык формируется в конце XVIII в. на синтезе говоров юго-восточного наречия; письменность на основе «новой» (постпетровской) кириллицы; 3) Белорусский; письменность с XIV в. на основе кириллицы. Диалекты северо-восточный и юго-западный; литературный язык – на основе среднебелорусских говоров.

Б. Южная подгруппа:

Живые языки:

4) Болгарский образовался в процессе контактирования славянских диалектов с языком камских болгар (тюрков), откуда и получил свое название; письменность на основе кириллического алфавита; древнейшие памятники с X в. н.э.; 5) Македонский; 6) Сербскохорватский; у сербов письмо на основе кириллицы, у хорватов – на основе латинского; древнейшие памятники с XII в.; 7) Словенский – письменность на основе латинского алфавита; древнейшие памятники с X - XI вв.

Исчезнувшие языки:

8) Старославянский (или древнецерковнославянский) – общий литературный язык славян средневекового периода, возникший на основе солунских говоров древнеболгарского языка в связи с введением письменности для славян (две азбуки: глаголица и кириллица) и переводом церковных книг для пропаганды христианства среди славян в IX - X вв. н.э. У западных славян был вытеснен латынью в связи с западным влиянием и переходом в католицизм; в виде церковнославянского – составной элемент русского литературного языка.

В. Западная подгруппа:

Живые языки:

9) Чешский; письменность на основе латинского алфавита; древнейшие памятники с XIII в.; 10) Словацкий; письменность на основе латинского алфавита. Польский; письменность на основе латинского алфавита; древнейшие памятники с XIV в.; 12) Кашубский; утратил самостоятельность и стал диалектом польского языка; 13) Лужицкий (за границей: сорабский,

вендский); два варианта: верхнелужицкий (или восточный) и нижнелужицкий (или западный); письменность на основе латинского алфавита.

Исчезнувшие:

14) Полабский, вымер в XVIII в., был распространен по обоим берегам р. Лабы (Эльбы) в Германии; 15) Поморские диалекты, вымерли в средневековый период в связи с насильственным онемечиванием; были распространены по южному побережью Балтийского моря в Поморье (Померания).

4. Балтийская группа:

1) Литовский; письменность на основе латинского алфавита; памятники с XIV в.; 2) Латышский; письменность на основе латинского алфавита; памятники с XIV в. 3) Латгальский (ряд ученых считают его только диалектом латышского).

Мёртвые:

4) Прусский, исчез в XVII в. в связи с насильственным онемечиванием; территория бывшей Восточной Пруссии; памятники XIV - XVII вв.; 5) Ятвяжский, куршский и др. языки на территории Литвы и Латвии, вымершие к XVII - XVIII вв.

5. Германская группа:

А. Северногерманская (скандинавская) подгруппа:

1) Датский; письменность на основе латинского алфавита; литературный язык Норвегии до конца XIX в.; 2) Шведский; письменность на основе латинского алфавита; 3) Норвежский; письменность на основе латинского алфавита, первоначально датская, так как литературным языком норвежцев до конца XIX в. был датский язык. В современной Норвегии две формы литературного языка: риксмол (иначе: букмол) – книжный, более близкий к датскому, илансмол (иначе: нюнорск), близкий к норвежскому; 4) Исландский; письменность на базе латинского; письм. памятники «сканд. саги»; 5) Фарерский (островной).

Б. Западногерманская подгруппа:

б) Английский; литературный язык сложился к XVI в. на основе основного – лондонского диалекта; хронология бытования: V - XI вв. – древнеангл. (англосаксонский), XI - XVI вв. – среднеанглийский (со сканд. интерференциями), с XVI в. – новоанглийский; письменность на основе латинского алфавита (без изменений); письменные памятники с VII в.; международный – мировой язык; 7) Нидерландский (голландский) с фламандским; письменность на латинице; в Южно-Африканской Республике живут буры, переселенцы из Голландии, которые говорят на средневековой еще разновидности нидерландского языка, сегодня – на «бурском» языке (или языке «африкаанс»); 8) Фризский; памятники с XIV в.; 9) Немецкий (международный статус, в десятке крупнейших); до сих пор сохраняет 2 наречия: нижненемецкое (северное, Niederdeutsch или Plattdeutsch) и верхненемецкое (южное, Hochdeutsch); лит. язык сложился на основе южнонемецких говоров, со многими интерференциями северных. Тем не менее, единства до сих пор не представляет (лингвисты); и в VIII - XI вв. – древний, в XII - XV вв. – средний, сохранялись в двух диалектах (верхний и

нижний). С XVI в. – новый лит. сложился на базе верхненемецкого диалекта, как канцелярский (в лютеранских реформах) – саксонский. Письменность на основе латинского алфавита в двух видах: готика и антика; 10) Идиш (или йидиш, новоеврейский) – различные верхненемецкие диалекты, смешанные с элементами древнееврейского, славянских и других языков.

В. Восточногерманская подгруппа (теперь представлена в основном вышедшими из употребления наречиями).

Исчезнувшие языки:

11) Готский, существовавший в двух диалектах. Вестготский обслуживал средневековое готское государство в Испании и Северной Италии; имел письменность на основе готского алфавита, составленного епископом Вульфиллой в IV в. н.э. для перевода Евангелия, которое является самым древним памятником германских языков. Остготский – язык восточных готов, живших в раннем средневековье на побережье Черного моря и в южном Поднепровье; существовал до XVI в. в Крыму, благодаря чему сохранился небольшой словарь, составленный голландским путешественником Бусбеком.

12) Бургундский, вандальский, гепидский, герульский – языки древнегерманских племен на территории Восточной Германии.

6. Романская (италийская) группа:

1) Французский; лит. язык сложился к XVI в. на основе диалекта Иль-де-Франс (Парижский); другие диалекты сложились средние века в результате смешения народной (вульгар) латыни, наследия завоевателей римлян и языка галлов – гэльского; письменность на основе латинского алфавита; древнейшие памятники с IX в. н.э.; среднефранц. период в IX - XV вв., новофранцузский – с XVI в. Французский язык раньше других стал международным; 2) Провансальский (окситанский); язык национального меньшинства юго-восточной Франции (Прованс); как литературный существовал в средние века (лирика трубадуров) и дожил до конца XIX в.; 3) Итальянский – один из первых собственно Ново-Европейских языков (после падения Рим. Имп.). Общий лит. язык сложился на основе разных диалектов, в значительной степени говора Флоренции. Диалекты развивались из синтеза разговорной латыни с языками смешанного населения Италии, в том числе варварскими; письменность на латинице; 4) Сардинский (или сардский); 5) Испанский; сложился в Европе в результате скрещивания народной (вульгарной) латыни с языками туземного населения римской провинции Иберии; письменность на основе латиницы (то же относится к каталанскому и португальскому); 6) Галисийский; 7) Каталонский; 8) Португальский; 9) Румынский; сложился от соединения народной латыни и языка Дакии; письменность на латинской основе; 10) Молдавский (разновидность румынского) – письменность на основе кириллицы; 11) Македоно-румынский (аромунский); 12) Ретороманский – язык национального меньшинства Швейцарии, с 1938 г. признан одним из четырех государственных языков Швейцарии; 13) Креольские языки – скрещенные

романские с местными (в основном индейскими) языками (гаитянский, маврикийский, сейшельский, сенегальский и др.).

Мертвые (италийские): 14) Латинский – лит., гос. язык Рима с III в. до н.э. до раннего средневековья; язык древнейших памятников с VI в. до н.э. в разном (во всех) жанре; теперь язык католической церкви; наряду с древнегреческим – источник международной научной терминологии; 15) Средневековая народная (вульгарная) латынь – народнолатинские говоры раннего средневековья, которые при скрещивании с туземными языками римских провинций Галлии, Иберии, Дакии и т.д. породили романские языки: французский, испанский, португальский, румынский и т.д. Язык исторических источников; 16) Оскские, умбрские, сабельские и другие италийские говоры сохранились в отрывочных письменных памятниках последних веков до н.э.

7. Кельтская группа

А. Гойдельская подгруппа: 1) Ирландский; письменные памятники с IV в. н.э. (огамическое письмо) и с VII в. (на латинской основе); теперь является литературным; 2) Шотландский (гэльский).

Исчезнувший: 3) Мэнский – язык острова Мэн (в Ирландском море).

Б. Бриттская подгруппа;

4) Бретонский – бретонцы (в прошлом бритты) переселились после прихода англосаксов с Британских островов на континент Европы; 5) Валлийский (уэльский).

Исчезнувший: 6) Корнский – на Корнуолле – полуострове юго-западной Англии.

В. Галльская подгруппа:

7) Галльский. Вытеснен в результате образования французского языка. Имел распространение в Галлии, Северной Италии, на Балканах и даже в Малой Азии;

8. Греческая группа:

1) Новогреческий. С XII в.

Исчезнувшие:

2) Древнегреческий, X в. до н.э. - V в. н.э.; ионическо-аттические диалекты с VII - VI вв. до н.э.; ахейские (аркадо-кипрские) диалекты с V в. до н.э.; северо-восточные (беотийские, фессалийские, лесбосские, эолийские) диалекты с VII в. до н.э. и западные (дорийские, эпирский, критские) диалекты; древнейшие памятники с IX в. до н.э. (поэмы Гомера, эпиграфика); с IV в. до н.э. общий литературный язык койнэ на основе аттического диалекта с центром в Афинах; язык богатых литературных памятников, эпических, лирических и драматических, философской и исторической прозы; от III - II вв. до н.э. труды александрийских грамматиков; наряду с латинским – источник международной терминологии;

3) Среднегреческий, или византийский, – государственный литературный язык Византии от первых веков н.э. до XV в.; язык памятников – исторических, религиозных и художественных.

9. Албанская группа: Албанский; письменные памятники на основе латинского алфавита с XV в.

10. Армянская группа: Армянский; литературный с V в. н.э.; содержит некоторые элементы, восходящие к кавказским языкам; древнеармянский язык – грабар – сильно отличается от современного живого ашхарабара.

11. Хетто-лувийская (анатолийская) группа:

Исчезнувшие: 1) Хеттский (хёттско-неситский, известный по клинописным памятникам XVIII - XIII вв. до н.э.; язык Хеттского государства в Малой Азии.; 2) Лувийский в Малой Азии (XIV - XIII вв. до н.э.); 3) Палайский в Малой Азии (XIV - XIII вв. до н.э.); 4) Карийский; 5) Лидийский – анатолийские языки античной эпохи; 6) Ликийский.

12. Тохарская группа: Исчезнувшие: 1) Тохарский А (турфанский, карашарский) – в Китайском Туркестане (Синьцзяне); 2) Тохарский Б (кучанский) – там же; в Куче до VII в. н.э. Известны по рукописям примерно V - VIII вв. н.э. на основе индийского письма брахми, обнаруженным при раскопках в XX в.

Примечания:

По ряду оснований сближаются следующие группы индоевропейских языков: индо-иранские (арийские), славяне-балтийские и итало-кельтские.

Вопрос о принадлежности к индоевропейским языкам венетского, мессапского, очевидно, иллирийской группы (в Италии), фригийского, фракийского (на Балканах) в целом может считаться решенным; языки пеласгский (Пелопоннес до греков), этрусский (в Италии до римлян), лигурский (в Галлии) не выяснены еще в своих отношениях к индоевропейским языкам.

II. СЕМЬЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Западная группа – абхазско-адыгские языки:

1. Абхазская подгруппа: Абхазский; диалекты: бзыбский – северный абжуйский (или кадбрский) – южный; письменность до 1954 г. на основе грузинского алфавита, теперь – на русской основе; Абазинский; письменность на основе русского алфавита.

2. Черкесская подгруппа: Адыгейский; Кабардинский (кабардино - черкесский); Убыхский (убыхи эмигрировали при царизме в Турцию).

Б. Восточная группа: нахско-дагестанские языки:

1. Нахская подгруппа: Чеченский; имеют письменность на русской основе; Ингушский; Бацбийский (цова-тушинский).

2. Дагестанская подгруппа: Аварский; Даргинский; Лакский; Лезгинский; Табасаранский. Эти пять языков имеют письменность на русской основе. Остальные языки бесписьменные: Андийский; Каратинский; Тиндйинский; Чамалинский; Багвалинский; Ахвахский; Ботлихский; Годоберинский; Цезский; Бетинский; Хваршинский; Гунзибский; Гинухский; Цахурский; Рутульский; Агульский; Арчинский; Будухекий; Крызский; Удинский; Хиналугский.

3. Южная подгруппа: картвельские (иберийские) языки: 1) Мегрельский; 2) Лазский (чанский); 3) Грузинский: письменность на грузинском алфавите с V в. н.э., богатые литературные памятники средневековья; говоры: хевсурский, картлийский, имеретинский, гурийский, кахетинский, аджарский и др.; 4) Сванский.

Примечание. У всех, кроме грузинского и убыхского, языков письменность на русском алфавите. Вопрос о том, представляют ли указанные группы одну семью языков, до сих пор не решен наукой; скорее можно думать, что между ними нет родственных связей; термин «кавказские языки» имеет в виду их географическое единство.

III. ВНЕ СЕМЬИ (отдельный) – Баскский язык.

IV. УРАЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

1. Финно-угорская ветвь

А. Угорская группа: 1) Венгерский. Письменность на латинице; 2) Мансийский (вогульский); письменность на кириллице (с 30-х гг. XX в.); 3) Хантыйский (остяцкий); письменность на русской основе (с 30-х гг. XX в.).

Б. Прибалтийско-финская группа: 1) Финский (суоми). Письменность на основе латинского алфавита; 2) Эстонский. Письменность на основе латинского алфавита; 3) Ижорский; 4) Карельский; 5) Вепсский; 6) Водский; 7) Ливский; 8) Саамский (саами, лопарский).

В. Пермская группа: 1) Коми-зырянский; 2) Коми-пермяцкий; 3) Удмуртский;

Г. Волжская группа: 1) Марийский (мари, черемисский), наречия: нагорное, по правому берегу Волги и луговое – по левому; 2) Мордовские: два самостоятельных языка: эрзянский и мокшанский. Примечание. У финского и эстонского языков письменность на основе латинского алфавита; у марийского и мордовских – издавна на основе русского алфавита; у коми-зырянского, удмуртского и коми-пермяцкого – на кириллице (советская).

2. Самодийская ветвь: 1) Ненецкий (юрако-самоедский); 2) Нганасанский (тавгийский);

3) Энецкий (енисейско-самоедский); 4) Селькупский (остяко-самоедский). Примечание. Современная наука считает самодийские языки родственными финно-угорским, которые прежде рассматривались как изолированная семья и с которыми самодийские образуют более крупное объединение – уральские языки.

V. АЛТАЙСКИЕ СЕМЬЯ

1. Тюркская ветвь

1) Турецкий (раньше османский); письменность с 1929 г. на основе латинского алфавита; до тех пор на протяжении нескольких веков – на основе арабского; 2) Азербайджанский; 3) Туркменский; 4) Гагаузский; 5) Крымско-татарский; 6) Карачаево-балкарский; 7) Кумыкский употреблялся как общий язык для кавказских народов Дагестана; 8) Ногайский; 9) Караимский; 10) Татарский, с тремя диалектами – средним, западным (мишарским) и восточным (сибирским); 11) Башкирский; 12) Алтайский (ойратский); 13) Шорский с диалектами кондомским и мрасским; 14) Хакасский (с

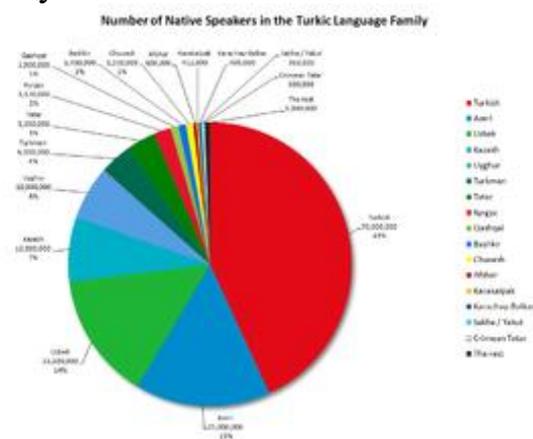
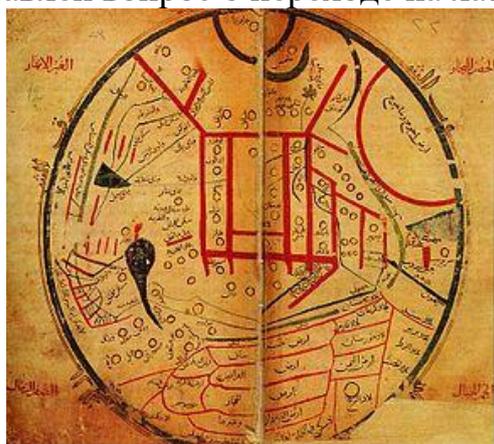
диалектами согайским, бельтирским, качинским, койбальским, кызыльским, шорским); 15) Тувинский; 16) Якутский; 17) Долганский; 18) Казахский; 19) Киргизский; 20) Узбекский; 21) Каракалпакский; 22) Уйгурский (новоуйгурский); 23) Чувашский, потомок языка камских булгар, письменность на основе русского алфавита.

Исчезнувшие:

24) Орхонский (условно) – по данным орхоно-енисейских рунических надписей язык (или языки) могущественного государства VII - VIII вв. н.э. в Северной Монголии на р. Орхон; 25) Печенежский – язык степных кочевников IX - XI вв. н.э.; 26) Половецкий (куманский) – по данным половецко-латинского словаря, составленного итальянцами, язык степных кочевников XI - XIV вв.; 27) Древнеуйгурский – язык огромного государства в Центральной Азии IX - XI вв. н.э. с письменностью на основе видоизмененного арамейского алфавита; 28) Чагатайский – литературный язык XV - XVI вв. н.э. в Средней Азии; Старотатарский (вариант) арабская графика. 29) Булгарский – язык болгарского царства у устья Камы; болгарский язык лег в основу чувашского языка, часть булгар перешла на Балканский полуостров и, смешавшись со славянами, вошла составным элементом (суперстратом) в болгарский язык. 30) Хазарский – язык большого государства VII - X вв. н.э., в области нижнего течения Волги и Дона, близкий к болгарскому.

Особые проблемы в связи с идентификацией Уральской, Алтайской семей и особенно тюркской группы.

Все живые тюркские языки, кроме турецкого, имеют письменность с 1938-1939 гг. на основе русского алфавита, до тех пор в течение нескольких лет – на основе латинского, а многие еще раньше – на основе арабского (азербайджанский, крымско-татарский, татарский и все среднеазиатские, а зарубежные уйгуры и до сих пор). В суверенном Азербайджане вновь поставлен вопрос о переходе на латиницу.

Вопрос о группировке тюрко-татарских языков до сих пор наукой окончательно не разрешен.

Ряд ученых придерживаются мнения о возможном далеком родстве трех языковых семей – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, образующих алтайскую макросемью. Однако в принятом употреблении термин «алтайские языки» обозначает скорее условное объединение, нежели

доказанную генетическую группировку (В.В.). Ввиду того, что в тюркологии нет единой точки зрения на группировку тюркских языков, даем их перечнем; в конце приводятся различные точки зрения на их группировку. В настоящее время алтайский и шорский языки пользуются одним литературным языком на основе алтайского.

2. Монгольская ветвь (Семья?):

1) Монгольский. Исторически письменность на основе собственного монгольского алфавита, полученного от древних уйгур; с 1945 г. – на основе русского алфавита; 2) Бурятский; с 30-х гг. XX в. письменность на основе русского алфавита; 3) Калмыцкий. Имеется еще ряд более мелких языков (дагурский, дун-сянский, монгорский и др.), преимущественно на территории Китая (около 1,5 миллиона человек), Маньчжурии и Афганистана; некоторые имеют письменность (XX в.) на основе русского алфавита, а до тех пор в течение нескольких лет – на основе латинского алфавита.

3. Тунгусо-манчжурская ветвь (Семья)

А. Сибирская группа:

1) Эвенкийский (тунгусский), с негидальским и солонским; 2) Эвенский (ламутский).

Б. Маньчжурская группа:

1) Маньчжурский. Исчезающий язык, но с богатым письменным наследием. Источники – памятники средневековой письменности на маньчжурском алфавите; 2) Чжурчжэньский – мертвый язык, известный по памятникам XII - XVI вв. (иероглифическое письмо по образцу китайского).

В. Амурская группа:

1) Нанайский (гольдский), с ульчским; 2) Удэйский (удэгейский), с орошским.

Оба с 1938-1939 гг. обладают письменной основой на кириллице.

VI. ОТДЕЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (Языки – Семьи)

Гипотетически близкие к алтайским.

1) Японский. Иероглифическая письменность на китайской основе до VIII в. н.э.;

новое фонетико-силлабическое письмо – катакана и хирагана.

2) Рюкюский. (Гипотетически) Родственный японскому.

3) Корейский. Писменность на китайской иероглифике с IV в. н.э., модифицирована в VII в. н.э.; с XV в. – народное корейское письмо «онмун» – буквенно-силлабическая система графики.

4) Айнский. Главным образом на Японских о-вах, также на о. Сахалин; в настоящее время практически исчез. Вытеснен японским.

VII. АФРАЗИЙСКАЯ (СЕМИТО-ХАМИТСКАЯ) СЕМЬЯ

1. Семитская ветвь:

1) Арабский. Международный культовый язык ислама. Существуют, кроме коранического и на его основе классического литературно-научного средневекового арабского, региональные (в основном, современные) разновидности (суданский, египетский, сирийский, марроканский, ливийский и др.). Письменность на арабском алфавите (на о-ве Мальта – на основе

латинского алфавита); 2) Амхарский. Официальный язык Эфиопии; 3) Тигре, тиграй, гураге, харари и др. (близкие) языки Эфиопии; 4) Ассирийский (айсорский). Язык изолированных этнических групп в странах Ближнего Востока и некоторых других.

Исчезнувшие:

5) Аккадский (ассиро-вавилонский). Известен по клинописным памятникам древнего Востока; 6) Угаритский; 7) Древнееврейский – язык древнейших частей Библии, культовый язык иудейской церкви; в качестве разговорного существовал до начала н.э.; с XIX в. на его основе сложился иврит, ныне официальный язык государства Израиль (наряду с арабским); письменность на основе еврейского алфавита; 8) Арамейский – язык позднейших книг Библии и общий язык Переднего Востока в эпоху III в. до н.э. - IV в. н.э.; 9) Финикийский – язык Финикии, Карфагена (пунический); мертвый до н.э.; письменность на финикийском алфавите, от которого произошли последующие виды буквенной письменности; 10) Гээз – бывший литературный язык Абиссинии IV - XV вв. н.э.; сейчас культовый язык в Эфиопии.

2. Египетская ветвь

Исчезнувшие:

1) Древнеегипетский – язык древнего Египта, известный по иероглифическим памятникам и документам демотического письма (с конца 4-го тысячелетия до н.э. - до V в. н.э.); 2) Коптский – потомок древнеегипетского языка в средневековый период с III до XVII в. н.э.; культовый язык православной церкви в Египте; письменность коптская, алфавит на основе греческого алфавита.

3. Берберо-ливийская ветвь (Северная Африка и Западно-Центральная Африка)

Гхадамес, сиуа; 2) Гуарегские (тамахак, гхат, танеслемт и др.); 3) Зенага; 4) Кабильский; 5) Ташельхит; 6) Зенетские (риф, шауйа и др.); 7) Тамазигхт;

Исчезнувшие:

8) Западно-нумидийский; 9) Восточно-нумидийский (ливийский); 10) Гуанчские, языки (диалекты?) аборигенов Канарских островов (до XVIII в.).

4. Кушитская ветвь (Северо-Восточная и Восточная Африка)

1) Бедауйе (беджа); 2) Агавские (аунги, билин и др.); 3) Сомали; 4) Сидамо; 5) Афар, сахо; 6) Оромо (галла); 7) Иракв, нгомвиа и др.

5. Чадская ветвь (Западная и Западно-Центральная Африка южнее Сахары)

1) Хауса (относится к западночадской группе) самый крупный язык ветви; 2) Другие западночадские: гвандара, нгизим, болева, карекаре, ангас, сура и др.; 3) Центральночадские: тера, марги, мандара, котоко и др.; 4) Восточночадские: муби, сокоро и др.

VIII. НИГЕР-КОНГОЛЕЗСКАЯ СЕМЬЯ (Территория Африки к югу от Сахары)

1. Группа манде:

1) Бамана (бамбара); 2) Сонинке; 3) Сосо (сусу); 4) Манинка; 5) Кпелле, лома, менде и др.

2. Группа Атлантическая:

1) Фула (фульфульде); 2) Волоф; 3) Серер; 4) Диола; Коньяги; 5) Гола, темне, булло и др.

3. Группа Иджоидная: представлены изолированным языком иджо (Нигерия).

4. Группа Кру:

1) Семе; 2) Бете; 3) Годие; 4) Кру; 5) Гребо; 6) Уобе и др.

5. Группа Ква:

1) Акан; 2) Бауле; 3) Аделе; 4) Адангме; 5) Эве; 6) Фон и др.

6. Группа Догон.

7. Группа Гур:

1) Бариба; 2) Сенари; 3) Суппире; 4) Гуренне; 5) Гурма; 6) Касем, кабре, кирма и др.

8. Группа Адамауа-убангийская:

1) Лонгуда; 2) Тула; 3) Чамба; 4) Мумуе; 5) Мбум; 6) Гбайя; 7) Нгбака; 8) Сере, мунду, занде и др.

9. Группа Бенуэконголезские языки

Самая многочисленная семья в составе нигероконголезской макросемьи. От Нигерии до восточного побережья Африки, включая ЮАР. Делится на 4 ветви и множество групп, среди которых наиболее крупная – языки банту, которые в свою очередь подразделяются на 16 зон (по классификации М. Гасри).

1) Нупе; 2) Иоруба; 3) Йгбо; 4) Эдо; 5) Джукун; 6) Эфик, ибибио; 7) Камбари, биром; 8) Тив; 9) Бамилеке; 10) Ком, ламнсо, тикар; 11) Банту (дуала, эуондо, теке, бобанги, лингала, кикую, ньямвези, того, суахили, конго, луганда, киньяруанда, чокве, луба, ньякьюса, ньянджа, яо, мбунду, гереро, шона, сото, зулу и др.).

10. Кордофанские группы:

1) Канга, мири, тумтум; 2) Катла; 3) Рере; 4) Утбро; 5) Тегем; 6) Тегали, тагби и др.

IX. НИЛО-САХАРСКАЯ СЕМЬЯ (Центральная Африка, включая Судан)

1) Сонгай; 2) говоры сахарские: канури, тубу, загава; 3) Фур; 4) Мими, мабанг; 5) Говоры восточносуданские: дебри, махас, бале, сури, нера, ронге, тама и др.; 6) Говоры нилотские: шиллук, луо, алур, ачоли, нуэр бари, тесо, нанди, пакот и др.; 7) Говоры: Центральносуданские: креш, синьяр, сара, багирми, мору, мади, логбара, мангбету; 8) Кунама; 9) Берта; 10) Куама, комо и др.

X. КОЙСАНСКАЯ СЕМЬЯ (на территории ЮАР, Намибии, Анголы)

1) Бушменские языки (кунг, ауни, хадза и др.).

2) Готтентотские языки (нама, корана, сан-даве и др.).

XI. КИТАЙСКО-ТИБЕТСКАЯ СЕМЬЯ

А. Китайская ветвь.

1) Китайский. Мировой лидер. Народная китайская речь разбивается на ряд диалектных групп. Отличия прежде всего фонетически, но значительные; китайские диалекты обычно выделяются по признаку локализации. Литературный язык на основе северного (мандаринского) диалекта. Это язык столичный – Пекина. В течение тысячелетий литературным книжным языком Китая служили два: вэньянь (с середины 1-го тыс. до н.э. - до XX в.) и более близкий к разговорному – байхуа. Последний стал основой современного единого литературного китайского языка – путунхуа (на основе северного байхуа). Китайский язык исключительно богат письменными памятниками (с XV в. до н.э.), но для остального мира их изучение осложняется иероглифическим характером письма. В 1913 г. наряду с иероглифической письменностью употреблялось особое силлабо-фонетическое письмо «чжу-ань изыму» на национальной графической основе для произносительной идентификации чтения иероглифов по диалектам. В XX в. было разработано более 100 проектов реформы китайского письма, из которых наибольшей перспективностью обладает проект фонетического письма на латинской графической основе.

2) Дунганский. В КНР письменность арабская, у дунган Средней Азии и Казахстана первоначально китайская (иероглифическая), позднее – арабская; с 1927 г. – на латинской основе, а с 1950 г. – на русской основе.

Б. Тибето-бирманская ветвь: 1) Тибетский; 2) Бирманский.

XII. ТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

1) Тайский. Гос. язык Таиланда (до 1939 г. сиамский язык государства Сиам); 2) Лаосский; 3) Чжуанский; 4) Кадайские (ли, лакуа, лати, гэлао) – группа в составе тайских либо самостоятельное звено между тайскими и австронезийскими.

Некоторые ученые считают тайские языки родственными австронезийским; в прежних классификациях их включали в китайско-тибетскую семью.

XIII. СЕМЬЯ МЯО-ЯО

1) Мяо. Диалекты – хмонг, хму и др.; 2) Яо. Диалекты – мьен, киммун и др.; 3) Ну.

Малоизученные языки Центрального и Южного Китая. И также без достаточных оснований включали в китайско-тибетскую семью.

XIV. ДРАВИДИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Языки древнейшего населения Индийского субконтинента, предположительно родственные уральским языкам.

1) Тамильский; 2) Телугу; 3) Малаялам; 4) Каннада. Для всех четырех существует письменность на основе (или типа) индийского письма брахми; 5) Тулу; 6) Гонди; 7) Брахуи и др.

XV. ВНЕ СЕМЬИ – ЯЗЫК БУРУШАСДИ (ВЕРШИКСКИЙ) (горные районы Северо-Запада Индии)

XVI. АУСТРО-АЗИАТСКАЯ СЕМЬЯ

1) Языки мунда: сантал и, мундари, хо, бирхор, джуанг, сора и др; 2) Кхмерский; 3) Палаунг (румай) и др.; 4) Никобарский; 5) Вьетнамский; 6) Кхаси; 7) Малаккская группа (семанг, семаи, сакайи др.); 8) Наали.

XVII. АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ (МАЛАЙСКО-ПОЛИНЕЗИЙСКАЯ) СЕМЬЯ

А. Индонезийская ветвь.

1. Западная группа: 1) Индонезийский язык. Новое название получил в 30-е гг. XX в., в настоящее время – государственный язык Индонезии; 2) Батакский; 3) Чамские (чамский, джараи и др.).

2. Яванская группа: 1) Яванский; 2) Сунданский; 3) Мадурский; 4) Балийский.

3. Даякская, или калимантанская, группа: Даякский и др.

4. Южносулавесийская группа: 1) Садданский; 2) Бугийский; 3) Макасарский и др.

5. Филиппинская группа: 1) Тагальский; 2) Илоканский; 3) Бикольский и др.

6. Мадагаскарская группа: Малагасийский (ранее – мальгашский).

Исчезнувший: Кави – древнеяванский лит. язык известен с IX в. н.э.; сложился, видимо, под влиянием языков Индии (санскрит).

Б. Полинезийская ветвь

1) Тонга и ниуэ; 2) Маори, гавайский, таити и др.; 3) Самба, увеа и др.

В. Микронезийская ветвь

1) Науру; 2) Маршалльский; 3) Понапе; 4) Трук и др.

Классификация австронезийской семьи охватывает огромное число языков с крайне сложным многоступенчатым подразделением, относительно которого нет единого мнения. Поэтому обычно используется ее упрощенный вариант (и здесь).

XVIII. АВСТРАЛИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Множество мелких языков коренного населения Центральной и Северной Австралии. Самый распространенный и известный аранта. По-видимому, отдельную семью образуют тасманийские языки на о. Тасмания.

XIX. ПАПУАССКИЕ ЯЗЫКИ

Языки центральной части о. Новая Гвинея и некоторых более мелких островов в Тихом океане. Очень сложная и окончательно не установленная классификация.

XX. ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ

Палеоазиатские языки – название условное: чукотско-камчатские представляют общность родственных языков; остальные языки включаются в палеоазиатские скорее по географическому признаку.

А. Чукотско-камчатская группа:

1) Чукотский (луораветланский); 2) Корякский (нымыланский); 3) Ительменский (камчадалский); 4) Алюторский; 5) Керекский.

Б. Эскимосско-алеутские языки

1) Эскимосский (юитский); 2) Алеутский (унанганский).

В. Енисейская группа

1) Кетский. Этот язык обнаруживает черты родства с нахско-дагестанскими и тибетско-китайскими языками. Его носители не были аборигенами Енисея, а пришли с юга и ассимилировались окружающим народом; 2) Коттский, аринский, пумпокольский и др. вымершие языки.

Г. Нивхский (гиляцкий) язык

Д. Юкагиро-чуванские языки

Вымершие языки (диалекты?):

юкагирский (ранее – одульский), чуванский, омокский. Сохранились два диалекта: тундренный и колымский (Саха-Якутия, Магадан обл.).

XXI. ИНДЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

А. Языковые (условные) семьи Северной Америки:

1) Алгонкинские (меномини, делаварский, юрок, микмак, фокс, кри, оджибва, потоватоми, иллинойс, чейённ, блэкфут, арапахо и др., а также исчезнувшие – массачусетский, могиканский и др.);

2) Ирокезские (чероки, тускарора, сенека, онейда, гурон и др.);

3) Сиу (кроу, хидатса, дакота и др., наряду с несколькими вымершими – офо, билокси, тутело, катамба);

4) Галф (натчез, туника, чикасав, чоктав, мускоги и др.);

5) На-дене (хайда, тлингит, эяк; атапаскские: нава-хо, танана, толова, хупа, маттоле и др.);

6) Мосанские, включающие вакашские (квакиутль, нутка) и салишские (чехалис, скомиш, калиспел, белла кула);

7) Пенутианские (цимшиан, чинук, такелма, кламат, миубк, зуни и др., а также много вымерших);

8) Хокальтекские (карок, шаста, яна, чимарико, помо, салинаи др.);

Б. Языковые (условные) семьи Центральной Америки:

1) Юто-ацтекские (науатль, шошонский, хопи, луисеньо, папаго, кора и др.). Эта семья иногда объединяется с языками айова - тано (кайова, пиро, тева и др.) в рамках тано-ацтекской филы;

2) Майя-киче (мам, кекчи, киче, майя юкатекский, иксил, цельталь, тохолабаль, чоль, хуастекский и др.). Майя до прихода европейцев достигли высокой ступени культуры и имели свою иероглифическую письменность, частично дешифрованную;

3) Отомангские (паме, отоми, пополокский, миштекский, трик, сапотекские и др.);

4) Мискито - матагальпские (мискито, сумо, матагальпа и др.). Эти языки иногда включают в чибчасские; 5) Чибчасские (караке, рама, гетар, гуаими, чибча и др.). Чибчасские языки имеют распространение и в Южной Америке.

В. Языковые семьи Южной Америки:

1) Тупи-гуарани (тупи, гуарани, юруна, тупарии др.);

2) Кечумара (кечуа – язык древнего государства инков в Перу, в настоящее время в Перу, Боливии, Эквадоре; аймара);

3) Аравакские (чамикуро, чипая, итене, уаньям, гуана и др.);

4) Арауканские (мапуче, пикунче, пеуэиче и др.);

- 5) Пано-такана (чакобо, кашибо, пано, такана, чама и др.);
- 6) Же (канела, суя, шаванте, каинганг, ботокудский и др.);
- 7) Карибские (вайяна, пемон, чайма, ярума и др.);
- 8) Язык алакалуф и др. изолированные языки.

***

Существуют гипотезы о том, что и современные языковые семьи восходят к каким-то очень древним языкам-основам и что, таким образом, между ними существует генетическое родство. Так, высказывалось предположение об очень древних связях индоевропейских языков с другими семьями, в частности семито-хамитской. Но данные, которыми располагает в настоящее время лингвистика, еще не позволяют достаточно выяснить наличие таких генетических связей.

Говоря о языках, важно отметить, что все больше распространяется практика двуязычия, когда части народа или даже целые народы пользуются в обиходе двумя языками. Двуязычие – довольно частое явление в многонациональных странах, где национальные меньшинства, кроме родного, обычно пользуются также языком наиболее многочисленной нации. Двуязычие характерно и для стран массового оседания иммигрантов. В этой связи ученые иногда выделяют этносы: многоязычные; двуязычные; перешедшие на язык более крупного этноса.

По причине многоязычия число говорящих на отдельных языках не всегда совпадает с численностью народов, для которых эти языки являются родными. Особенно это относится к языкам крупных народов, служащих языками межнационального общения.

***

Завершая тему классификации народов, мы должны сказать, что есть еще масса вариантов ранжирования этносов по разным признакам с целью охватить многообразие мира. Во всяком случае названные классификации всего лишь инструмент познания и они, как мы говорили, уже должны применяться как конкретно-конструктивно, так и коррелировать данные друг друга в различных, особенно этно-историологических исследованиях. Кроме того, желательно снабжать их различными демографическими и статистическими данными.

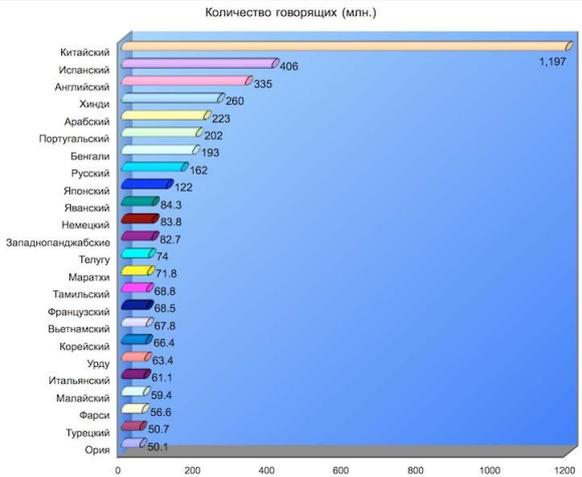
Например. По численности народы мира различны. Подавляющее большинство народов малочисленно. Только 310 народов имеют численность более 1 млн чел., но на них приходится около 96% населения Земли. К крупнейшим по численности народам мира относятся: китайцы (1 120 млн чел.); хиндустанцы (219 млн чел.); американцы США (187 млн чел.); бенгальцы (176 млн чел.); русские (146 млн чел.); бразильцы (137 млн чел.); японцы (123 млн чел.). Более 30 млн. человек насчитывают следующие народы: бихарцы, пенджабцы, мексиканцы, немцы, корейцы, итальянцы, вьеты, французы, англичане, украинцы, турки, поляки и др.

В зависимости от того, совпадают или нет этнические и государственные границы, страны мира делятся на однонациональные и многонациональные. Около половины стран – однонациональные. Это страны,

государственные границы которых совпадают с этническими и основная национальность составляет 90% всего населения. Их больше всего в Европе, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке. К таким странам можно отнести Данию, Швецию, Германию, Польшу, Италию, Японию, Саудовскую Аравию, Египет, большинство стран Латинской Америки. Многонациональные – это страны, в пределах государственных границ которых проживают несколько этносов. Их можно разделить на четыре группы: с резким преобладанием одной нации при наличии более или менее значительных национальных меньшинств (Великобритания, Франция, Испания, Китай, Монголия, Турция, Алжир, Марокко, США, Австралийский Союз); двунациональные (Канада, Бельгия); со сложным, но этнически однородным национальным составом (Иран, Афганистан, Пакистан, Лаос); со сложным и разнообразным в этническом отношении национальным составом (Россия, Индия, Швейцария, Индонезия).

Наиболее распространенные языки мира в начале XXI века

Языки	Число людей, для которых язык является родным, млн. чел.
Китайский	1 223
Испанский	332
Английский	322
Бенгали	189
Хинди	182
Арабский	175
Португальский	170
Русский	170
Японский	125
Немецкий	98
Яванский	75
Корейский	75
Французский	72

ПОЛНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ВВЕДЕНИЕ В КУРС ЛЕКЦИЙ

ЛЕКЦИЯ 1. Этнология как наука и необходимость ее изучения

Самопознание как основа науки. Место этнологии в процессе самопознания человека. Этнология в системе духовного образования. Объект и предмет этнографии и переход к этнологическому осмыслению. Об этнологической теории. Содержание этнологического знания. Его практическая направленность. Необходимость этнологических знаний в богословии. О настоящем курсе – «Введении в общую этнологию».

ЛЕКЦИЯ 2. Становление этнологии. Из истории изучения народов мира

Кратко о научном знании вообще и этнологии в частности. Первые парадигмы этнологического мышления человека. Самопознание человечества. Начало систематического изучения окружающего мира. Античность – Ближний восток, Малая Азия, Южная Европа. Описания «варваров». Геродот, Страбон, Эратосфен, Птолемей и др. Древний Китай и Индия. Христианство: хроники Византии и Болгарии. Иоанн Малала, Георгий Амартол, Лев Диакон, Константин Багрянородный. Ислам и Арабский халифат, расцвет наук. География, описания путешествий и картография. Аль Масуди, Аль Идриси, Ибн Баттута и др. Русские летописи. Хазарская переписка. Европейские путешествия: Юлиан и Гильом Рубрук, купцы Марко Поло и Плато Карпини. Дипломаты (с особой миссией) Сигизмунд Герберштейн и Адам Олеарий. Великие географические открытия. Колонизация. Начало этнографии. Россия – империя, самопознание. Оформление этнографии. Первые философские народоведческие доктрины (парадигмы). Начало этнологии.

ЛЕКЦИЯ 3. Из истории отечественной этнографии (этнологии)

Часть 1. Возникновение Российской этнографической школы

О причинах особого отношения россиян к этнографической проблематике. Россия XVIII-XIX вв. Дискуссии по общей концепции «национальной» истории. Первые структуры этнографической науки: АН и «государев кабинет редкостей» – Кунсткамера. Полемика Г. Миллера и М. Ломоносова. Россия – «земля не познанная». Академические экспедиции. Г. Миллер, П. Паллас, И. Георги, В. Татищев, П. Рычков и др. С.П. Крашенинников. Пугачевское восстание. Образование ОмДС. Новый этап осмысления этнографической картины России. МГУ. МОИДР. Новая полемика. Н.М. Карамзин, Г. Эверс. М.Т. Каченовский, Н. Полевой. Отечественная Война. Российская «народностная» парадигма. Рост интереса к этнографии. РГО. ОЛЕАЭ. Российские университеты СПб., Казань, Дерпт, Одесса. Казанский Университет и его роль в развитии «иногородческой» этнографии. Научные общества России. «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» (ОЛЕАЭ). УрОЛЕ. ВЭО. Губернские Ученые Архивные Комиссии (ГУАК). Третья дискуссия. П.И. Кеппен, С.Ф. Ольденбург, К. Бэр, К.Д. Кавелин, Н.И. Надеждин, Д.Н. Анучин, семья Харузиных. Этнография в АН, РГО и МГУ.

Часть 2. У истоков отечественной теории этноса

Еще о причинах особого отношения россиян к вопросам этничности. Полиэтничность. Поликонфессиональность. Полисословность. Поликультурность. Этапы и направления развития теоретической мысли в этнологии России XX века. Левин, Толстов, Чебоксаров, Токарев, Бромлей, Арутюнов, Гумилев, Рыбаков, Филипов, Кузеев. Этнология в центре и в регионах России. Этнонациональное самопознание. Историография и этнологические обобщения. У истоков российской «теории этноса». Н.И. Надеждин, Д.Н. Анучин, Н.Н. Миклухо-Маклай, В.Г. Богораз-Тан, семья Харузиных. Особенности развития этнографии СССР в 1930-1940-е; 1950-1960-е; 1970-1980-е года. Расцвет отечественной – «советской» теории этноса. Этнология 1990-х - начал 2000-х. Релятивизм, постмодернизм и конструктивизм. Критика «российской теории этноса». Новый век этнологии: между этнологией и антропологией

ЛЕКЦИЯ 4. Введение в общую этнологию. Этнология в системе наук.

Этнология в системе исторических наук. Феномен этничности сквозь историю и культуру этноса. Культура вообще и культура этноса. Наука и научное знание. Социальная функция этнологии. Научно-познавательная. Просветительская. Законы развития этничности. Этноконфликтология. Самопознание. Структуры этнологической науки. Информационные ресурсы этнологии. Основной метод этнологии и источники этнологического знания. Достоверность этнологического знания.

РАЗДЕЛ II. ЭТНОС И ЭТНИЧНОСТЬ

ЛЕКЦИЯ 5. Этнос и его признаки

Основные понятия этнологии. Этнос. Признаки этноса. Определение этноса. Осмысление этноса. Научные подходы, методологии и теории этноса и этничности: эволюционизм, диффузионизм, функционализм, конструктивизм, примордиализм, постмодернизм. Этнологические теории и концепции этничности в России: примордиализм и конструктивизм. Этносоциальная теория. Ю.В. Бромлей, С.А. Токарев, В.И. Козлов. Информационная теория. Н.Н. Чебоксаров, В.Г. Левин. Космобиологическая теория. Л.Г. Гумилев. Историко-культурологическая теория. С.А. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров, Р.Г. Кузеев.

ЛЕКЦИЯ 6. Механизмы возникновения, сохранения и воспроизводства этноса и этничности.

Способы постижения и модели этничности. Теория Божественного происхождения народов. Священный Коран об этническом многообразии мира. Этнокультурные инфосвязи и их роль в сохранении и функционировании этноса. Брачные контакты и их роль в развитии этнокультурных инфосвязей. Этнические границы. Условия формирования этноса. О понятии Культура. Культура этноса. Культура в общесоциальном смысле. Типология и таксономия. Культура нации.

ЛЕКЦИЯ 7. Этнические общности.

О понятии этническая общность. Особенности идентификации этнических общностей в прошлом России. Этно-, гео- и демосоциоры (по Ю.И. Семенову). Иностранцы, иноверцы. Перепись 1897 года и влияние этнологии на дальнейшее развитие этнической статистики. Идентификация этнических общностей в современной этнологии. Типология этнических общностей. Исторические типы: племя, народность, нация. МЭГ. ЭСО. Этникос, этнос, субэтнос, этнографическая и этническая группа, Этно-сословная (-конфессиональная, -генетическая, -культурная) группы, этническая общность, этнический субстрат. Формы проявления этничности.

ЛЕКЦИЯ 8. Этнические процессы.

Движение этноса – движение культуры. Этнос как процесс. Этногенез, глоттогенез, культурогенез, генезис государства. Этническая история. Этническая энтропия. Эволюция и трансформация культуры. Образование субэтнических групп. Отрыв частей этноса. Энтропия. Ассимиляция, аккультурация, абсорбция. Этногенез. Этноязыковые, адаптационные, этноисторические (этносоциальные), этнокультурные процессы. Этнические процессы. Этнодемографические, этноязыковые, этнопсихологические, этнокультурные процессы.

РАЗДЕЛ III. КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ МИРА

ПРЕАМБУЛА: Для чего нужна классификация?

ЛЕКЦИЯ 9. Антропологическая и географическая классификации.

О классификации. Антропологическая классификация. Понятие раса. Расовая таксономия. Теория рас. Расизм. Научное понятие раса. Признаки рас. Расовые различия. Происхождение рас. Европеоидная, Монголоидная, Негроидная и Австралоидная расы. Малые расы. Основные характеристики рас.

Географическая классификация. Принципы. Понятия: континент, материк, зона, регион, область. Административные понятия. Государства, дистрикты, кантоны, районы, области. Географическая классификация народов мира.

ЛЕКЦИЯ 10. Хозяйственно-культурная и историко-этнографическая классификации.

Хозяйственно-культурная и историко-этнографическая (ареально-культурная) классификации. Типология и классификация. Тип, вид, класс. Ландшафт, климат, системы жизнеобеспечения. Понятие хозяйственно-культурный тип (ХКТ). Принципы классификации по ХКТ. ХКТ сегодня. Классификация по ИКТ или ИКР. Понятия Историко-культурная провинция, Историко-культурная (этнографическая) область, Историко-культурный регион. Культурогенез. Общий слой культуры. Историко-культурные области.

ЛЕКЦИЯ 11. Языковая (лингвистическая) классификация в этнологии.

Языковая классификация. Язык. Языковое родство. Языковые процессы. Кластер (таксон). Семья, группа, подгруппа, язык, диалект, говор, подговор – «под семья». Ветвь, фила, сток. Наречие. Мировые языки. Языковые процессы. Крупные языковые семьи. Семьи-языки. Сепаратизм. Действующие и исчезнувшие языки. Индоевропейская, Койсанская, Нигер-кордофанская, Нило-сахарская, Афро-азиатская, Кавказская, Картвельская, Дравидийская, Уральско-юкагирская, Алтайская, Чукчи-камчатская («палеосибирская»), Сино-тибетская, Языки мяо-яо, австро-азиатская и дайская семья, Австронезийская, Индийско-тихоокеанская и австралийская, Эскимосско-алеутская, Семья «на-дене», Американдская (Северная и Южная).

Приложение: Классификация народов по языковому признаку (таблица)

Таблица. Классификация народов по языковому признаку		
Языковые семьи	Языковые группы	Народы (этноты)
Индоевропейская	славянская	восточные славяне: белорусы, русские, украинцы
		западные славяне: лужичане, поляки, словаки, чехи
		южные славяне: болгары, боснийцы, македонцы, сербы, словенцы, хорваты, черногорцы
	романская	французы, валлоны, франко-швейцарцы, франко-канадцы, корсиканцы, португальцы, испанцы, каталонцы, галисийцы, итальянцы, итало-швейцарцы, ретороманцы, сардинцы, румыны, молдаване, латино-американские народы (бразильцы, перуанцы, мексиканцы, кубинцы, аргентинцы, чилийцы, венесуэльцы, колумбийцы и т.д.)
	германская	немцы, австрийцы, эльзасцы, германо-швейцарцы, англичане, американцы США, англо-канадцы, англо-австралийцы, англо-новозеландцы, шотландцы, голландцы, суринамцы, буры (африканеры), фламандцы, фризы, датчане, норвежцы, шведы, исландцы, евреи (говорящие на идиш)
	кельтская	бретонцы, валлийцы, ирландцы
	балтийская	латыши, литовцы
	греческая	греки
	албанская	албанцы
	армянская	армяне
	индоарийская	ассамцы, бенгальцы, бихарцы, гуджаратцы, маратхи, непальцы, ория, панджабцы, пахари, раджастханцы, сингалы, синдхи, цыгане, хиндустанцы
	иранская	белуджи, курды, осетины, персы, пуштуны, таджики
Китайско-тибетская	китайская	китайцы, хуэй
	тибетско-бирманская	бирманцы (мьянма), бутанцы, ицзу, нага, гибетцы
Афразийская	семитская	амхара, арабы, евреи Израиля (иврит)
	берберская	берберы, туареги
	кушитская	оромо, сомали
	чадская	хауса
Австронезийская	западно-австронезийская	батаки, бисайя, малагасийцы, малайцы, тагалы, яванцы
	восточно-австронезийская	меланезийцы: толаи, фиджийцы микронезийцы: науру, кирибати, маршалльцы полинезийцы: гавайцы, маори, самоа, таигяне, тонга
	тайваньская	гаошань
Дравидская	—	гонды, телугу, тамилы, каннара, малаяли
Алтайская	тюркская	азербайджанцы, алтайцы, башкиры, казахи, киргизы, татары, турки, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, чуваша, якуты
	монгольская	буряты, калмыки, монголы
	тунгусо-маньчжурская	маньчжуры, нанайцы, удэгейцы, эвенки, эвены
—	корейская	корейцы
—	японская	японцы
Нигеро-кардофанская	нигер-конго	волоф, зулу, йоруба, моей, фульбе и другие народы банту
	манде	малинке, менде, сусу
	кордофанская	эбанг
Уральская	финно-угорская	венгры, карелы, коми, манси, марийцы, мордва, саами, удмурты, финны, ханты, эстонцы
	самодийская	ненцы, нганасаны, селькупы
Австроазиатская	монкхмерская	вьеты, кхмеры
Тай	—	лао, сиамцы, чжуаны, шань

(парагайская)		
Картвельская	грузинская	грузины
Нило-сахарская	—	динка, нубийцы, сонгаи, фур
Койсанская	—	бушмены, готтентоты Материал с сайта http://worldofschool.ru
Мяо-яо	—	мяо, яо
Чукотско-камчатская	—	ительмены, коряки, чукчи
Эскимосо-алеутская	—	алеуты, эскимосы
Индийские семьи	—	аймара, алгонкины, апачи, араваки, арауканы, атабаски, ацтеки, карибы, кечуа, майя, навахо, тупи, шошоны
Папуасские семьи	—	камано, хаген, хули, энга и другие папуасские народы
Австралийская	—	австралийцы-аборигены
	—	баски

Р.И. ЯКУПОВ

ВВЕДЕНИЕ В ОБЩУЮ ЭТНОЛОГИЮ

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 14.02.2016.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 10.3. Уч.-изд. л. – 10.1.

Тираж 200 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а